

Терри
Пратчетт

Господин Зима

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

Annotation

Спустя два года после событий книги «Шляпа, полная небес», 13-летняя Тиффани Болит снова отправилась в Ланкр, обучаться ведовству у старой ведьмы мисс Тенеты. Поздней осенью мисс Тенета отвела Тиффани в лес, чтобы понаблюдать за темным Танцем Морриса, приветствующим зиму. Несмотря на запрет, Тиффани пускается в пляс, не в силах противостоять магии танца, и занимает пустующее место в ряду танцующих — место, которое предназначалось не для нее, а для самой Госпожи Лето. Зимних Дел Мастер, в честь которого исполнялся танец, принял Тиффани за богиню лета и влюбился в нее. А Тиффани, вмешавшись в то, во что вмешиваться не следовало, приобрела некоторые черты Госпожи Лето, начиная становиться богиней. Зимних Дел Мастер или Зимовой, начинает искать встречи с юной ведьмой. Он даже готов стать человеком ради нее и построить ледяной дворец, где они будут царствовать вдвоем.

Как может стихия выразить свои чувства? Снежинки в форме Тиффани и ледяные розы могут показаться достаточно романтичными. Но сотни айсбергов, изображающих Тиффани и топящих корабли, снежные бури весной, когда должны родиться ягнята — это уже совсем другое дело. Вечная зима, которую обещает Тиффани Зимовой, принесет гибель всему миру. Тиффани должна исправить последствия своего неразумного поступка и остановить Зимних Дел Мастера. Ей на помощь опять приходят верные Нак Мак Фиглы и Роланд, сын барона, которые отправляются в Мир Теней, где спит настоящая Госпожа Лето и разбудить ее.

-
- [Терри Пратчетт](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)

- [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Примечание автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Терри Пратчетт
Господин Зима

Глава первая

Небывалый снегопад

Пришла буря и обрушилась на холмы, как молот. Ни одно небо не удержало бы столько снега и потому он все валил и валил, сплошной белой пеленой.

Там, где несколько часов назад стоял древний курган с зарослями терновника, высился сугроб. В это время года уже начинали цвести примулы, но сейчас здесь был только снег.

Небольшая часть снега пошевелилась. Ком, размером с яблоко, приподнялся и из под него заструился дымок. Появилась маленькая рука, не больше кроличьей лапки, и отогнала дым прочь.

Очень маленькое, но очень рассерженное синее личико возрилось на нежданно возникшую белую пустыню из под снежной шапки, которая все еще возвышалась у него на макушке.

— Ой, кривенс! — заворчал он. — Глянь-ка на то? Вот-те Зимний Кузнец натворил! Вот отвратище, что слово «нет» и за ответ не примет.

Еще несколько снежных комьев приподнялось. Еще несколько голов выглянули наружу.

— Ой, вэйли, вэйли-вэйли! — сказала одна из них. — Он опять нашел каргу!

Первая голова повернулась ко второй и произнесла. — Вулли Валенок?

— Да?

— А не сказывал я тебе завязывать с этими вэйли?

— Айе, Роб, сказывал ты. — ответила голова, названная Вулли.

— Так что ты только что сказанул?

— Прощения просим, Роб. Оно само, как вылетело — не поймаешь.

— Удручает это все.

— Прощения просим, Роб.

Роб Всякограб вздохнул. — Но страшусь я, что прав ты Вулли. Пришел он за Великой Каргой, верная правда. Кто за ней присматривет в низах на ферме?

— Велик Опасен Шип, Роб.

Роб поглядел на тучи, битком набитые снегом, аж середина провисала.

— Лады, — сказал он и опять вздохнул. — Время пришло для героя.

Он скрылся из виду и скользнул в глубину кургана Фиглов, снежная

пробка аккуратно встала на место.

Курган внутри был довольно большим. В самом центре даже человек мог встать в полный рост, но ему тут же пришлось бы согнуться пополам от кашля, потому, что как раз посередине располагалась дыра, сквозь которую улетучивался дым.

Вдоль внутренних стен тянулись ярусы галерей, плотно забитые фиглами. Обычно здесь все гудело от шума, но сейчас стояла пугающая тишина.

Роб Всякограб прошел к огню, где его ждала жена, Дженни. Она стояла прямо и гордо, как и положено стоять кельде, но когда он подошел поближе, ему стало ясно, что она недавно плакала. Он обнял ее за плечи.

— Лады, кажись ведомо мне, что деется, — обратился он к синекрасной публике, смотрящей на него сверху вниз. — Это буря не простая. Зимний Кузнец нашел Велику Каргу — ну-ка, утихомиртись!

Он подождал пока крики и бречание мечей не стихли и затем продолжил: — Не можем мы сражаться с Зимовым! Это ее путь! Не можем мы пройти его за нее! Но Карга из Карг подвигла нас на другу стезю! Темна она и опасна!

Раздались одобрительные крики. Эта идея прихлась фиглам по меньшей мере по вкусу.

— Вот так! — сказал Роб удовлетворенно. — А я прочь — Героя добыть.

Тут все стали смеяться и Великий Ян, самый высокий из фиглов, закричал — Раненько лишок! Ему лишь пару уроков геройствования подали. Ноль без палочки, вот что он сейчас!

— Будет он Героем для Карги и на этом точка. — резко ответил Роб. — Гэтъ все отседа, всем гуртом! В меловую яму! Путь в Подмирье мне копать!

Это все Зимних Дел Мастер, твердила про себя Тиффани, стоя в насквозь промерзшем фермерском доме и глядя в лицо своему отцу. Она чувствовала, что Зимовой где-то рядом. Такая погода не была нормальной даже для глубокой зимы, а уже весна наступила. Это был вызов. А может быть и игра. С Зимовым трудно быть уверенным.

Только какая уж там игра, когда гибнут ягнята. Мне только тринадцать, а отец, и все те, намного старше меня, хотят, чтобы я сделала что-то. И я не могу. Зимовой снова нашел меня, а я слишком слаба.

Легче было бы, если бы они смеялись надо мной, но они просят. Лицо отца посерело от забот и он просит меня. Мой отец просит меня.

Ох, нет! Он снимает шляпу. Он снимает шляпу, чтобы обратиться ко мне!

Они думают, что волшебство само происходит, стоит мне пальцами щелкнуть. Но какой от меня прок, если я не могу помочь им сейчас? Нельзя им показывать, что мне страшно. Ведьмам бояться не позволено.

Это моя вина. Я: я начала это. Я должна покончить с этим.

Мистер Болит откашлялся.

— ...И, эээ... Не могла бы ты... Ээээ... прогнать это магией или как-то так? Для нас?...

Все в комнате было серым, потому, что свет попадал в окна через толстый слой снега. Никто не тратил время на то, чтобы расчищать дома. Каждый, кто мог держать в руках лопату, был в другом месте и все равно, рук не хватало. Почти никто не спал в эту ночь. Все бродили между группками овец-первогодков, стараясь уберечь новорожденных ягнят... в темноте, в снегу...

Это был ее снег. Послание к ней. Вызов. Призыв.

— Хорошо — ответила она. — я посмотрю, что можно сделать.

— Вот умница. — с облегчением сказал ее отец. Вовсе не умница, подумала Тиффани. Это я навлекла бедствие на всех.

— Вам надо развести большой костер рядом с сараями. — вслух произнесла она. — По настоящему большой костер, понимаешь? Кидай все, что может гореть, ты должен поддерживать его. Подкидывай дров, что бы не случилось. Костер не должен погаснуть!

Она постаралась, чтобы слова «не должен» прозвучали громко и устрашающе. Нельзя было позволить им пускаться в раздумья. Тиффани надела тяжелый коричневый шерстяной плащ, сотканный для нее мисс Тенетой, и схватила остроконечную шляпу, висевшую на двери.

Народ, столпившийся на кухне, забормотал что-то, а кое-кто даже попятился. Вот так — нам нужна ведьма, мы хотим ведьму, но — пятиться мы тоже будем.

Это была магия остроконечной шляпы. То, что мисс Тенета называла Боффо.

Тиффани Болит ступила в узкий коридор, прорытый через занесенный снегом двор фермы, толщина снега там была высотой в два человеческих роста. Глубокие сугробы, по крайней мере, задерживали порывы ветра, острого, как лезвия.

Дорога до загонов был расчищена, а это была тяжелая работа. Как расчищать снег, глубиной в пятнадцать футов? Куда его раскидывать?

Она подождала возле сарая с телегами, пока мужчины кромсали и откалывали снег. Они были измучены до смерти. Копали много часов подряд.

Сейчас было важно...

Много что было важным. Важным было выглядеть спокойной и уверенной, важным было сохранять ясность ума, важным было не показывать, что ты чуть не описалась от страха...

Она протянула руку, поймала снежинку и пристально вгляделась в нее. Снежинка была не обычная. Эта была одна из его специальных снежинок. И это было отвратительно. Зимовой дразнит ее. Вот сейчас, она смогла бы возненавидеть его. Никогда раньше она не чувствовала ненависти, но сейчас он губит ягнят.

Она вздрогнула и закуталась в плащ.

— Я свой выбор делаю, — хрипло произнесла она, в воздухе за клубились облачка ее дыхания. Она прочистила горло и начала снова. — Я свой выбор делаю. Если есть цена, я заплачу. Если то смерть моя, я умру. Куда поведет меня, туда и пойду. Я выбираю. Я свой выбор делаю.

Это были и не чары вовсе, разве что для нее самой, но если заклинание не сработает у тебя в голове, то оно нигде не сработает.

Тиффани спряталась в плащ от режущего ветра, хмуро наблюдая, как мужчины таскали солому и дерево. Костер разгорался медленно, как будто страшился проявлять рвение.

Она уже проделывала такое, так ведь? Раз десять. Штука то проста, надо лишь прочувствовать ее, но раньше у Тиффани было достаточно времени, чтобы привести мысли в порядок и проделывала она его с очагом на кухне, только чтоб ноги согреть. Теоретически, с большим костром и целым полем снега все должно быть также просто, правда?

Правда?

Пламя взревело. Отец положил руку ей на плечо. Тиффани подпрыгнула. Она забыла, как тихо он ходит.

— Что это было насчет выбора? — спросил он. Она также забыла, какой острый у него слух.

— Это... ведьминские штучки — ответила она, стараясь не смотреть ему в лицо. — То есть, если это не сработает... Виновата буду только я.

А только я и виновата, добавила она про себя. Это несправедливо, но никто и не говорил, что оно должно было быть.

Отец поймал ее за подбородок и осторожно повернул голову к себе. Какие мягкие у него руки, подумала Тиффани. Руки большого мужчины, но мягкие, как у ребенка, это все из-за жировой смазки, что на овечьей шерсти.

— Не надо нам было просить тебя... — сказал он.

Нет, вы должны были попросить меня, думала Тиффани. Ягнята погибают под небывалым слоем снега. А я должна была бы ответить — нет,

я еще не достаточно умела. Но ягнята гибнут под небывалым слоем снега!

Но Второй Помысел сказал — будут другие ягнята.

Но это будут другие ягнята, а не эти. Здесь и сейчас умирают ягнята. И умирают они потому, что я послушалась своих ног и дерзнула танцевать с Зимовым.

— Я справлюсь. — ответила она.

Отец держал ее за подбородок и пристально глядел в глаза.

— Ты уверена, джиггит? — спросил он. Это было прозвище, которое дала ей бабушка — Бабушка Болит, не потерявшая ни одного ягненка даже в самую свирепую бурю. Никогда раньше он не произносил его. Почему же оно всплыло в его памяти сейчас?

— Да! — она оттолкнула его руку, чтобы он не заметил, что она вот-вот разрыдается.

— Я... Я еще не сказал матери... — очень медленно произнес отец, будто каждое слово требовало огромной осторожности. — Но я нигде не могу найти твоего брата. Думаю, он пытался помогать. Эйб Свиндел видел его с лопаткой. Э... Я уверен, что с ним все в порядке, но... Высматривай его в оба, лады? Он был в красной куртке.

На его лицо, лишненное всякого выражения, было больно смотреть. Малыш Вентворт, почти семи лет отроду, он всегда бегал за взрослыми, всегда пытался помочь... Маленькую фигурку так легко потерять из виду... Снег продолжал всюду валить. Страшные, неправильные снежинки белели на плечах ее отца. Вот такие мелочи и вспомнишь, когда мир полетит вверх тормашками и ты вместе с ним...

Это было не просто несправедливо; это было... жестоко.

Помни о шляпе, что на тебе! Помни о деле, что ты сделать должна! Равновесие! Равновесие — вот что главное. Держи равновесие, уравновешивай...

Тиффани вытянула окоченевшие руки к огню, притягивая жар.

— Помни, нельзя позволить огню погаснуть! — сказала она.

— Люди несут дрова отовсюду. — ответил отец. — Я им и весь уголь из кузницы сказал принести. Будет чем поддержать огонь, я тебе обещаю!

Пламя танцевало и загибалось к рукам Тиффани. Надо было только... Надо было... Подманить огонь поближе, утянуть за собой и... уравновесить. И забыть обо всем другом!

— Я пойду с... — начал ее отец.

— Нет! Следи за огнем! — слишком громко завопила Тиффани, вне себя от страха. — Делай, что я тебе скажу!

Сегодня я тебе не дочь! — вскричал ее рассудок. Я для вас ведьма! Я

буду защищать вас!

Она повернулась, прежде чем он успел разглядеть ее лицо, и побежала сквозь падающие снежные хлопья по тропинке, прочищенной в направлении нижних загонов. Снег был утоптан в неровную, бугристую тропинку, падающие снежинки делали ее скользкой. Изнуренные люди с лопатами прижимались к стенкам траншеи, стараясь дать ей дорогу.

Она добежала до площадки, где пастухи вгрызались в снежную стену. Снег комьями разлетался вокруг них.

— Стойте! Все назад! — закричала она громко, но это ее голос кричал, а разум — плакал навзрыд.

Мужчины немедленно повиновались. Голос, сказавший это, принадлежал владелице остроконечной шляпы. С ним не поспоришь.

Помни о жаре, о жаре, помни жар, держи равновесие, балансируй... Таково ведовство в самом, что ни на есть чистом виде. Никаких тебе игрушек. Никаких волшебных палочек, Боффо, головологии, никаких тебе фокусов. Значение имеет только то, что ты представляешь собой. Но иногда бывает нужно обмануть саму себя. Ведь она ни Госпожа Лето, ни Матушка Ветровоск. Она должна помочь себе сама, всем, чем только сможет.

Тиффани вытащила маленькую серебряную лошадку из кармана. Она была замусоленная и измызганная, Тиффани все собиралась почистить ее, но времени не было, совсем не было...

Как рыцарь, застегивающий шлем, она защелкнула серебрянную цепочку на шее.

Ей нужно было больше практиковаться. Ей следовало слушать людей. Ей следовало прислушиваться к себе.

Она глубоко вздохнула и развела руки в стороны, ладонями кверху. На правой ладони выделялся белый шрам.

— Гром по мою правую руку. — Сказала она. — Молния по левую. Огонь позади меня. Стужа передо мной.

Тиффани сделала несколько шагов вперед, пока почти не уперлась в снежную стену. Она могла чувствовать, как холод вытягивает из нее тепло. Что-ж, быть по сему. Она несколько раз глубоко вздохнула. Я свой выбор делаю...

— Стужа к огню. — прошептала она.

На дворе фермы пламя стало белым и взревело, как кузнечный горн.

Снег шипел, взрывался паром и плевался комьями снега. Тиффани медленно двинулась вперед. Снежная стена таяла под ее руками, как туман под утренним солнцем. Снег плавился от жары, образуя туннель в глубоком снежном слое, спасаясь бегством от ее рук, клубясь облаками холодного

тумана вокруг нее.

Да! Она безнадежно улыбнулась. Все правильно. Если найти центр равновесия, то при верном настрое ума, можно балансировать. В середине качающейся доски всегда есть неподвижное место...

Ботинки Тиффани захлюпали в теплой воде. Под снегом уже росла свежая трава потому, что очень поздним был этот небывалый снегопад. Она шла вперед, направляясь к загонам с ягнятами.

Ее отец уставился на огонь. Он пылал белым пламенем, как кузнечный горн, пожирая дерево, словно подгоняемый ветром. Дерево рассыпалось в пепел прямо на глазах...

Вокруг ботинок уже струилась вода.

Да! Но не думай об этом! Удерживай равновесие! Больше жара! Стужа к огню!

Послышалось блеяние.

Овцы способны выжить под снегом, хоть какое-то время. Но Бабушка Болит обычно говорила, что когда Боги создавали овец, они забыли мозги для них в другой одежде. В панике, а овцы всегда пребывают на грани паники, они топчут своих ягнят.

Матки и ягнята появлялись, окутанные паром, смущенные, словно они были потерянными изваяниями, а снег таял вокруг них.

Тиффани продвигалась вперед, глядя прямо перед собой, едва осознавая возбужденные крики мужчин позади. Они следовали за ней, вытаскивали овец, подхватывали ягнят...

Отец кричал на людей. Одни рубили телеги, швыряя дерево в костер, горящий белым пламенем. Другие вытаскивали мебель из дома. Колеса, столы, тюки соломы, стулья — огонь пожирал все, проглатывал их и ревел, требуя еще. Но ничего не осталось.

Не думай о красной куртке! Никакой красной куртки! Балансируй, удерживай равновесие. Тиффани брела вперед, овцы и вода текли мимо нее. Потолок туннеля со всплеском обрушился. Она не обратила внимания. Снежинки падали через отверстие и испарялись в воздухе над ее головой. На это она тоже не обратила внимания. И тут, перед ней... мелькнуло красное.

Стужа к огню! Снег исчез и под ним был Вентворт. Она подхватила его, прижала к себе, согревая, чувствуя, как он зашевелился, зашептала: — не меньше сорока фунтов! Сорока фунтов!

Вентворт закашлялся и открыл глаза. Слезы капали, как тающий снег, Тиффани подбежала к пастуху и сунула ему в руки мальчика.

— Отнеси его к матери! Неси сейчас же!

Мужчина подхватил ребенка и побежал, напуганный ее свирепостью. Сегодня она была их ведьмой!

Тиффани вернулась назад. Надо было спасать остальных ягня.

Куртка ее отца упала в изголодавшее пламя, вспыхнула на мгновение и рассыпалась в пепел. Остальные были уже наготове; они схватили мужчину, изготовившегося прыгнуть в огонь и оттащили его назад, пинающегося и кричащего.

Кремневые булыжники плавилась, как масло. Они расплескались на мгновение и снова застыли.

Огонь погас.

Тиффани Болит взглянула в глаза Зимовому.

И с крыши сарая для телег, тонкий голосок, принадлежащий Величу Опасну Шипу сказал, — Ах, кривенс!

* * *

Но ничего этого еще не произошло. Оно могло бы и вовсе не произойти. Будущее всегда чуточку неустойчиво. Любое незначительное событие, например, падение снежинки или капли, выпитые не из той ложки, может заставить его развиваться по другому пути. А может и не заставить.

Когда все это началось, стояла поздняя осень, был день и был котенок...

Глава вторая

Мисс Тенета

Вот она, Тиффани Болит, летит на метле через лес в горах за сотни миль отсюда. Это очень старая метла, которая держится очень низко над землей. Для предотвращения переворачивания она снабжена двумя дополнительными вениками сзади, как детский велосипед — колесиками. Метла принадлежит очень старой ведьме по имени мисс Тенета, которая летает на метле еще хуже, чем Тиффани, и которой 113 лет.

Тиффани моложе ее больше чем на сотню лет, выше, чем была месяц назад и менее самоуверена, чем год назад.

Тиффани учится на ведьму. Ведьмы обычно носят черное, но насколько она могла судить, ведьмы носили черное лишь потому, что они всегда носили черное. Эта причина не казалась ей достаточно разумной, и потому, она предпочитала одеваться в голубое или зеленое. Она никогда не пренебрегала пышными нарядами, поскольку ни разу ни одного не видела.

Тем не менее, избежать остроконечной шляпы было невозможно. В остроконечной шляпе нет ничего магического, не считая того, что она служит указателем, что ее владелица — ведьма. Люди обращают внимание на остроконечные шляпы.

Но и в шляпе нелегко быть ведьмой в деревне, где ты выросла. Трудно быть ведьмой для людей, помнящих тебя в двухлетнем возрасте, как «Девчурку Джо Болита», бегающую в одной рубашонке.

Отъезд из родных краев помогал. Большинство людей, которых Тиффани знала, и на десять миль не удалялись от места своего рождения, так что отправляясь в таинственные чужеземные края, ты и сам становишься чуток таинственным. Возвращался ты уже немного другим. Ведьмы обязаны быть другими.

Ведовство оказалось тяжелой работой безо всяких там колдовских хлоп-трень-брень штук. Не было ни школ, ни чего-либо, похожего на уроки. Тем не менее, пытаться учиться ведовству самостоятельно было очень неразумно, особенно, если обладаешь природными склонностями. Поймешь что не так и за неделю перейдешь к хихиканью...

Если разобраться, то все дело было в хихиканье. Хотя, никто об этом прямо не говорил. Ведьмы говорили о том, что «нельзя быть слишком старой, слишком костлявой или иметь слишком много бородавок», но они

никогда не упоминали хихиканье. Прямо не упоминали. Но они все время были начеку.

Скатиться к хихиканью было слишком просто. Ведьмы, в основном, жили в одиночестве (предпочтительно с кошкой), и целыми неделями могли не встречаться друг с другом. В те времена, когда люди ненавидели ведьм, они обвиняли их в разговорах с кошками. Конечно же, ведьмы разговаривали с кошками. Проведи три недели, без осмысленных разговоров о чем бы то ни было, кроме коров, и ты начнешь говорить со стенами. А это первый признак хихиканья.

«Хихиканье» для ведьмы означает не только неприятный смех. Это признак того, что твой рассудок тронулся с якоря. Это означает, что ты теряешь тормоза. Это означает что, одиночество, тяжкий труд, ответственность и проблемы других людей потихоньку сводят тебя с ума, так медленно, что ты этого не замечаешь до тех пор, пока не начнешь считать, что можно перестать умываться или надеваешь чайник на голову. Это означает, что ты начинаешь считать себя лучше других жителей деревни только потому, что знаешь больше. Это означает, что для тебя, вопрос о том, что хорошо, а что плохо, может быть предметом переговоров. И, в результате, это означает, что ты «склоняешься к тьме», как говорят ведьмы. Это был плохой путь. В конце этого пути тебя ждут отравленное веретено и пряничный домик.

Что помогало, так это привычка ходить в гости. Ведьмы постоянно навещали друг дружку, совершая иногда путешествия длиной в тысячи миль ради того только, чтобы выпить чашку чая с булочкой. Ну, отчасти, они они делали это ради сплетен, потому что ведьмы обожают сплетничать, особенно, если новости были не столько правдивые, сколько волнующие. Но главным образом, визиты были нужны, чтобы приглядывать друг за другом.

Сегодня Тиффани летела навестить Матушку Ветровоск, которая, по мнению большинства ведьм (включая и саму Матушку), была самая могущественной ведьмой в горах. Визиты проходили очень пристойно. Никто не спрашивал — «Ну как, крыша еще не поехала?» и не отвечал — «Конечно нет! Я еще не рехнулась!». Не было в этом никакой необходимости. Все и так понимали, что к чему и говорили совсем о другом. Но Матушка Ветровоск, когда она была не в духе, была крепким орешком...

Она безмолвно сидела в кресле-качалке. Есть люди, чья сильная сторона — разговоры, Матушке отлично удавалось молчание. Она могла быть так тиха и неподвижна, что постепенно исчезала из вида. Вы просто

забывали о ее присутствии. Комната становилось пустой.

Это выводило людей из равновесия. Скорее всего, так и было задумано. Но Тиффани тоже изучила тишину, у своей родной Бабушки Болит. А сейчас она научилась тому, что можно стать невидимым, став по настоящему неслышимым.

В этом Матушка Ветровоска была дока.

Тиффани полагала, что существовало такое заклинание Я-Не-Здесь, если это вообще было заклинанием. Она пришла к выводу, что у каждого внутри пряталось что-то, провозглашающее миру, что ты находишься здесь. Поэтому, можно было почувствовать стоящего позади, даже если тот не издавал ни звука. Вы получали от него сигнал Я-Здесь.

У некоторых людей этот сигнал был очень сильным. Это их первыми обслуживали в лавках. Матушкин сигнал Я-Здесь был настолько силен, что в случае необходимости, мог эхом отразиться от горных вершин. Когда Матушка Ветровоск заходила в лес, волки и медведи выбегали из него с другой стороны.

Но она умела и отключать свой сигнал.

Что она как раз сейчас и делала. Тиффани приходилось прилагать усилия, чтобы видеть хозяйку. Основная часть ее мозга говорила ей, что Матушки в комнате нет.

Ну, подумала она, с меня хватит. Она кашлянула. Внезапно, Матушка появилась, как будто она всегда была здесь.

— Мисс Тенета чувствует себя хорошо. — сказала Тиффани.

— Замечательная женщина. — ответила Матушка.

— Эхм, да.

— У нее странные привычки. — сказала Тиффани.

— Никто из нас не совершенен. — ответила Матушка.

— Она пробует новые глаза. — сказала Тиффани.

— Вот и хорошо.

— Это пара воронов...

— Это только к лучшему. — ответила Матушка.

— Они лучше, чем глаза мыши, которыми она обычно пользуется. — сказала Тиффани.

— Надеюсь, что так.

Беседа еще немного продолжалась в таком духе, пока Тиффани не начала досадовать, что ей одной приходится проделывать всю работу. Есть же, в конце концов, обычная вежливость. Ну раз так, она знает, что ей сказать.

— Миссис Иервиг написала еще одну книгу. — сказала она.

— Я слышала. — ответила Матушка. Тени в комнате словно сгустились.

Что же, это объясняло дурное настроение. Одна мысль о миссис Иервиг приводила Матушку Ветровоск в ярость. Во-первых, она была не местная, что уже само по себе было преступлением. Во-вторых, она писала книги, а Матушка книгам не доверяла. И еще, миссис Иервиг (произносится, как Ае-виг, по крайней мере, самой миссис Ае-виг) верила в блестящие палочки, магические амулеты, мистические руны и влияние звезд; в то время, как Матушка Ветровоск верила в чашку чая, печенье, умывание холодной водой по утрам и, ага, главным образом она верила в Матушку Ветровоск.

Молодые ведьмы предпочитали Миссис Иервиг потому, что быть ведьмой по ее способу давало возможность носить так много украшений, что ходить было трудно. Матушку Ветровоск мало кто выбирал -

— за исключением тех случаев, когда в ней была нужда. Когда над колыбелью стоял Смерть или топор соскальзывал и кровь струилась в мох, тогда посылали в холодный, кривой домишко на пустоши. Когда все надежды были потеряны, звали Матушку Ветровоск, потому, что она была лучшей.

Она всегда приходила. Всегда. Но любили ли ее? Нет, ведь нужда и любовь не одно и то же. Матушка Ветровоск была для серьезных случаев.

Тем не менее, Тиффани она по своему нравилась. Тиффани думала, что и она нравилась Матушке. Она позволяла Тиффани называть ее в лицо Матушкой, тогда как другие молодые ведьмы обязаны были обращаться к ней — госпожа Ветровоск. Иногда Тиффани приходило в голову, что если вы чувствовали дружеское расположение к Матушке, она проверяла вас, как далеко вы можете зайти. Все, что касалось Матушки Ветровоск было испытанием.

— Книга называется «Полеты на метле для начинающих». - продолжила Тиффани, внимательно следя за Матушкой.

Матушка Ветровоск улыбнулась. Это означало, что уголки ее рта приподнялись.

— Ха! — ответила она. — Я говорила это раньше и скажу снова: нельзя научиться ведовству по книгам. По мнению Летиции Иервиг, чтобы стать ведьмой достаточно сбегать в лавку.

Она одарила Тиффани проницательным взглядом, словно что-то прикидывая про себя. Затем она сказала — Спорю, что вот так, она делать не умеет.

Матушка взяла чашку горячего чая и сжала ее одной рукой. Другой она

взяла Тиффани за руку.

— Готова?

— К че-... - начала Тиффани и вдруг почувствовала, как ее руке стало горячо. Жар разлился по руке, согревая ее до костей.

— Чуешь?

— Да!

Нагрев прекратился и Матушка Ветровоск, не сводя глаз с лица Тиффани, медленно перевернула чашку.

Чай выпал одним куском. Он полностью замерз.

Тиффани была достаточно взрослой, чтобы не сказать — Как вы это сделали? Матушка Ветровоск не отвечала на глупые вопросы, или, если уж на то пошло, совсем не отвечала на большинство вопросов.

— Вы переместили жар. — сказала Тиффани. — Вы вытянули жар из чая и переместили его ко мне, да?

— Да, но жар меня не коснулся. — торжествующе сказала Матушка. — Это все равновесие, понятно? Вся штука в равновесии. Балансируй и... — Она сделала паузу. — Ты когда-нибудь качалась на перекладине? Доска, у которой один конец идет вверх, а другой вниз? В середине доски, в самой середине, есть место, которое не двигается. Оно отвечает за подъемы и спуски. Не имеет значения, как высоко или низко качаются концы, середина сохраняет равновесие. — Матушка фыркнула. — Магия, в основном, заключается в перемещении.

— Могу я научиться этому?

— Почему нет? Это не трудно, если у тебя голова на месте.

— Вы можете научить меня?

— Я только что тебе показала.

— Нет, Матушка, вы только показали, как это делается... а не как это сделать!

— Этого я объяснить не могу. Я знаю, как я это делаю. Ты будешь делать это по другому. Все, что нужно — правильно настроиться.

— Как мне это сделать?

— Да мне то откуда знать? Это-ж твоя голова! — отрезала Матушка. — Поставь чайник снова, будь добра. Мой чай остыл.

Сказано это было почти злорадно, но такова Матушка. Она стояла на том, что коли ты способен учиться, то сам во всем разберешься. Какой смысл облегчать кому-либо задачу. Жизнь трудна, любила говорить Матушка.

— Да, ты все еще носишь эту побрякушку. — сказала Матушка. Она не жаловала побрякушки — так она называла любой кусок металла, надетый

на ведьму, не предназначенный скреплять, застегивать или поддерживать. Это было безделкой.

Тиффани прикоснулась к серебряной лошадке, которую она носила на шее. Лошадка была маленькая, безыскусная и очень много значила для нее.

— Да — спокойно ответила она, — я все еще ношу ее.

— Что у тебя в корзинке? — неожиданно спросила Матушка, что было на редкость неприлично. Корзинка Тиффани стояла на столе. Конечно же, в ней лежал подарок. Все знали, что каждый брал с собой подарок, отправляясь в гости, но общепринятая вежливость требовала удивляться при виде подарка и восклицать, что-то вроде — «Ооох, ну зачем же!»

— Я вам что-то принесла. — сказала Тиффани, ставя черный чайник на огонь.

— Не было никакой необходимости везти подарок. — сурово заявила Матушка.

— Ну да. — ответила Тиффани и ничего больше.

Она слышала, как Матушка приподняла крышку корзинки. В корзинке сидел котенок.

— Ее мать Пинки, кошка вдовы Кэйбл. — сказала Тиффани, чтобы заполнить тишину.

— Не нужно было! — рявкнула Матушки.

— Мне было совсем не трудно. — Тиффани улыбнулась, глядя на огонь.

— Только не кошки.

— Мышей гонять будет. — ответила Тиффани, все еще не оборачиваясь.

— Нет мышей.

Потому, что им нечего есть, подумала про себя Тиффани. И сказала вслух — У миссис Иервиг шесть черных кошек.

Беленький котенок в корзинке уставился на Матушку Ветровоск с печальным, изумленным выражением, обычным для всех котят. Ты проверяешь меня, я проверяю тебя, думала Тиффани.

— Представления не имею, что мне с ним делать. Пусть спит в сарае с козами. — сказала Матушка Ветровоск. Многие ведьмы держали коз.

Котенок потерялся о руку Матушки и мяукнул.

Когда спустя какое-то время Тиффани собралась домой, Матушка попрощалась с ней в дверях и очень осторожно выставила котенка за дверь.

Тиффани пересекла пустошь, на которой она привязала метлу мисс Тенеты.

Но она не стала сразу улетать. Она зашла за куст остролиста и застыла

неподвижно, пока не исчезла, пока все в ней не заявило — меня здесь нет.

Каждый может увидеть образы в пламени или в облаках.

Проделайте это в обратном направлении. Отключите в себе часть, говорящую миру о вашем присутствии. Вы растворитесь. Ваше лицо сольется с листвой и тенями, а тело станет частью дерева или куста. Мысли людей сами заполнят пустое место.

Тиффани, совсем неотличимая от куста остролиста, наблюдала за дверью. Ветер усилился. Теплый, но назойливый, он срывал красные и желтые листья с платанов и с шумом гнал их через пустошь. Котенок попытался ловить их, затем уселся, жалобно и тонко мяукая. Вот сейчас, в любую минуту, Матушка Ветровоск решит, что Тиффани уже улетела, откроет дверь и...

— Забыла что-то? — раздался голос Матушки над самым ухом.

Она была кустом.

— Эээ... Он такой милый. Я только подумала, может вы смогли бы полюбить его со временем. — сказала Тиффани, но про себя она думала: она могла успеть добраться сюда, если бы побежала, но почему же я ее не видела? Можно бежать и в то же время прятаться?

— Не беспокойся обо мне, деточка. — ответила ведьма. — Отправляйся назад к мисс Тенете и передай ей мои наилучшие пожелания. Но... — тут ее голос немного смягчился, — хорошо ты сейчас спряталась. Мало кто смог бы тебя разглядеть. Представь, я едва расслышала, как растут твои волосы!

Когда Тиффани и ее метла покинули пустошь, Матушка Ветровоск вернулась в дом, предварительно убедившись в том, что девочка и вправду улетела. Котенка Матушка старательно не замечала.

Через несколько минут дверь, скрипя, отворилась. Возможно, это был просто сквозняк. Котенок прошмыгнул в дом...

Все ведьмы чудные немножко. Тиффани привыкла к чудачествам, так что все чудное казалось ей вполне нормальным. Взять мисс Левел, у которой было два тела, хотя одно из них было воображаемым. Или госпожа Пуландер, которая разводила земляных червей и давала им имена... Ну она не то чтобы была чудной, скорее своеобразной, и к тому же земляные черви были довольно интересны, в общем неинтересном отношении. Еще была такая Матушка Дисмасс, страдающая от припадков расстройства времени, что в случае с ведьмой может быть весьма странным. Движение ее губ не совпадало со словами, иногда звук ее шагов по лестнице раздавался через несколько минут после того, как она проходила по ступенькам.

Но если говорить о странностях, то мисс Тенета выигрывала не только

призовой торт, но и пачку печений, и свечку впридачу.

С чего начать, когда странность на странности сидит и странностью погоняет?

Мисс Эвменидия Тенета ослепла в шестьдесят лет. Для большинства людей это стало бы несчастьем, но мисс Тенета была искусна в Заимствовании, особом ведьминском таланте.

Она могла смотреть глазами животных, читая образы прямо из их сознания.

В семьдесят пять лет она оглохла, но она уже набила руку и использовала любые уши, шныряющие неподалеку.

Когда Тиффани появилась у нее, чтобы пожить с ней, мисс Тенета смотрела и слушала с помощью мыши, потому что ее старая галка умерла. Было несколько неуютно видеть старую женщину, разгуливающую по дому с мышью в протянутой руке, и было очень неуютно, когда вы что-то говорили и мышь поворачивалась, чтобы посмотреть вам в лицо. Просто удивительно, каким пугающим мог быть маленький сморщенный розовый носик.

Новые вороны были гораздо лучше. В одной из окрестных деревушек ей сделали насест, который она крепила на плечи, одна птица сидела слева, другая — справа, что вместе с длинными седыми волосами мисс Тенеты, производило впечатление весьма, кхм, ведьминское, правда к концу дня плащ снизу был весь исгажен.

Далее, ее часы. Они были тяжелыми и сделанными из ржавого железа кем-то, кто работал скорее кузнецом, чем часовщиком, и потому говорящими скорее дин-дон, чем тик-так. Она носила их на поясе и могла узнавать время, ощупывая их обрубистыми короткими пальцами.

В деревнях говорили, что часы были сердцем мисс Тенеты, появившемся у нее после того, как ее первое сердце остановилось. Но о мисс Тенете много чего говорили.

Нужно быть очень невосприимчивым к странностям, чтобы мириться с мисс Тенетой. Согласно традиции, молодые ведьмы покидали родные края, чтобы жить со старыми ведьмами, набираясь от них опыта в обмен на то, что мисс Тик, ведьмознатка, называла «небольшая помощь по дому», (что в действительности означало «выполнение всей работы»). Обычно девочки сбегали после первой же ночи, проведенной в доме мисс Тенеты. Тиффани держалась уже три месяца.

А еще, временами, когда мисс Тенета искала себе пару глаз, через которые она могла бы смотреть, она вкрадывалась в ваши. Вы начинали испытывать странное раздражение, будто кто-то невидимый смотрел вам

через плечо.

Да... Может быть мисс Тенета выиграла бы не только торт, пачку печений и свечку, но и пирожные, и сэндвичи, и даже продавца воздушных шаров.

Когда Тиффани вошла, мисс Тенета ткала. Два клюва повернулись к ней.

— Ах, дитя, — сказала мисс Тенета тонким, надтреснутым голосом. — хорошо провела день.

— Да, мисс Тенета. — послушно ответила Тиффани.

— Виделась с девицей Ветровоск и у нее все в порядке. — Клик-клак стучал станок. Дин-дон стучали ее часы.

— Все в полном порядке. — ответила Тиффани. Мисс Тенета не задавала вопросов. Она отвечала на них за тебя.

Девица Ветровоск, думала Тиффани, садясь за ужин. Но мисс Тенета была очень старой.

И довольно жуткой. Да, что было, то было. Этого вы у нее не отнимете. Хоть и не было у нее крючковатого носа и все зубы были целы, только пожелтели, но во всем остальном она словно сошла с картинки из книжки про злую ведьму. Ее колени хрустели, когда она ходила, а ходила она очень быстро, опираясь на две трости, шныряя по дому, как огромный паук. Вот еще одна странность: в коттедже было полно паутины, которую мисс Тенета запретила Тиффани трогать, но пауки нигде не попадались.

Чернота вот тоже. Почти все ведьмы любили черный цвет, но у мисс Тенеты даже козы и куры были черными. Стены были черными, полы были черными. Уроните лакричную палочку на пол и вам ее уже никогда не найти. И, к содроганию Тиффани, она заставляла ее делать черный сыр, то есть покрывать сыр блестящим черным воском. Тиффани была мастерица по сырам и воск сохранял влагу, но черным сырам она не доверяла. Они всегда выглядели так, как будто что-то замышляли.

Казалось, что мисс Тенете не нужен был сон. День и ночь для нее сейчас мало различались. Когда вороны засыпали, она призывала сову и ткала, пользуясь совиными глазами. Она говорила, что сова была особенно удобной, потому что могла полностью поворачивать голову, чтобы не выпускать из виду челнок. Клик-клак стучал станок, дин-дон стучали часы.

Мисс Тенета в ее развевающей черной накидке, с повязкой на глазах, со свободно ниспадающими седыми волосами...

Мисс Тенета с ее двумя тростями, шныряющая по коттеджу и по саду в темную морозную ночь, вдыхающая аромат отмерших цветов...

У каждой ведьмы был свой конек, мисс Тенета несла людям

Справедливость.

Со всей округи шли к ней люди со своими бедами:

Я знаю, это моя корова, а он говорит, что его!

Она утверждает, что это ее земля, но отец оставил ее мне!

...И мисс Тенета будет стучать станком, развернувшись спиной к комнате, полной взволнованных людей. Ткацкий станок беспокоил их. Они кидали на него боязливые взгляды, а вороны разглядывали пришедших.

И наконец, запинаясь, бекая и мекая, они поведают свои беды, а станок будет постукивать в неверном свете свечей. Подсвечниками служили два черепа. На одном из них было вырезано слово Эночи, на другом — Атутитта.

(Слова эти означали «Вина» и «Невиновность». Тиффани очень хотелось бы этого не знать. Девочка, выросшая в деревне на Мелу, никоим образом не могла их знать, потому что слова эти были на иностранном и, к тому же, очень древнем языке. Но знала она их благодаря Сентименту Суетону, Доктору Магической Философии, Бакалавру Сверхъестественных Языков, Почетному Профессору Магии Незримого Университета, живущему у нее в голове).

Ну, жил, конечно, не весь профессор, но по крайней мере, его малюсенькая частичка.

(Несколько лет назад ее захватил Роитель — нечто, собиравшее чужие сознания миллионы и миллионы лет. Тиффани удалось выгнать его из своей головы, но кое-какие частички перепутались с ее рассудком. Среди них и крошечный осколок эго, приправленного памятью, все, что осталось от почившего доктора Суетона. Особых неприятностей от него не было, но когда она видела перед собой слово на иностранном языке, она могла прочитать его — вернее, услышать голос доктора Суетона, переводящего его. Похоже было, что больше от него ничего не осталось, но Тиффани по возможности избегала глядеться в зеркало неодетой).

И вот, когда все слова были сказаны, станок внезапно замолкал и, в шокирующей тишине, мисс Тенета поворачивалась в своем тяжелом кресле на колесиках, снимала повязку со своих жемчужно-серых глаз и произносила:

— Я слышала. А теперь я буду смотреть. Я увижу, что есть правда.

И кое-кто убегал, когда она пристально вперялась в них, в неверном свете, идущим из черепов. Эти глаза, которые не могли видеть твое лицо, каким-то образом могли читать твои мысли. Когда мисс Тенета пронизывала тебя взглядом, ты либо говорил правду, либо был невероятно глуп.

Никто никогда не спорил с мисс Тенетой.

Ведьмам не позволялось принимать плату за применение своих талантов, но каждый, проходящий на суд мисс Тенеты, приносил ей подарок, обычно что-нибудь съестное, иногда — чистую поношенную одежду или пару стоптанных ботинок, если размер подходил. И уж коли мисс Тенета решала не в твою пользу, очень глупым было просить свой подарок обратно, так как редко кому нравится быть превращенным в нечто маленькое и липкое.

Говорили, что если вы солжете мисс Тенете, то умерете ужасной смертью в течении недели. Говорили, что по ночам к мисс Тенете являются короли и принцы, просить ее совета в государственных делах. Говорили, что в подвале у нее лежали груды золота, которые охранял демон с огненной кожей и тремя головами, нападающий на каждого встречного и откусывающего ему нос.

Тиффани подозревала, что по меньшей мере две последние истории были неправдой.

Про третью историю она точно знала, что это были выдумки, потому что как-то раз, она спустилась в подвал (с ведром воды и кочергой на всякий случай) и там не было ничего, кроме россыпей картошки и моркови, а также одинокой мыши, что внимательно за ней наблюдала.

Тиффани совсем не испугалась. Во-первых, никакого демона вообще не было, разве что он очень удачно не замаскировался под картошку. И во-вторых, хотя мисс Тенета и выглядела и разговаривала, как злая ведьма, и запах от нее был как от старого платяного шкафа, она не воспринималась плохой.

Первое зрение и Второй помысел, вот на что должна полагаться ведьма: Первое зрение, чтобы видеть действительность, и Второй помысел следить за Первым помыслом, правильно ли он все понимает. Был еще Третий помысел, но Тиффани никогда не слышала, чтобы его обсуждали, потому о нем не болтала. Он был необычным, казалось, что он думает сам по себе и он редко проявлялся. И он говорил ей, что мисс Тенета таит в себе больше, чем кажется на первый взгляд.

И затем, в один прекрасный день, вытирая пыль, она взялась за череп Эночи...

... И внезапно узнала о мисс Тенете больше, чем той хотелось бы, чтобы о ней знали.

Сегодня вечером они ужинали овощным рагу (с черными бобами) и мисс Тенета сказала — Ветер поднимается. Скоро придется выходить. Не стала бы я доверять метле в такую ночь как сегодня. В лесу могут быть

странные создания.

— Выходить? Мы собираемся выйти? — спросила Тиффани. Они никогда никуда не выходили по вечерам, поэтому вечера тянулись бесконечно.

— Обязательно. Сегодня они будут танцевать.

— Кто будет?

— Вороны не видят в темноте, а сова растеряется. — продолжала мисс Тенета — Мне понадобятся твои глаза.

— Кто будет танцевать, мисс Тенета? — спросила Тиффани. Она любила танцевать, но похоже, что здесь танцев не устраивали.

— Идти недалеко, но будет буря.

Ничего не поделаешь, мисс Тенета не собиралась ничего объяснять. Но идея была интересной. Да и взглянуть на то, что мисс Тенета считала странным, могло оказаться очень поучительным.

Но это также означало, что Мисс Тенета должна надеть свою остроконечную шляпу, а Тиффани этого терпеть не могла. Ей приходилось стоять перед мисс Тенетой и пялиться на нее, ощущая легкое раздражение в своих глазах, пока престарелая ведьма использовала ее вместо зеркала.

К тому времени как они закончили ужин, ветер завывал среди деревьев как большой угрюмый зверь. Он вырвал дверь из рук Тиффани, когда она открыла ее, и влетел в комнату, загудев струнами ткацкого станка.

— Вы уверены, что мы должны идти, мисс Тенета? — спросила она, пытаясь закрыть дверь.

— Хватит разговоров! Не говори мне ничего! У танца должны быть свидетели! Я в жизни своей танца не пропустила! — мисс Тенета выглядела нервной и раздраженной. — Мы должны пойти, а ты должна надеть черное!

— Мисс Тенета, вы же знаете, я не ношу черное. — ответила Тиффани.

— Нынешняя ночь приемлет только черное. Ты наденешь мою запасную накидку.

Она сказала это с ведьминской непоколебимостью, как будто сама идея о непослушании, никогда не приходила ей на ум. Ей было 113 лет. У нее был большой опыт. Тиффани не стала спорить.

Не то чтобы я имела что-то против черного, думала Тиффани, доставая запасную накидку, но только это буду уже не я. Когда люди говорят, что ведьмы носят черное, они подразумевают старых ведьм. И потом, я же не ношу розовое или что-то в таком духе...

Потом ей пришлось закатать часы мисс Тенеты в тряпки, чтобы ДИН-

ДОН стало звучать как дин-дон. И речи быть не могло о том чтобы оставить часы дома. Мисс Тенета всегда носила их с собой.

Тиффани собралась и старая ведьма с ужасным скрежетом завела часы. Она каждый день заводила их, иногда прямо во время судилища, в комнате полной ошарашенных просителей.

Когда они вышли из дома, дождь еще не начался, но в воздухе кружились сухие веточки и листья. Мисс Тенета бочком сидела на метле, вцепившись в нее изо всех сил, а Тиффани шла рядом и тянула ее за край одежды.

Закатное небо еще пылало красным и растущая луна была высоко, но облака мчались по небу, наполняя лес скачущими тенями. Ветви стучали друг о друга и Тиффани услышала, как где-то в темноте, с шумом и треском, упала на землю ветка.

— Мы идем в деревню? — закричала Тиффани сквозь шум.

— Нет! Иди в лес! — прокричала в ответ мисс Тенета.

Ага, подумала Тиффани, уж не на знаменитые ли «танцы без подштанников», о которых я так много слышала, мы идем? Вообще-то, не так уж и много, потому что как только кто-нибудь начинал о них говорить, всегда находился тот, кто затыкал им рот. На самом деле, я почти ничего о них не слышала, но не слышала весьма многозначительным образом. Танцы, как думали обычные люди, были обычным ведьминским занятием. Но у ведьм было свое мнение на этот счет, прямо противоположное. Тиффани признавала, что их можно понять. Ведь даже жаркие летние ночи не были настолько теплыми и еще всякие ежики и чертополохи путались под ногами. Кроме того, невозможно даже представить себе кого-то вроде Маутшки Ветровоск, отплясывающей без... В общем даже вообразить невозможно, а если и попытаешься, у тебя голова лопнет.

Когда она свернула на лесную тропинку, буксируя за собой плывущую в воздухе мисс Тенету, ветер затих, но он нагнал холодного воздуха. Тиффани порадовалась теплой накидке, ну и ладно, что черная.

Тиффани медленно тащилась вперед, сворачивая на боковые тропинки по указанию мисс Тенеты, пока не заметила за деревьями, в неглубокой низине, костер.

— Остановись здесь и помоги мне сойти, деточка. — сказала старая ведьма. — И слушай внимательно. Есть правила. Не разговаривай — раз; гляди только на танцоров — два; не двигайся, пока танец не закончится — три. И я не буду потворять дважды!

— Хорошо, мисс Тенета. Здесь так холодно.

— И станет еще холоднее.

Они двинулись на свет. Что хорошего в танцах, если ты можешь только смотреть? — удивлялась Тиффани про себя. В этом нет ничего приятного.

— Оно и не должно быть приятным. — сказала мисс Тенета.

Костер пересекали чьи-то тени и Тиффани расслышала мужские голоса. Когда они добрались до края низины, кто-то плеснул воду в огонь.

Костер зашипел и над землей вознесся столб дыма и пара. Все произошло в одно шокирующее мгновение. Умерло то последнее, что в этом лесу казалось живым. Сухие опавшие листья шуршали под ее ногами. Луна светила в безоблачном небе, творя серебристые образы на травяном покрове.

Тиффани не сразу осознала, что на поляне стоят шесть человек. По всей видимости, они были одеты в черное, лунный свет превратил их в чернеющие пустоты, имеющие человеческие очертания. Они стояли в два ряда по трое, лицом друг к другу, но так неподвижно, что Тиффани подумала, а не вообразила ли она их себе.

Послышался стук барабана: бум... бум... бум...

Барабанный бой продолжался где-то с полминуты и затем стих. Но в безмолвии холодного леса, барабанный бой продолжился в голове у Тиффани, и похоже, что не только в ее голове, потому что мужчины начали слегка покачивать головами в такт ритму.

А затем они начали танец.

Единственным звуком был стук ботинок, ударяющих о землю, когда их силуэты подпрыгивали и опускались. В голове у Тиффани продолжал бить неслышимый барабан, но затем она услышала новый звук. Ее нога выбивала ритм по земле, сама по себе.

Она уже слышала этот ритм, она уже видела раньше других мужчин, танцующих этот танец. Но танцевали его среди белого дня и в преддверии лета. И у танцоров были нашиты на одежду колокольчики.

— Это же танец Морриса! — прошептала она громче, чем следовало.

— Тсс! — шикнула мисс Тенета.

— Но это неправильно...

— Тише!

Вспыхнувшая от негодования, Тиффани отвернулась от танцоров и демонстративно оглядела пустошь. Вокруг поляны собирались какие-то тени, человеческих или почти человеческих очертаний, она не могла их толком разглядеть, но возможно это было к лучшему.

Становилось холоднее. Иней посверкивал на листьях.

Барабанный стук продолжал звучать. Но Тиффани казалось, что он был уже не один, что к нему присоединились другие биения и отголоски в ее

голове.

Мисс Тенета может шикать сколько угодно. Это был танец Морриса. Но не в это же время года!

Моррисовские танцоры приходили в деревню где-то в мае. Никто не мог сказать в какой точно день они придут, потому что их зазывали во многие деревни Мела и в каждой деревне была пивнушка, где они застревали.

Они держали в руках трости и нашивали на белые одежды колокольчики, чтобы люди знали об их приближении. Никому не нравилось когда танцоры появлялись неожиданно. Тиффани обычно поджидала их за околицей деревни вместе со всей детворой и потом вприпрыжку, шла вместе с ними в деревню.

Обычно они плясали на деревенской лужайке под барабанный бой, перестукиваясь поднятыми тростями. Затем все шли в пивнушку и лето начиналось.

Тиффани никак не могла понять, как это было связано между собой. Танцоры плясали, затем начиналось лето — вот и все, что знали все в округе. Ее отец рассказывал, что в один год танцоры не появились и холодная сырая весна, сменившись туманными, дождливыми месяцами с ранними августовскими заморозками, перешла в промозглую осень.

Звуки барабанов наполнили ее голову, заставляя ноги подрагивать. Но в этих звуках была какая-то неправильность, что-то с ними было не так...

И тогда она вспомнила седьмого танцора, того, что звали Дурнем. Обычно это был маленький человечек в измятой шляпе и в одежде, расшитой яркими лоскутами. Он только и делал, что слонялся среди зрителей с протянутой шляпой да скалился им до тех пор, пока ему не давали денег на пиво. Но иногда он отставлял шляпу и кидался в круг танцующих. Все думали, что он столкнется с ними, но такого никогда не случалось. Он подпрыгивал и кружился вокруг обливающихся потом мужчин и всегда умудрялся оказываться на свободном месте.

Мир закрутился вокруг нее. Она моргнула. Барабаны звучали у нее в голове как гром и среди них слышался один, с низким и глубоким, как у океана, звучанием. Мисс Тенета была забыта. Загадочные существа, окружившие поляну, были забыты. Существовал только танец.

Круг танцующих извивался, как живое существо. Но среди них было свободное место и оно двигалось. Она знала, это место для нее. Мисс Тенета запретила ей. Но когда она это говорила? И потом, куда ей понять. Что она вообще понимает? Когда она танцевала в последний раз? Танец был в крови Тиффани, он манил ее. Шести танцующих недостаточно!

Она рванулась вперед и впрыгнула в танец.

Танцоры не сводили с нее глаз, а она подпрыгивала и кружила между ними, каждый раз оказываясь там, где никого не было. Барабаны управляли ее ногами, она ступала туда, куда посылал ее ритм.

И затем...

... появился кто-то еще.

Словно кто-то стоял позади нее, но также, будто кто-то был перед ней, рядом с ней, над ней, под ней — все сразу.

Танцоры застыли на месте, но мир продолжал вращаться. Люди превратились в тени, в черные силуэты в темноте. Барабаны замолчали и, в течении одного бесконечного мгновения, Тиффани плавно и бесшумно поворачивалась: руки вытянуты, ноги не касаются земли, лицо повернуто к звездам, холодным, как лед и острым, как иглы. Это было... изумительным ощущением.

Голос сказал — Кто Ты?

У него было эхо или, возможно, два человека одновременно произнесли это.

Бой барабанов внезапно вернулся и все шестеро мужчин столкнулись с ней.

* * *

Несколькими часами позже, в маленьком городке Собачье, что на равнинах, горожане бросили в реку связанную по рукам и ногам ведьму.

Такого рода вещи никогда не случаются в горах, где к ведьмам относятся с уважением. Но там внизу, на широких равнинах, все еще находились люди, настолько безмозглые, что верили всяким мерзким рассказам, и изнывающие от безделья по вечерам.

Но не так уж и часто случалось, чтобы перед утоплением ведьму угощали чаем с печеньем.

А случилось это потому, что жители Собачья Сделали Все По Книге.

Книга называлась: Magavenatio Obtisus.^[1]

Никто не знал, как эта книга попала к ним в город. Просто в один прекрасный день она оказалась на полке в магазине.

Раазумеется, они умели читать. Даже в таком городе, как Собачье, вы должны уметь читать и писать кое-какие слова. Но они не доверяли книгам, а также тем, кто книги читал.

Однако, эта книга говорила о том, как справиться с ведьмами. У нее

был довольно внушительный вид и не слишком много длинных (и, следовательно, не заслуживающих доверия) слов, таких, как «мармелад», например. И горожане сказали себе — наконец-то у нас есть то, что нам нужно. Очень дельная книга. Конечно, это не совсем то, что мы ожидали, но вспомним ту прошлогоднюю ведьму? Которую мы бросили в реку, а потом попытались сжечь живьем? А она оказалась насквозь промокшей и просто удрала. Давайте больше не повторять таких ошибок!

С особым вниманием они прочитали следующий раздел:

Очень важно, коли вы поймали ведьму, никоим образом не причинять ей вреда (пока не причинять)! Ни за что на свете не пытайтесь поджечь ее! Это ужасная ошибка, которую часто делают начинающие. Так вы только разозлите ведьму и она вернется более сильной. Как всем известно, есть еще один способ избавиться от ведьмы — бросить ее в реку или в пруд.

Вот самый лучший план:

Во-первых, заточите ее на ночь в умеренно теплой комнате и дайте ей столько похлебки, сколько она попросит. Подойдет морковно-чечевичная, но для лучших результатов мы советуем порейно-картофельную, приготовленную на крепком мясном бульоне. Было доказано, что похлебка очень сильно вредит ее магическим силам. Не давайте ей похлебку из томатов — она сделает ведьму слишком могущественной!

Чтобы обезопасить себя, положите ей в каждый ботинок по серебрянной монетке. Она не сможет вытащить монетки, потому что ей будет жечь пальцы.

Предоставьте ей теплое одеяло и подушку. Так вы хитростью заставите ее заснуть. Заприте дверь и следите, чтобы никто не вошел к ней.

За час до рассвета войдите в комнату. В этом месте вы можете подумать, что надо вбежать и закричать. НИЧЕГО ПОДОБНОГО! Тихо, на цыпочках подойдите и поставьте чашку горячего чая рядом с ведьмой, затем на цыпочках вернитесь к двери и тихонько покашляйте. Это очень важно, если резко разбудить ведьму, она может проснуться очень злобной.

Некоторые специалисты советуют давать шоколадное печенье к чаю, другие полагают, что имбирного будет достаточно. Если вам дорога ваша жизнь, не предлагайте ей простых печений, иначе из ее ушей посыпятся искры. Когда она проснется, продекламируйте могущественные мистические руны, которые не позволят ей превратиться в рой пчел и улететь:

ITI SAPIT EYI MA NASS

Когда она закончит с чаем и печеньем, свяжите ей руки и ноги впереди веревкой с помощью Боцмановского узла № 1 и киньте ее в воду.

Важное замечание: Сделайте это прежде чем рассветет. Смотреть на это нельзя!

И находились те, кто следовал этому плану. Они видели, как ведьма уходила под воду и больше не выныривала на поверхность. Они видели, как ее нечестивая остроконечная шляпа уплывала прочь по реке. Затем они уходили домой завтракать.

В последующие несколько минут, в вышеупомянутой реке ничего не происходило. Затем остроконечная шляпа начала двигаться в сторону густых зарослей камыша. Там она остановилась и очень медленно приподнялась. Из под ее полей выглянула пара глаз...

Убедившись, что поблизости никого нет, мисс Проникация Тик, учительница и ведьмознатка, выкарабкалась ползком на берег и стремительно бросилась в лес, успев скрыться до восхода солнца. Там, в барсучьей норе, она спрятала сумку с чистым платьем и свежим бельем, а также спичечный коробок (она никогда не брала с собой спички, если была возможность попасться, чтобы не подсказать кому неподходящую мысль).

Ну вот, думала она, просушиваясь у костра, все могло быть и хуже. Слава богу, в деревне еще остались люди, умеющие читать, иначе она попала бы в переplet. Пожалуй, хорошо, что она решила напечатать эту книгу большими буквами.

Да, это правда, именно мисс Тик написала книгу «Охота на ведьм для чайников» и постаралась, чтобы она попала в те области, где люди все еще верили в необходимость сжигания или утопления ведьм.

И, поскольку в нынешние дни, единственной ведьмой, бывающей в этих краях, была сама мисс Тик, то в случае провала, она могла как следует выспаться и неплохо перекусить перед своим утоплением. С водой у мисс Тик, выпускницы щерботанского колледжа Юных Девиц, никаких проблем не было также. В колледже было принято каждое утро принимать ледяную ванну в целях повышения моральной устойчивости. Да и боцманский узел № 1 можно было запросто развязать зубами, даже под водой.

О, да, подумала она, выливая воду из своих ботинок, ей досталось два серебряных шестипенсовика впридачу. Поистине, жители Собачьево очень сильно поглупели за последнее время. Вот что случается, когда вы избавляетесь от своих ведьм. Ведьма это та, кто всего лишь знает немного больше вас. Вот что означает это слово. Но некоторые люди не любят тех, кто знает больше, потому-то в наши дни странствующие учителя и библиотекари избегают таких мест. Все идет к тому, что если жители Собачьево решат закидывать камнями всех, кто умнее их, скоро придется кидать камни в свиней.

Место было очень неприятным. К сожалению, в городке жила весьма многообещающая девочка лет восьми и мисс Тик заглядывала сюда время от времени, чтобы проведать ее. Но, разумеется, не как ведьма. Потому что, хотя ей и нравились ледяные купания по утрам, но все хорошо, что в меру. Она маскировалась под скромную торговку яблоками или предсказательницу будущего. (Ведьмы обычно не предсказывают будущего, потому что если бы они предсказывали, то у них слишком хорошо бы это получалось. Люди вовсе не хотят знать, что произойдет на самом деле, а только то, что им понравится. Но ведьмы никогда не подслащивают пилюлю).

Как на грех, пружина на шпионской шляпе мисс Тик сломалась как раз посреди главной улицы и острая верхушка шляпы выскочила. В такой ситуации даже мисс Тик не смогла бы отвертеться. Что же, теперь ей придется составить новый план. Поиск ведьм всегда был занятием опасным. Но тем не менее, его надо продолжать. Ведьма, растущая одна, без присмотра, это достойный сожалений и опасный ребенок...

Она прервала размышления и уставилась в огонь. Почему она только что подумала о Тиффани Болит? Почему именно сейчас?

Она торопливо опустошила карманы и начала плести Запутку.

Запутки работали. Больше о них ничего нельзя было сказать наверняка. Их делали из ремешков и веточек, и из всего того, что можно было найти в карманах. Для ведьм они были тем же самым, что перочинные ножики с пятнадцатью лезвиями, тремя отвертками, крошечным увеличительным стеклом и штуковиной для выковыривания ушной серы у цыплят.

Точного объяснения, что они делали, не существовало, но мисс Тик полагала, что с их помощью можно было прочесть то, что было спрятано в сокровенных уголках вашего рассудка. Каждый раз надо было делать новую запутку и только из того, что было под рукой. Что же, ничего страшного не было в том, чтобы таскать в карманах всякие интересные разности.

Менее чем за минуту мисс Тик сплела запутку из:

Одной двенадцатидюймовой линейки

Одного шнурка от ботинок

Отрывка поношенного ремешка

Черных ниток

Одного карандаша

Одной точилки для карандашей

Маленького камешка с дыркой

Спичечного коробка с мучным хрущаком по имени Роджер и кусочком хлеба для него, потому что в каждой запутке должно было быть что-то живое.

Примерно половины пакетика сосательных пастилок для горла миссис Ширголд

Пуговицы

Запутка была похожа на Кошачью колыбельку^[2] или на перепутанные струны какой-то очень странной марионетки.

Мисс Тик разглядывала запутку, давая ей время прочитать свой разум. Затем линейка крутанулась, пастилки для горла взорвались облачком красной пыли, карандаш выстрелил и застрял в шляпе мисс Тик, а линейка покрылась инеем.

А вот такого никто не ждал.

* * *

Мисс Тенета сидела на ступеньках своего коттеджа и наблюдала за Тиффани, спящей наверху в низкой спальне. Наблюдение вела мышь, устроившаяся на потускневшей латунной спинке кровати. За серыми окнами (мисс Тенета не мыла окна тридцать три года и Тиффани так и не удалось отскрести всю грязь) в деревьях завывал ветер, даже сейчас, среди бела дня.

Зимовой ищет ее, думала она, протягивая кусочек застарелого сыра еще одной мыши, сидящей у нее на коленях. Но ему ее не найти. Здесь она в сохранности.

Мышь оторвала взгляд от сыра. Она что-то услышала.

— Я те сказал! Тут она, парни!

— В толк не возьму, чего ж нам со старой каргой не покумекать. Уж мы с каргами ладим.

— Ладить-то ладим, но эта карга из крррррутых будет. Сказывают, у нее в грязнючем подполье лютый демон сидит.

Мисс Тенета озадачено посмотрела. «Эти?» — прошептала она про себя. Голоса доносились из под пола. Мышь, посланная ею, стремительно кинулась через комнату и скрылась в дыре.

— Не хочу ты разочаровывать, но мы сейчас в подполье и грязюки тут навалом.

Немного погодя, голос спросил — Ну и где он?

— Мабудь выходной?

- Зачем демону выходной?
- Повидать своих маманю и батяню?
- Айе? У демона маманя есть?
- Кривенс! Хорош свару разводить! Услышит нас она!
- Нае, она, сказывают, слепа как крот и глуха как тетеря.

У мышшей очень хороший слух. Мисс Тенета заулыбалась, когда мышшь торопливо вылезла из дыры в старой каменной кладке погреба.

Она смотрела ее глазами. Мыши хорошо видят и в полутьме.

Несколько человечков крадучись шли через подвал. У них была синяя кожа, густо покрытая татуировками и грязью. На каждом был замызганный килт, а за спиной был привязан меч, такого же размера, как и они сами. Волосы у них были красными, настоящего орнажево-красного цвета, собранные в неряшливые хвостики. Один из них нацепил кроличий череп вместо шлема. Это выглядело бы довольно жутким, не съезжай тот все время ему на глаза.

В комнате наверху мисс Тенета снова улыбнулась. Значит они слышали о мисс Тенете? Они явно слышали не все.

Когда четверо человечков согнувшись полезли в старый крысиный ход, чтобы выбраться из подвала, к наблюдающим присоединились еще две мышши, три жука разных видов и мотылек. Человечки на цыпочках пересекали комнату, миновали старую ведьму, совершенно очевидно погруженную в сон — как вдруг она хлопнула руками о подлокотники кресла и завопила:

— Еп-тыть! Зрю вас, противцев!

Фиглы немедленно впали в панику и, трепеща и ужасаясь, налетели друг на друга.

— Не упомяну я, чтоб позволение было вам воружиться! — снова вскричала мисс Тенета, зверски оскалась.

— Ой, вэйли, вэйли-вэйли! Она по нашенски речет! — вслихпнул кто-то.

— Вы Нак Мак Фиглы, верно? Только мне клановые приметы не ведомы. Ну-ка, тихо! Я с вас котлетки еще не кручу! Ты! Как тебя зовут?

— Я Роб Всякограб, Большой клана Мелового Холма, — сказал человечек с кроличьим черепом, — И...

— Айе? Большой? Так уважение окажи и скинь свой костяной чепчик, коли со мной говоришь! — сказала мисс Тенета, веселясь от души. — И стань по струнке! Я расхлябанность не терплю!

Все четыре фигла тут же встали по стойке смирно.

— Вот так! — сказала мисс Тенета. — А те кто будут?

— Вот брат мой, Вулли Валенок, — ответил Роб Всякограб, тряхнув за плечо фигла, который как раз разводил «вейли...». Тот в ужасе не сводил глаз с Эночи и Аттитты.

— А оставшаяся парочка... То бишь те двое? — спросила Тенета. — Я тебя спрашиваю. То бишь ты. Ты гоннагель, коли с мышлинкой?

— Айе, мистрисс. — сказал фигл, выглядящий опрятнее и смышленнее, чем Вулли Валенок.

— Прозвание твое какое?

— Ужасен Велик Билли Подбородище, мистрисс.

— Чего уставился, Ужасен Велик Билли Подбородище, никак устранился?

— Не, мистрисс. Я на вас не налюбуюсь. Душа поет и очи радуются, видя такую всем ведьмам ведьму.

— Прямо такую? — с подозрением спросила мисс Тенета. — Ты уверен, что не страшишься меня, мистер Билли Подбородище?

— Не страшусь, мистресс. Но коли надо, я завсегда могу страшиться. — осторожно сказал Билли.

— Ха! — ответила мисс Тенета. — Да ты у нас... умник. Кто у ты побрательник, мистер Билли?

Билли пихнул локтем Великого Яна под ребра. Несмотря на свои размеры, просто огромные для фигла, Ян заметно нервничал. Как многие существа с развитой мускулатурой, он опасался тех, кто был силен в другом.

— То Великий Ян, мистресс. — представил его Билли Подбородище, пока Ян разглядывал свои ноги.

— Зрю, у него на шее бусья из зубов. — сказала мисс Тенета. — Из людских?

— Айе, мистресс. Четыре, мистресс. По одному с каждого, кого он приложил.

— Да ты о человеке ли речешь? — в изумлении спросила мисс Тенета.

— Айе, мистресс. Он на них с древа как коршун кидается, башкой вниз. Башка то у него дюже прочная. — добавил он, для уточнения.

Мисс Тенета откинулась на спинку кресла. — А теперь, вы мне любезно растолкуете, что вы тут рыскаете по дому моему? — сказала она. — Ну ка, шибче!

Последовала совсем короткая пауза, после которой Роб жизнерадостно заявил — А, делов то. Мы тут рыщем — хаггис ищем, уловляем.

— Ничего подобного. — резко ответила мисс Тенета. — Потому, что хаггис это пудинг из овечьих потрохов и мяса, хорошо проперченных и

запеченных в овечьем желудке.

— А, ну то вам справный хаггис не попадался, мистрисс. — осмотрительно ответил Роб. — На справном то хаггисе ни ляпки, ни латки. Очень хитрая бестия, этот хаггис, норы роющий в грязнучем подполье...

— Таки верно? Так мы тут хаггис изловляем, Вулли Валенок? — спросила мисс Тенета, ее голос внезапно стал резким. Все взгляды, включая ухверткин, устремились на невезучего Вулли

— Эээ... Аааа... Оооо... Вейли, вейли, вейли! — застонал Вилли и бухнулся на колени с вполем: — Не погубите, мистрисс! Ухвертка-то на меня зверем зырит!

— Придется начать все сначала. — сказала мисс Тенета и сняла повязку с глаз. Фиглы попятились, когда она прикоснулась к черепам, стоящим по обе стороны от нее.

— Мне глаза не нужны, чтобы ложь увидеть. — сказала она. — Рассказывайте, что вы тут делаете. Рассказывайте все... заново.

Роб Всякограб чуть помедлил, что в данных обстоятельствах было великой храбростью. Затем он сказал — Прибути мы за каргой, мистрисс.

— За каргой... О, ты это про Тиффани?

— Айе!

— В ковах мы все, мистресс. — сказал Вулли Валенок, стараясь не смотреть ведьме в глаза.

— Он имеет в виду узы, мистресс, — сказал Роб Всякограб, пристально глядя на брата, — что значит...

— Прочнейшее обязательство, которое вам нарушить нельзя. — сказала мисс Тенета. — Мне ведомо, что узы значат.

За свои 113 лет мисс Тенета всякого наслышалась, но сейчас она с изумлением слушала историю о девочке, которой пришлось, хоть и всего несколько дней, побыть кельдой клана Нак-Мак-Фиглов. И если вы были их кельдой, даже в течении нескольких дней, опекать они вас будут... всю оставшуюся жизнь.

— И она карга холмов наших. — добавил Билли Подбородище — Она хранит их и сберегает. Только...

Он замялся и Роб Всякограб продолжил: — Видение нашей кельде было. Видения будущня нашего. Привиделось ей, что холмы наши льдом покрылись и все вокруг сгнули, привиделась ей карга наша в ледяной короне!

— Боги мои!

— То не все! — сказал Билли и взмахнул руками. — Привиделось ей древо, зеленеющее среди льда! Привиделось ей кольцо из чистого железа!

Привиделся ей человек, что с гвоздем вместо сердца! Привиделись ей полчища цыплят и сыр, что как живой ходит!

Все немного помолчали и потом мисс Тенета сказала — Первые два видения, дерево и кольцо, ничего необычного, старые добрые оккультные символы. Гвоздь опять же, довольно образно. Сыр меня немного смущает — может ли это относиться к Горацио? И цыплята... Что-то мне не верится в полчища цыплят.

— Дженни на том твердо стояла. — сказал Роб Всякограб. — Столько ей всякой страхоты и дива дивного привиделось, что порешили мы проведать, как наша карга поживает.

Через глаза самых разных существ, мисс Тенета уставилась на Роба, Роб, ни разу не сморгнув, ответил ей взглядом небывалой честности.

— Вот достойный уважения почин, — сказала она. — но зачем было пускаться во вранье?

— Ох, брехня-то поинтереснее будет. — ответил Роб Всякограб.

— А по мне, докопаться до истины намного интереснее. — сказала мисс Тенета.

— Мабудь, только замышлял я рассказы о великанах и пиратах, да волшебных дурностоях — заявил Роб. — Оно того стоило.

— Ну что же, — сказала мисс Тенета, — когда мисс Тик привела ко мне Тиффани, она упоминала, что девочку охраняют какие-то особые силы.

— Айе, — гордо сказал Роб, — то про нас, не сомневайтесь.

— Мисс Тик поважничать любит, — сказала мисс Тенета. — К сожалению, я не прислушивался к ней особо. Она всегда твердит, что ее девицы жаждут знаний, но почти все они оказывались всего-навсего вертихвостками, жаждущими поразить своих кавалеров, и через несколько дней они все обычно сбегали. Но эта не убежала, о нет! Наоборот, она рвется в бой! Ведомо ли вам, что она с Зимовым танцевать пошла?!

— Айе. То нам ведомо, были мы при том. — ответил Роб Всякограб.

— Вы там были?

— Айе. Следом шли.

— Но вас никто не заметил. Я бы знала, если кто заметил. — удивилась мисс Тенета.

— Айе? Вот и ладушки, мы мастаки ховаться. — ухмыльнулся Роб. — Диву даешься, как никто нас углядеть не можэ.

— Она пошла танцевать с Зимовым. — повторила мисс Тенета. — А ведь я запрещала ей двигаться.

— А, нам завсегда запреты чинят. — сказал Роб Всякограб. — Через то и прознаем, чем бы таким заняться.

Мисс Тенета уставилась на него глазами мыши, пары воронов, нескольких мотыльков и ухвертки.

— И то верно. — сказала она и вздохнула. — Да уж. Беда со старостью в том, что молодость кажется такой далекой, будто и не с тобой все было. Жизнь прожить — не поле перейти...

— Зимовой каргу szukaet, мистресс. — сказал Роб Всякограб. — Зрили мы, как отплясывала она с ним. Вот он ее и szukaet. Чуюм мы его в вое ветра.

— Знаю. — ответила мисс Тенета. Она замолчала и прислушалась — Ветер стих. Он нашел ее.

Она подхватила трости и заковыляла вверх по лестнице с удивительной быстротой. Фиглы проскочили мимо нее в спальню, где на узкой кровати спала Тиффани.

В каждом углу комнаты стояли блюдца с зажженными свечами.

— Но как он нашел ее? — спросила мисс Тенета. — Я же ее спрятала! Эй вы, синие человечки, принесите дров, быстренько! — Она поглядела на них. — Я сказала принести...

Послышался глухой стук, в комнате медленно оседала пыль. Фиглы выжидающе смотрели на мисс Тенету. В крошечном камине были кучкой сложены ветки.

— Хорошо проделано. — сказала она. — Да не больно шибко.

Из каминной трубы сыпались снежинки.

Мисс Тенета скрестила трости перед собой и с силой топнула ногой.

— Дерево гори, огонь полыхни! — вскричала она. Дрова на каминной решетке вспыхнули. Но окна уже начали заиндевать, морозные узоры, потрескивая, покрывали стекло.

— Только этого мне не хватало, в мои то года! — сказала ведьма.

Тиффани открыла глаза и спросила — Что случилось?

Глава третья

Секрет Боффо

Ничего хорошего нет оказаться начинкой в пироге из ошарашенных танцоров. Мужчины то они были не мелкие. Столкнувшись с ними, Тиффани стала Болит со всех сторон. Ее всю покрывали синяки, среди них был даже отпечаток ботинка, который она не собиралась показывать никому.

Фиглы заняли все поверхности в ткацкой мисс Тенеты. Она сидела за станком, отвернувшись к стене, потому что по ее словам, ей так было удобнее размышлять. Но на то она и была мисс Тенетой, для которой без разницы было где и как сидеть. Вокруг хватало ушей и глаз, чтобы слушать и смотреть. Огонь в очаге пылал и повсюду стояли свечи. Черные, разумеется.

Тиффани была разозлена. Мисс Тенета не кричала, она даже не повысила голос. Она только вздохнула и сказала — «Глупое дитя», что было намного хуже, потому, что Тиффани и сама так про себя думала. Один из танцоров помог отнести ее обратно в коттедж. Этого она совсем не помнила.

Ведьмы не делают то, что кажется им подходящим именно сейчас! Это почти одно и то же, что хихикание! Вам каждый день приходится разбираться с глупыми, ленивыми, лживыми и просто неприятными людьми, и так легко решить, что мир станет лучше, если вы надаете им как следует. Но вы не станете этого делать потому что, как мисс Тенета однажды объяснила, а) мир действительно станет лучше, но очень ненадолго; б) затем мир станет намного хуже; и в) вы не должны быть такими же глупыми, как и все остальные.

Ее ноги рвались танцевать и она послушала их. А слушать ей следовало свою голову. И вот теперь ей приходится сидеть около очага мисс Тенеты с грелкой на коленях и кутаться в шаль.

— Так Зимовой это что-то вроде бога? — спросила она.

— Наверде того, — сказал Билли Подбородище. — но не из тех, кому молятся. Он просто... зиму делает. Служба у него такая.

— Он — стихия. — отозвалась мисс Тенета со своего места.

— Айе. — сказал Роб. — Боги, стихии, демоны, духи... Без бутылки не разберешься.

— Танец, приветствующий зиму? — продолжала Тиффани. — Какой в этом смысл? Танец Морриса нужен, чтобы лето приветить, оно понятно, а это...

— Ты что, младенец? — сказала мисс Тенета. — Год круглый! Колесо мира должно вращаться! Потому-то здесь и танцуют Темный Моррис, чтобы уравновесить. Они приветствуют зиму потому, что в ней заложено будущее лето!

Клик-кляк стучал станок. Мисс Тенета ткала материю из коричневой шерсти.

— Ну ладно. — сказала Тиффани. — Мы приветствовали... его. Но это же не значит, что он должен был явиться, чтобы посмотреть на меня!

— Почему ты кинулась танцевать? — требовательно спросила мисс Тенета.

— Эээ... Там было свободное место и...

— Да. Свободное место. Но не для тебя. Это место было предназначено не для тебя, глупое дитя. Ты танцевала с ним и теперь он желает встретиться с такой нахальной девицей. Никогда раньше я о таком не слыхала! Иди и принеси третью книгу справа, на второй полке сверху, в книжном шкафу. — она вручила Тиффани тяжелый черный ключ. — Хоть это ты сделать сможешь?

Ведьмам нет нужды бить кого-то за глупость, ведь у них всегда наготове острый язык.

У мисс Тенеты, в отличие от других старых ведьм, было несколько полок с книгами. Полки были высокими, книги выглядели большими и тяжелыми, и до этих пор мисс Тенета запрещала Тиффани протирать с них пыль, позволяя лишь отпирать большой железный стержень, надежно охраняющий их на полках. Посетители глядели на них со страхом. Книги, они опасны.

Тиффани открыла замок и смахнула пыль. Ага... Книги, как и сама мисс Тенета, были не тем, чем казались. Они выглядели как магические книги, но назывались, например, «Энциклопедия Супа». На полке стоял словарь. Рядом с ним находилась книга, которую просила мисс Тенета, она была покрыта паутиной.

Все еще красная от стыда и злости, Тиффани вытащила книгу, борясь с паутиной. Паутина отскакивала с треньканьем, с книги сыпалась пыль. От книги пахло старостью и пергаментом, как от самой мисс Тенеты. Золотые буквы заголовка почти стерлись, но можно было разобрать название — «Античная и Классическая Мифология» Чаффинча. В книге было полно закладок.

— Страницы восемнадцать и девятнадцать. — сказала мисс Тенета не поворачивая головы. Тиффани раскрыла книгу.

— Тацен Времен года? — спросила она. — Разве не Танец Времен Года?

— Увы, Дон Вайцен де Йойо, кисти которого принадлежит этот шедевр, ладил с буквами хуже, чем с картинами. — сказала мисс Тенета. — Отчего-то они его смущали. Кстати, ты первым делом разглядела слова, а не картинку. Книжный ребенок.

Картина была... странной. На ней были изображены две фигуры. Тиффани никогда не видела маскарадных костюмов. У них в семье не было денег для подобных вещей. Но она читала о них и эти рисунки были очень похожи на то, что она себе воображала.

На странице были нарисованы мужчина и женщина. Женщина называлась «Лето» и была высока и светловолоса. Поэтому невысокая и русоволосая Тиффани сразу же отнеслась к ней с недоверием. В руках у женщины была корзинка в виде морской раковины, наполненная фруктами.

Мужчина назывался «Зима», он был стар, сед и сутул. Льдинки посверкивали в его бороде.

— Ага, вот он какой, Зимовой, наяву то. — сказал Роб Всякограб расхаживая по странице. — Деда Морозище.

— Это он? — удивилась Тиффани. — Вот это Зимовой? Да ему на вид лет сто!

— Юнец, а? — ехидно заметила мисс Тенета.

— Не позволяй ему себя почеломкать, а то нос у ты посинеет и отвалится! — жизнерадостно добавил Вулли Валенок.

— Вулли Валенок, как ты смеешь говорить такие вещи! — сказала Тиффани.

— Да я что, потешить всех хотел. — ответил Вулли, потупившись.

— Само собой разумеется, это всего лишь художественное восприятие. — сказала мисс Тенета.

— Что это значит? — спросила Тиффани, не сводя глаз с картинку. Картинка была неправильной. Совсем не так он выглядел.

— То значит, он все выдумал. — ответил Билли Подбородище. — Сам он его не лицезрел, никто Зимнего Кузнеца в глаза не видывал.

— Доселе! — вставил Вулли Валенок.

— Вулли, — сказал Роб Всякограб, поворачиваясь к брату. — А не сказывал я те про тактичны замечания?

— Айе, Роб, сказывал. — послушно ответил Вулли.

— Так вот это сейчас было не из таких. — сказал Роб.

Вулли понурился. — Прощения просим, Роб.

Тиффани стиснула кулаки. — Я не думала, что так получится!

Мисс Тенета развернула кресло с некоторой церемонностью.

— А чего ты ожидала? Не расскажешь ли мне? Может ты пошла плясать из-за обычного стремления подростков сделать все наперекор? Совершать поступки, значит думать! А ты вообще о чем-нибудь думала? И раньше находились желающие потанцевать. Дети, пьяные, юнцы на спор... ничего не происходило. Весенний и осенний танцы это... всего лишь древний обычай, как полагает большинство людей. Всего лишь дни, когда огонь и лед передают друг другу владычество над миром. Но кое-кто полагает, что знает больше. Мы полагаем, что во время танца что-то происходит. Для тебя танец ожил и что-то случилось. И теперь Зимовой ищет тебя.

— Зачем? — выдавила Тиффани.

— Я не знаю. Когда ты танцевала, ты что-нибудь видела? Что-нибудь слышала?

Как можно описать ощущение, когда ты повсюду и ты — все? — спросила себя Тиффани. И она даже пытаться не стала.

— Я... Кажется я слышала голос или два голоса. — пробормотала она. — Эээ, они спросили меня, кто я такая.

— Ин-Те-Рес-Но, — произнесла мисс Тенета. — два голоса? Я поразмышляю о скрытых смыслах. Но вот что я не могу понять, так это как он тебя нашел. Надо подумать. А пока, неплохо будет всем одеться потеплее.

— Айе, — сказал Роб Всякограб. — Зимовой жару не терпит. Ох, из головы то повылетало. Вот те послание из дуплястого древа с того лесу. Вулли, карге его дай. Забрали мы его, сюда идучи.

— Письмо? — спросила Тиффани, а Вулли Валенок стал вытаскивать из-за пазухи грязный, свернутый в рулон конверт. Ткацкий станок постукивал позади них.

— От того мешка с дерьмом, что в замке сидит. — продолжал Роб Всякограб, пока его брат возился с конвертом. — Пишет, что живет не тужит, никому не служит, да тебя ждет-поджидает и тебе того же желает. Да всяко про барашков там разное, занудное на мой погляд, а на заду он накарябал Ж.О.К.С.Л., только мы еще не уразумели, что сие означает.

— Вы прочитали мое письмо? — с ужасом спросила Тиффани.

— Айе. — с гордостью ответил Роб. — Нае проблемо. Для долготных слов Билли Подбородище догадки давал, а так я сам.

Он просиял, но его улыбка тут же увяла, когда он заметил выражение

лица Тиффани. — Ах, вестимо печалит тя, что вскрыли мы эту конвертицию, — продолжил он. — Но все путем, потому как мы ее слизняком залепили. Нипочем те не прознать, что читано оно было.

Но Тиффани не сводила с него глаз и он закашлялся. Фиглы побаивались вообще всех женщин, но ведьм особенно. Наконец, когда он совсем разволновался, Тиффани сказала — Откуда вы узнали, где лежало письмо?

Она искоса глянула на Вулли Валенка, жующего край своего килта. Так он обычно делал только когда был по настоящему перепуган.

— Эээ... Пойдет, коли совру чуток? — спросил Роб.

— Нет!

— Так то интересно. Про драконов и единорогов...

— Нет. Я хочу знать правду!

— Вот те скукотища. Ну в замок баронский завалились, да письмо твое прочитали о том, что письмоносец ведает куда письмо покласть — в дупло древа у водопада.

Даже если бы сам Зимовой вдруг очутился в комнате, холоднее бы не стало.

— Послания твои он хоронит в коробке, что под его... — начал было Роб, но тут же зажмурился, потому что терпение Тиффани лопнуло еще громче, чем странные паутинки мисс Тенеты.

— Разве ты не знаешь, что нельзя читать чужие письма? — требовательно спросила она.

— Э... — начал Роб Всякограб

— И вы ворвались в замок барона...

— Э, э, э, нет, нет, нет! — сказал Роб подскакивая на месте. — Тут ты нас не поймашь! Мы пролезли в одну из тех здоровенных щелей для стрел...

— И затем, вы прочитали мои личные письма, посланные лично Роланду? — сказала Тиффани. — Они личные!

— Ох, айе. — ответил Роб Всякограб. — Но не страшись — никому не поведаем, что в них писано.

— Да мы ни одной живой душе не сказывали, что у ты в дневнике. — сказал Вулли Валенок. — Даже про цветики, что ты у ся намалювала.

Мисс Тенета посмеивается за моей спиной, подумала Тиффани. Я это знаю. Но у меня все язвительные интонации закончились. Такое бывает, когда поговоришь с фиглами.

Но ты была их кельдой, напомнил ей Второй помысел. Они считают, что их священный долг — охранять тебя. Что ты по этому поводу думаешь,

не имеет никакого значения. Они устроят тебе ооочень трудную жизнь.

— Больше не читайте мои письма. — сказала она. — и мой дневник тоже.

— Лады. — ответил Роб Вскограб

— Обещаете?

— Ох, айе.

— Но вы уже обещали мне это!

— Ох, айе.

— Клянётесь своею жизнью?

— Ох, айе, нае проблемо.

— И это обещание, что дают лживые воришки фиглы, на которых положиться нельзя? — сказала мисс Тенета. — Вы все равно верите, что уже померли?

— Ох, айе, мистресс. — ответил Роб Всякограб. — Благодарим покорно, что внимание мое притянули к сему явищу!

— А на самом-то деле, Роб Всякограб, у ты нет ни малейшего намерения сдержать свое обещание!

— Айе, мистресс. — с гордостью ответил Роб. — Уж не такую хилую клятву. Потому что, вишь ли, наша священна доля — каргу охранять. Животы за нее положим, коли нужда будет.

— И как же вы это сделаете, коли уже мертвы? — резко возразила мисс Тенета.

— То вопрос не из легких, верно. — сказал Роб — Мабудь мы положим живот всякого отвратца, что покусится на нее.

Тиффани сдалась. Она вздохнула и сказала: — Мне почти тринадцать. Я в состоянии постоять за себя.

— Посмотрите-ка на мисс Самоуверенность, — вставила мисс Тенета, но сказано это было не так уж и ехидно. — Даже супротив Зимового?

— Что ему нужно? — спросила Тиффани.

— Я тебе уже говорила. Может он заинтересовался, что за наглая девица пошла с ним танцевать? — ответила мисс Тенета.

— Это все мои ноги! Я же говорила, что не хотела этого!

Мисс Тенета развернула свое кресло. Через сколько глаз она на меня смотрит, подумал Второй Помысел Тиффани. Глазами фиглов? Воронов? Мышей? Всеми ими одновременно? Видит ли она меня глазами мышей или блестящими глазками насекомых?

— О, значит все в порядке. — сказала мисс Тенета. — Раз ты этого не хотела.

— Ведьма эта та, кто ответ держит! Ты так ничему и не научилась,

дитя?

Дитя. Очень жестоко было сказать такое тому, кому почти исполнилось тринадцать. Тиффани почувствовала, как заливается краской. Кровь прилила к голове.

Она прошла через комнату, открыла входную дверь и вышла наружу.

Шел густой снег, медленно и тихо. Тиффани взглянула в бледно-серое небо и увидела как опускаются крупные, мягкие хлопья; про такой снег народ на Мелу говорил: «Бабушка Болит овечек стрижет».

Она шла прочь от коттеджа и чувствовала, как на ее волосах тают снежинки. Мисс Тенета что-то кричала ей в дверях, но она шла дальше, подставляя разгоряченное лицо снежинкам.

Я поступаю глупо, говорила она себе. Но быть ведьмой тоже глупо. Зачем нам все это? Тяжелая работа, за которую и награды не дождешься. Когда у мисс Тенеты бывает хороший день? Когда ей принесут стоптанные ботинки и размер окажется подходящим! Что она вообще понимает?

Ну и где этот Зимовой? Здесь он или нет? Это всего лишь слова мисс Тенеты. Ее слова и картинка в книге, придуманная художником!

— Зимовой! — закричала она.

Было слышно как идет снег. Он падал с тихим, холодным шуршанием.

— Зимовой!

Ответа не было.

Ну и чего она ожидала? Раскатов баса низкого голоса? Сверкающего человека из сосулук? Вокруг ничего не было, только пушистый белый снег мерно падал среди темных деревьев.

Она чувствовала себя немного одураченной, но и довольной в то же время. Вот так поступают ведьмы! Поглядела она в лицо своим страхам и нет их больше! С этим она хорошо справилась.

Тиффани обернулась — и увидела Зимового.

Запомниай, сказал ее Третий Помысел. Важна каждая мельчайшая деталь...

Зимовой был...

...ничем. Снег обрисовывал его силуэт. Падающие снежинки отклонялись в сторону, как будто им мешал кто-то невидимый. Зимовой был не больше, чем очертанием и только две крошечные пурпурно-серые точки висели в воздухе на том месте, где должны находиться глаза.

Тиффани стояла неподвижно, мысли застыли, тело ждало приказаний.

Падающий снег сформировал руку, которая потянулась к ней так медленно, как будто Зимовой боялся спугнуть ее. Какое-то странное чувство недосказанности... словно он хотел что-то сказать, но не имел

голоса; такое чувство, словно он силился что-то сделать, вкладывая всю душу в свои старания, даже не зная, что такое душа.

Рука замерла в футе от нее. Снег сформировал кулак, рука повернулась и ладонь разжалась.

Что-то блеснуло. На ладони лежала белая серебрянная лошадка на изящной серебряной цепочке.

Рука Тиффани метнулась к горлу. Она же надела подвеску прошлой ночью! Как раз перед тем, как она отправилась... смотреть... на танец...

Должно быть она потеряла подвеску! И Зимовой нашел ее!

Вот что интересно, заметил ее Третий Помысел, разбирающийся с миром на свой лад. Нельзя увидеть то, что спрятано в невидимом кулаке. Как так получается? И почему там, где должны быть глаза, находятся эти пурпурно-серые пятнышки? Почему они не невидимые?

Вот такой он Третий Помысел. Даже когда тебе на голову вот-вот свалится огромный валун, именно он размышляет о том, а не вулканического ли происхождения этот валун, как например гранит, или он из песчаника?

Та часть рассудка Тиффани, что была не настолько педантична, наблюдала за серебряной лошадкой, раскачивающейся на цепочке.

Первый Помысел сказал: Возьми ее.

Второй Помысел сказал: Не бери, это ловушка.

Третий Помысел сказал: И правда, лучше ее не брать. Она может оказаться намного холоднее, чем ты можешь себе представить.

И затем, вся остальная ее часть взяла верх над всеми Помыслами сразу и потребовала: Возьми ее. Она часть тебя. Ты думаешь о доме, когда держишь ее. Возьми же ее!

Тиффани протянула правую руку.

Лошадка упала в подставленную ладонь. Инстинктивно, она сжала пальцы. Лошадка и правда была намного холоднее, чем она могла вообразить, и обожгла ей руку.

Тиффани вскрикнула. Снежный силуэт Зимового рассыпался вихрем снежинок. Снежный покров вокруг нее взметнулся и, с криком «Кривенс!», толпа фигов подняла ее и стоймя потащила через поляну в коттедж.

Тиффани с трудом разжала ладонь и дрожащими пальцами взяла лошадку. На ладони остался четкий отпечаток, белая лошадь на розовой плоти. Это был не ожог, это было... обморожение.

Мисс Тенета развернула свое кресло на гремящих колесиках.

— Подойди ко мне, дитя. — приказала она.

Все еще прижимая к себе руку, борясь со слезами, Тиффани подошла к

ней.

— Встань рядом, быстро!

Тиффани подчинилась. Не время было для непослушания.

— Я хочу заглянуть тебе в ухо. — сказала мисс Тенета. — Убери волосы.

Тиффани убрала волосы и вздрогнула, когда мышь защекотала ее своими усиками. Потом зверюшка убежала.

— Как удивительно. — сказала мисс Тенета. — Я ничего не вижу.

— Э... А что вы ожидали увидеть? — отважилась спросить Тиффани.

— Дневной свет! — гаркнула мисс Тенета столь громко, что мыши бросились врассыпную. — У тебя что, совсем мозгов нет, дитя?

— Эх, не ведаю, интересно кому, — сказал Роб Всякограб. — Но кажись, Зимовой утек. Снег стих.

Но никто его не слушал. Когда ведьмы заняты склокой, они полностью сосредоточены на ней.

— Она моя!

— Безделушка!

— Нет!

— Не ко времени я вам рассказываю, только... — с жалким видом продолжал Роб.

— Думаешь, она нужна тебе, чтобы быть ведьмой?

— Но вы пользуетесь Запутками!

— Пользуемся, да, но необходимости в них нет! Необходимости нет!

— Эге, то бишь снежок потаял... — сказал Роб, нервно улыбаясь.

Гнев развязал Тиффани язык. Да как смеет эта старая глупая карга заявлять, что им ни в чем необходимости нет!

— Боффо! — закричала она. — Боффо, Боффо, Боффо!

Все сразу стихло. Немного помолчав, мисс Тенета поглядела за спину Тиффани и сказала: — Эй вы, чертовы фиглы! Гэть отсель зараз! Уж я прознаю, коли не уберетесь! Это наше, карговое дело!

В комнате что-то просвистело и дверь в кухню захлопнулась.

— Итак, — сказала мисс Тенета. — Тебе известно про Боффо?

— Да, — ответила Тиффани, тяжело дыша. — Мне известно.

— Очень хорошо. И ты сказала кому-нибудь? — мисс Тенета замерла и приложила палец к губам. Затем она подхватила трость с пола: — Я сказала, гэть отседа! Прочь в лес, паршивцы! Вот я проверю, убрались ли вы! На всю родню вашу вина падет, коли супротив меня пойдете!

Из под пола донесся звук катящихся картофелин и фиглы полезли наружу сквозь узкую поддувную решетку.

Всего на несколько секунд, мисс Тенета стала более человеческой и менее пугающей. Ну... Слегка менее пугающей.

— Как ты узнала об этом? Пыталась что-то найти? Шарила тут и обыскивала? — спросила мисс Тенета.

— Нет! Я таким не занимаюсь! Я случайно обнаружила, как то раз, когда вы отдыхали. — Тиффани потеряла руку.

— Сильно болит? — спросила мисс Тенета и наклонилась посмотреть. Может она и была слепой, но... как все пожилые ведьмы, знающие свое дело, она замечала все.

— Нет, сейчас уже нет. Но болело. Послушайте, я...

— Тогда тебе придется учиться слушать! Ты думаешь, что Зимовой ушел?

— Похоже, что он просто исчез... То есть совсем исчез. По моему, он всего лишь хотел вернуть мне подвеску.

— По твоему, это то, чем обычно занимаются духи, такие, как дух зимы, повелевающий штормами и морозами?

— Я не знаю, мисс Тенета! Я других не встречала!

— Ты танцевала с ним.

— Я не собиралась этого делать!

— И тем не менее.

Тиффани подождала немного и затем спросила. — Тем не менее что?

— В общем смысле, тем не менее. Его привела к тебе твоя подвеска. Но сейчас его здесь нет — в этом ты права. Я бы знала, если б он был.

Тиффани прошла к входной двери, немного помедлила, затем открыла дверь и вышла наружу. Кое-где на земле виднелся снег, но в целом был обычный предзимний серый день.

Я бы тоже знала, что он здесь, подумала она. Но его здесь нет. Второй Помысел тут же спросил: — Неужели? И как бы ты это узнала?

— Мы оба трогали лошадку. — прошептала она.

Тиффани вертела в руках цепочку, оглядывая голые ветви спящих деревьев. Лес стоял покоробленный, приготовившись к зиме.

Он где-то там, но не очень близко. У него должно быть дел по горло, ведь зима на носу...

Тиффани машинально произнесла — «Спасибо!», потому что мать их всегда учила, что ласковое слово сказать не трудно, и вернулась в дом. В коттедже было жарко натоплено, но у мисс Тенеты был большой запас дров, собранный с помощью секрета Боффо. Местные лесорубы всегда следили, чтобы дров хватало. Замерзшая ведьма может стать очень опасной.

— Я бы выпила чашку черного чая. — сказала старая ведьма, когда Тиффани задумавшись вошла в дом.

Она подождала пока Тиффани не отмоет чашку и затем спросила: — Ты слыхала истории обо мне, дитя?

Ее голос звучал мягко. Да, они кричали и говорили такие слова, что лучше бы и не говорить, раздражения и непокорности хватило. Но сейчас они обе были здесь и деться им некуда. Мягкий голос означал перемирие и Тиффани была этому рада.

— Э... Что у вас в подвале демон? — ответила Тиффани, все еще пребывая в замешательстве. — И что вы едите пауков? И по ночам к вам являются короли и принцы? И что любое растение, посаженное в вашем саду, зацветет черными цветами?

— Они так говорят? — спросила довольная мисс Тенета, — Последнего я еще не слышала. Как мило. А о том, что я расхаживаю по ночам в самое темное время года и даю тем, кто хорошо себя вел, полный кошель серебра? А тем, кто вел себя плохо, я распарываю живот ногтями, вот так?

Тиффани отпрянула, когда мисс Тенета протянула к ней морщинистую руку и ее желтый ноготь чуть не полоснул Тиффани по животу. Старая ведьма вселяла ужас.

— Нет! Нет! Этого я не слышала! — выдохнула Тиффани, прижавшись к раковине.

— Нет? А ведь это чудесная история с настоящими историческими корнями! — злая хмурость мисс Тенеты сменилась улыбкой. — А про то, что у меня хвост, как у коровы, слышала?

— Как у коровы? Нет!

— В самом деле? Какая досада, — сказала мисс Тенета, опуская руку. — Боюсь, что ремесло сказочников захирело в этих краях. Я должна серьезно этим заняться.

— Это всего лишь разновидность Боффо, верно? — спросила Тиффани. Она не была полностью уверена. Мисс Тенета и ее ногти были очень даже жуткими. Не удивительно, что девочки сбегали так быстро.

— Ах, у тебя все-таки есть мозги. Так и есть. Боффо — хорошее название. Боффо, действительно. Искусство оправдывать ожидания. Покажи людям то, что они хотят видеть. Покажи им то, что они ожидают. В конце концов, у меня есть репутация, которую я должна поддерживать.

Боффо, думала Тиффани, Боффо, Боффо, Боффо.

Она подошла к черепам, взяла один из них и прочитала наклейку на его обороте, как она прочитала ее месяц назад:

Страшный череп № 1, цена 2.99 \$
магазин сувениров и розыгрышей Боффо
Улица Десятого Яйца, № 4, Анк-Морпорк
«За смехом — к Боффо!»

— Как живые, правда? — сказала мисс Тенета, возвращаясь в свое кресло. — Если о черепе так вообще можно говорить! Магазин продает замечательную машинку для производства паутины. Надо залить внутрь вот эту липкую жидкость и после некоторой тренировки, можно получить отличную паутину. Всяких ползучих тварей не терплю, но паутина у меня быть должна. А ты заметила мертвых мух?

— Да — ответила Тиффани, кинув украдкой взгляд. — Это изюм. Я думала, что у вас пауки-вегетарианцы.

— Молодец. С глазами у тебя все в порядке. И моя шляпа тоже оттуда. «Злая Ведьма Номер Три, Для Страшных Вечеринок», кажется так. У меня все еще где-то хранится каталог, если тебе интересно.

— Все ведьмы покупают у Боффо? — спросила Тиффани.

— Только я, по крайней мере в этих краях. О, и я думаю, что старая госпожа Бездыханка, что живет в Двух Скатах, также покупает там бородавки.

— Но... Зачем? — спросила Тиффани.

— У нее они не растут. Просто не растут и все, у бедняжки. Что только ни пробывала. Всю жизнь у нее лицо, как задница у младенца.

— Нет, я спрашиваю, почему вы хотите выглядеть так... — Тиффани запнулась и продолжила, — жутко?

— У меня есть свои причины. — ответила мисс Тенета.

— Но вы ведь не делаете ничего такого, о чем говорится в историях, правда? Короли и принцы не ходят к вам по ночам за советами?

— Нет, но они могли бы, — твердо сказала мисс Тенета — Если бы заблудились, например. О, я знаю все об этих историях. Я сама сочинила большинство из них!

— Вы сочинили истории про себя?

— О, да. Почему бы и нет? Я не могу положиться в таком важном деле на любителей.

— Но люди говорят, что вы можете увидеть душу человека!

Мисс Тенета хихикнула. — Это уже не моя выдумка! Но вот что я скажу тебе, для кое-кого из моих прихожан мне понадобилось бы лупа! Я вижу, что они видят, я слышу, что они слышат. Я знала их отцов и дедов, и прадедов. Я знаю все слухи и все секреты. И я для них Правосудие и я

справедлива. Погляди на меня. Увидь меня.

Тиффани посмотрела — за черную накидку и черепа, и резиновую паутину, и черные цветы, и повязку на глазах, и истории — и увидела маленькую, глухую и слепую женщину.

Боффо менял все дело... не только всякие безделушки, но та его часть, что касалась мышления — слухи и истории. Мисс Тенета была могущественной потому, что люди считали ее таковой. Все было так же, как и с обычной ведьминской шляпой. Но мисс Тенета пошла еще дальше.

— Ведьме не нужны устройства, мисс Тенета. — сказала Тиффани.

— Не пытайся умничать со мной, дитя. Разве девица Ветровоск не говорила тебе об этом? О, да, тебе не нужна ни волшебная палочка, ни Запутка и даже остроконечная шляпа, чтобы быть ведьмой. Но они помогают ведьме войти в образ. Люди ожидают чего-то такого. Тогда они поверят в тебя. Я бы не стала тем, кто я есть, в чепчике и полосатом переднике! Я соответствую их ожиданиям...

Снаружи, со стороны сыроварни, донесся какой-то шум.

— Наши маленькие синие друзья? — спросила мисс Тенета, поднимая брови.

— Нет, им абсолютно запрещено входить в любую сыроварню, где я работаю. — сказала Тиффани, направляясь к двери. — О, боже, надеюсь, это не Горацио...

— Говорила я тебе, что от него ничего, кроме беды не дождешься? — прокричала мисс Тенета вслед заторопившейся Тиффани.

Да, это был Горацио. Он опять просочился из своей клетки. Когда ему было нужно, он становился довольно текучим. На полу валялась разбитая масленка, но масла в ней уже не было, только жирный след на полу.

В темноте под раковиной раздавалось торопливое чавкание — нямнямнямнямням...

— Так теперь ты охотишься за маслом, Горацио? — сказала Тиффани, беря в руки метлу. — Ты знаешь, что это, фактически, каннибализм?

И все-таки, лучше масло, чем мыши, призналась она себе. Уж больно печально было наткаться на кучки крошечных, обглоданных костей. Даже мисс Тенета не смогла найти этому объяснение. Она смотрела глазами мыши, подбирающейся к сыру, но в какой-то момент все погружалось в темноту.

Потому что этим сыром был Горацио.

Тиффани знала, что Ланкрские Голубые сыры всегда были полны жизни и иногда их приходилось прибивать гвоздями к месту, но...

Даром, что она была мастерица по сырам, но Горацио без сомнения

удался на славу. У него были просто бесподобные голубые прожилки, что придавали ему пестроту, вот только Тиффани не была уверена, что они должны светиться в темноте.

Она потыкала в темноту палкой от метлы. Послышался треск, когда она вытащила метлу, от конца было отгрызено дюйма два. Затем, раздалось громкое «Тьфу!» и отгрызенный кусок вылетел из под раковины и врезался в стенку напротив.

— Что же, молока тебе больше не будет. — сказала Тиффани, выпрямляясь.

Про себя она размышляла:

Он пришел, чтобы вернуть мне мою лошадку. Зимовой пришел только для этого.

Хм...

Когда начинаешь думать об этом, то находишь все довольно... впечатляющим.

Ему надо заниматься всеми этими снежными лавинами и бурями, придумывать новые узоры для снежинок, но он нашел время, чтобы прийти и вернуть мне мое ожерелье.

Хм...

И он только что стоял здесь.

И затем он просто исчез — то есть исчез полностью.

Хм...

Она оставила Горацио, бормочащим что-то глухо под раковиной, и приготовила чай мисс Тенете, которая снова села за свой станок. Потом она бесшумно вернулась к себе в комнату.

Дневник Тиффани был толщиной в три дюйма. Аннаграмма, еще одна ведьма на обучении и ее подруга (более или менее), говорила, что дневник должен называться Книга Теней и писать его надо на пергаменте, магическими чернилами, что продаются в Магической Лавке Заказа Сильнорука по Приемлимым Ценам — по крайней мере, для самого Заказа цены были вполне приемлимы.

Но Тиффани не могла себе этого позволить. Все, что у вас есть — это ваши ведовские таланты, но вы не должны ими торговать. Мисс Тенета не возражала против продажи сыров, но все равно бумага была слишком дорога в этих краях и у странствующих коробейником не было особого выбора. Но у них обычно продавалось одна-две унции зеленого купороса, из которого получались неплохие чернила, если смешать его с давленными чернильными орешками или кожурой грецкого ореха.

Дневник Тиффани был толстым, как кирпич, потому что она клеивала

в него дополнительные страницы. Она рассчитала, что сможет пользоваться им еще года два, если будет писать мелко.

На кожаном переплете своего дневника Тиффани вывела раскаленной спицей — «Фиглам глядеть запрещено!». Но это нисколько не помогало. Они считали такие надписи своего рода приглашением. Поэтому она стала записывать некоторые события секретным кодом. Чтение давалось фиглам Мелового Холма нелегко, так что им нипочем не удалось бы разобраться в коде.

Она внимательно огляделась по сторонам, так, на всякий случай, и отперла огромный висячий замок, который застегивал цепь, обернутую вокруг дневника. Тиффани перелистала страницы, обмакнула перо в чернила и написала: «Встреча с *»

Да, снежинка подходящий шифр для Зимового.

Она продолжала размышлять — он просто стоял.

И потом он убежал, потому что я закричала.

Что было хорошо.

Хм...

Но...

Лучше бы я не закричала.

Тиффани разжала ладонь. Отпечаток лошадки все еще виднелся, белый, как мел, но боль уже прошла.

Она поежилась, но тут же взяла себя в руки. И что такого? Она встретила духа зимы. Она ведьма. Такое иногда происходит с ведьмами. Он вежливо вернул ей ее собственность и ушел. Нет никакого повода для волнений.

Она написала: «Псм от Р»

Тиффани очень аккуратно вскрыла конверт, что было не трудно, так как слизняк был не таким уж и клейким. Она с успехом могла бы еще раз использовать этот конверт. Потом она сгробилась над письмом так, чтобы никто не смог прочитать его из-за плеча. В заключение Тиффани сказала: — мисс Тенета, пожалуйста, не могли бы вы освободить мои глаза? Они нужны мне в личное пользование.

После паузы снизу донеслось бормотание и глаза перестало щекотать.

Всегда... хорошо, когда приходит письмо от Роланда. Да, письма были в основном про овец и всякие местные дела, но иногда в письмо был вложен засушенный цветок — колокольчик или примула. Бабушке Болит это бы не понравилось, она всегда говорила, что если бы холмы хотели, чтобы люди собирали цветы, они выращивали бы их в большем количестве.

Письма всегда вызывали у нее тоску по дому.

Однажды мисс Тенета спросила ее — Этот молодой человек, что пишет тебе... Он твой аматёр?

Тиффани пришлось замять вопрос, пока ей не удалось посмотреть в словаре значение слова, а потом ей еще пришлось выждать, пока румянец не прошел.

Роланд был... Что касалось Роланда... Дело было в том... Он был там.

Да, когда она в первый раз встретила его, он был довольно беспомощным и глуповатым увальнем, но что вы хотите? Во-первых, он целый год был узником Королевы Эльфов, разжиревшим и ополоумевшим от сладостей и отчаяния. А во-вторых, его воспитывала пара чванливых тетушек, так как его отец — Барон — больше интересовался собаками и лошадьми.

Но он более-менее изменился с тех пор: стал более вдумчивым, менее грубым, более серьезным, менее глупым. У него также были очки — первая пара, когда-либо появившаяся на Мелу.

И у него была библиотека! Более ста книг! На самом деле библиотека принадлежала замку, но никто кроме него ей не интересовался.

В библиотеке имелись огромные, древние тома в деревянных переплетах, с большими черными буквами и цветными изображениями удивительных животных и видов заморских стран. Была там и «Книга Особых Дней» Васпмайера и «Почему Все Так, а не Иначе» Крамберри, и все тома «Энциклопедии Омнианства» кроме одного. Роланд был изумлен ее умением читать иностранные слова, а она тщательно следила, чтобы не проговориться ему о существовании доктора Суетона.

Дело было в том... Суть в том, что... В общем, с кем еще они могли дружить? Роланд не мог, просто не мог иметь друзей среди деревенских мальчишек, будучи сыном Барона и все такое. А Тиффани теперь носила остроконечную шляпу, что значило много.

Народ на Мелу не особо жаловал ведьм, но она была внучкой Бабушки Болит, правильно? И кто знает, чему старая пастушка могла ее научить. А как они любили рассказывать о том, что она умыла нос всем этим ведьмам в горах! Помните прошлогодний окот овец? Да она оживила мертвых ягнят лишь взглянув на них! И она из Болитов, а у них наши холмы в костях. Так что она заслуживает доверия. Она наша, понятно?

Все это было прекрасно, но старых друзей у нее не осталось. Те деревенские дети, что раньше дружили с ней, стали относиться к ней... почтительно из-за шляпы. О чем они могли разговаривать? Она бывала в таких краях, что они и вообразить себе не могли. Большинство из них не бывали даже в Двурубахах, до которых всего-то полдня пути и о чем они

совершенно не переживали. Они собирались продолжить дело своих отцов или растить детей, как их матери. И это просто замечательно, быстро добавила про себя Тиффани. Но им не пришлось решать, чем заняться. Все решалось само собой, а они даже не замечали этого.

В горах было то же самое. Единственные подростки, с кем она могла бы поговорить, были другие ученицы-ведьмы, например, Аннаграмма и другие девочки. Не стоило и пытаться завести беседу с деревенским людом, а тем более с мальчиками. Они только стояли потупившись, бубнили себе под нос и переминались с ноги на ногу, также как люди дома, когда они разговаривали с Бароном.

Вообще-то, Роланд тоже так себя вел и краснел каждый раз, когда она поднимала на него глаза. Всегда, когда она бывала в замке или они прогуливались по холмам, воздух был насыщен многозначительным молчанием... совсем как с Зимовым.

Она внимательно прочитала письмо, стараясь не обращать внимания на жирные отпечатки рук фигов. Роланд даже вложил несколько чистых листов бумаги.

Она разгладила один лист, несколько секунд глядела на стенку и начала писать.

Внизу в мочной, Горацио, сыр, вылез из-за мусорного ведра. Он остановился перед задней дверью. Если только можно вообразить себе задумчивый сыр, то именно так и выглядел Горацио в данный момент.

* * *

В маленькой деревушке Двурубахи, у кучера почтовой кареты возникли кое-какие проблемы. Письма и посылки со всей округи доставляли в сувенирную лавку, которая также являлась почтовой конторой.

Обычно кучер просто забирал мешок с почтой, но сегодня он столкнулся с затруднениями. И поэтому он неистово листал сборник Почтовых Правил.

Мисс Тик постукивала носком ботинка по земле. Это действовало ему на нервы.

— Ага, ага! — наконец сказал он победоносно. — Здесь сказано — животных, драконов, птиц или рыб — нельзя!

— И кем из них я по вашему являюсь? — холодно спросила мисс Тик.

— Люди, это вид животных, верно? Что я хочу сказать, поглядите-ка

на обезьян, а?

— У меня нет ни малейшего желания глядеть на обезьян. — сказала мисс Тик. — Я и так знаю, что они вытворяют.

Кучер почувствовал, что зашел в тупик и снова стал яростно листать страницы. Затем он просветлел.

— А, а, а! — сказал он. — Сколько вы весите, мисс?

— Две унции. — ответила мисс Тик. — Это максимальный вес письма, который вы можете отправить в Ланкр и окрестности за десять пенсов.

Она продемонстрировала две марки, прилепленные к ее воротнику. — И я уже купила свои марки.

— Вы не можете весить две унции! — воскликнул кучер. — Да в вас не меньше ста двадцати фунтов!

Мисс Тик вздохнула. Что же, она пыталась этого избежать, но в конце концов, Двурубахи это вам не Собачьево. Деревушка стоит на большаке и наблюдает за проносящимся мимо нее миром. Поэтому она надавила на кнопку, управляющую ее шляпой.

— Не хотите ли вы, чтобы я забыла ваши слова? — спросила она.

— С чего бы это? — парировал кучер.

Мисс Тик непонимающе посмотрела на него, а затем возвела глаза вверх.

— Прошу прощения. — сказала она. — Вот вечно так. Это все из-за воды, пружина ржавеет.

Она постучала по полям шляпы. Спрятанный острый конец выскочил, раскидывая бумажные цветы.

Кучер проследил за ним взглядом. — Ох. — сказал он.

Суть остроконечных шляп в том, что ее носят либо ведьмы, либо волшебники. Если же шляпу наденет тот, кто ими не является, он сможет разгуливать в ней только до тех пор, пока не встретит полноправного владельца шляпы. Волшебники и ведьмы не любят самозванцев. Они также не любят, когда их заставляют ждать.

— Так сколько я по вашему вешу? — спросила она.

— Две унции! — быстро ответил кучер.

Мисс Тик улыбнулась. — И не скрупулом больше! Скрупула, да будет вам известно, это двадцать гранов или одна двадцать четвертая унции. Я в сущности... бесскрупулезная!

Она немного подождала, проверяя, достигла ли цели эта в высшей степени учительская шутка, и не особо расстроилась, что нет. Мисс Тик нравилось быть умнее, чем другие.

Она села в карету.

Когда карета забралась в горы, пошел снег. Мисс Тик, которая знала, что не бывает двух одинаковых снежинок, не обратила на них никакого внимания. Но если бы она уделила им хоть чуточку внимания, то почувствовала бы себя чуточку глупее.

* * *

Тиффани спала. В камине ровно горел огонь. Внизу, в ткацкой, станок мисс Тенеты ткал дорожку сквозь ночь...

Маленькие синие фигурки крадучись пробрались к столику, за которым писала Тиффани, построили пирамидку и залезли на него.

Тиффани повернулась на другой бок и шумно вздохнула. Фиглы на мгновение застыли, а затем дверь в комнату тихо закрылась за ними.

По ступеньками пролетело синее пятно, поднимая за собой пыль, пронеслось через ткацкую, мочную, ринулось в странную дыру сыровидной формы в задней двери и выскочило наружу.

Оно пронеслось по лесу, оставляя за собой кружащиеся в воздухе листья, к маленькому костру. Вокруг костра стояла толпа фигов, огонь освещал их лица, хотя может ему это было не по вкусу.

Пятно остановило свой бег и превратилось в шесть фигов, двое из них держали дневник Тиффани.

Они осторожно положили его на землю.

— Добро, что мы с дому того утекли. — сказал Великий Ян. — Великучии черепа узрили? Сей карге под жорстку руку лучше не попадаться!

— Ага, вижу я, она сызнава анбарный замок навесила. — отметил Вулли Валенок, обойдя дневник со всех сторон.

— Роб, думка мя гложет, что прав нету читать его. — сказал Билли Подбородище, когда Роб просунул руку в замочную скважину. — Он особовный.

— Она наша карга. Что для нее особовно, то особовно и для нас. — сухо ответил Роб, шаря рукой внутри замка. — К тому, ж она сама желать может, чтобы прочитали его. Кой ляд записывать, ежели не хочешь, чтоб читали. То пустая потрада грифеля!

— Мабудь она хотит сама читать его? — с сомнением спросил Билли.

— О, айе? С чего бы ей того хотеть? — насмешливо спросил Роб. — Ей и так ведомо, что там написано. И Дженни знать желает, что она думает про баронского паренька.

Послышался щелчок и замок открылся. Фиглы, как один человек пристально следили за его действиями.

Роб перевернул шелестящие страницы и ухмыльнулся.

— Ага, вот она начертала здесь: — О боже, мои фиглы опять залезли сюда. — прочитал он. Это заявление было встречено аплодисментами.

— Ах, что за любезна дивчина, что так про нас начертала. — сказал Билли Подбородище. — Можно поглядать?

Он прочитал — О боже мой, фиглы опять залезли сюда.

— Ага... — сказал он. Билли пришел вместе с Дженни из клана Долгого Озера. Их клан лучше ладил с чтением и письмом, и он к тому же был гоннаглем, так что ему неплохо удавалось и то, и другое.

Фиглы Мелового Холма, с другой стороны, лучше ладили с пьянством, воровством и драками, и Робу Всякограбу особенно удавались все три вида деятельности. Но он научился читать и писать, потому что Дженни попросила его об этом. Билли знал, что Роб проявлял больше оптимизма, чем точности. Кода же ему попадалось длинное предложение, он обычно читал первые несколько слов, а затем пытался отгадать оставшиеся.

— Читально ремесло — уразуметь, что слова молвить хотят, так? — спросил Роб.

— Айе, мабудь. — сказал Величий Ян. — Зришь ли ты там слува, что молвят, мил ли карге нашей тот мешок с дерьмом в камянистом замке?

— Какой у тя склад ро-ман-тичен. — сказал Роб. — А вот те ответ — сие мне неведомо. Потому, как шифруют они письма свои. Вот дрянна штука для читая. И нормальны слува то не прочитаешь, не то что заплутанные.

— Дурной погляд за нами будет, коли велика карга начнет парнями бошку забивать. — сказал Величий Ян.

— Аей, но парень ожаниться не захочет. — сказал Ангюс Слегка с Приветом.

— Могет захотеть, в один день. — сказал Билли Подбородище, любимым занятием котрого было наблюдать за людьми. — Большинство верзил жанятся.

— Жанятся? — с изумлением спросили фиглы.

— О, айе.

— Они хотят жаницца?

— Многие из них, айе. — ответил Билли.

— И с пити, красти и лупити покончить?

— Эй, эй, мне дозволено трошки пити, красти и лупити! — вставил Роб Всякограб.

— Айе, Роб, но мы не можем не замечать, что должен ты также делать Объяснятки. — заметил Вулли Валенок.

Толпа согласно закивала. Для фиглов Объяснятки были темным лесом. Очень сложным делом.

— А когда возвращаемся мы с пити, красти и лупити, Дженни дает те Поджимати губок, — продолжил Вулли Валенок.

Стон прошел по толпе фиглов. — Ооооо, зберегите нас от Поджимати губок!

— И еще Складывати ручки, — продолжал Вулли, который уже сам себя запугал.

— Ооооо, вейли, вейли, вейли, Складывати ручки! — закричали фиглы, рвя на себе волосы.

— Не говоря о Постучати ножкой... — тут Вулли остановился, не желая даже думать о Постучати ножкой.

— Аааах, Оооох! Только не Постучати ножкой! — кое-кто из фиглов начал биться головой о деревья.

— Айе, аей, аей, НО! — с отчаянием сказал Роб. — что вам не ведомо — потаенная часть супружества!

Фиглы переглянулись. Воцарилась тишина, прерванная шумом падения небольшого деревца.

— Мы ни о чем таком не слыхивали, Роб. — сказал Великучий Ян.

— То не диво. Кто ж вам поведает? Вы не оженатые. Не уразуметь вам по-етить-ской семь-и-трии всего дела. Станьте-ка округ, а я вам поведаю...

Роб огляделся по сторонам, чтобы проверить, не наблюдает ли за ним кто-нибудь еще, кроме пяти сотен фиглов, и продолжил: — Вишь... Сперва мы пити, лупити и красти, лады. А когда вертаемся мы на курган, то пора настает для постучати ножкой...

— Ооооо!

— И сложити ручки...

— Ааааа!

— И, конечно, поджимати губки и- завязали стенати доколь бошки вам не посшибаю!

Все фиглы немедленно затихли, кроме одного:

— О, вейли, вейли, вейли! Оооооох! Ааааа! Поджимати... губ...

Он замолчал и огляделся по сторонам в замешательстве.

— Вулли Валенок! — сказал Роб Всякограб с ледяным спокойствием.

— Айе, Роб?

— Я те сказывал о поре, когда треба слушать о чем я толкую?

— Айе, Роб?

— Ныне такая пора пришла.

Вулли Валенок повесил голову — Прощения просим, Роб.

— Айе! Так о чем я бишь... О, айе... у нас губки, ручки и ножки, так?

А затем...

— Объяснятки! — сказал Вулли Валенок.

— Айе! — резко сказал Роб. — Кто-нить из вас замарашек сподобится на Объяснятки?

Он поглядел по сторонам.

Фиглы попятились.

— Эй, эй, мне дозволено трошки пити, красти и лупити! — вставил Роб Всякограб.

— Айе, Роб, но мы не можем не замечать, что должен ты также делать Объяснятки. — заметил Вулли Валенок.

Толпа согласно закивала. Для фиглов Объяснятки были темным лесом. Очень сложным делом.

— А когда возвращаемся мы с пити, красти и лупити, Дженни дает те Поджимати губок, — продолжил Вулли Валенок.

Стон прошел по толпе фиглов. — Ооооо, зберегите нас от Поджимати губок!

— И еще Складывати ручки, — продолжал Вулли, который уже сам себя запугал.

— Ооооо, вейли, вейли, вейли, Складывати ручки! — закричали фиглы, рвя на себе волосы.

— Не говоря о Постучати ножкой... — тут Вулли остановился, не желая даже думать о Постучати ножкой.

— Аааах, Оооох! Только не Постучати ножкой! — кое-кто из фиглов начал биться головой о деревья.

— Айе, аей, аей, НО! — с отчаянием сказал Роб. — что вам не ведомо — потаенная часть супружества!

Фиглы переглянулись. Воцарилась тишина, прерванная шумом падения небольшого деревца.

— Мы ни о чем таком не слыхивали, Роб. — сказал Великучий Ян.

— То не диво. Кто ж вам поведает? Вы не оженатые. Не уразуметь вам по-етить-ской семь-и-трии всего дела. Станьте-ка округ, а я вам поведаю...

Роб огляделся по сторонам, чтобы проверить, не наблюдает ли за ним кто-нибудь еще, кроме пяти сотен фиглов, и продолжил: — Вишь... Сперва мы пити, лупити и красти, лады. А когда вертаемся мы на курган, то пора настает для постучати ножкой...

— Ооооо!

— И сложити ручки...

— Ааааа!

— И, конечно, поджимати губки и- завязали стенати доколь бошки вам не посшибаю!

Все фиглы немедленно затихли, кроме одного:

— О, вейли, вейли, вейли! Ооооох! Ааааа! Поджимати... губ...

Он замолчал и огляделся по сторонам в замешательстве.

— Вулли Валенок! — сказал Роб Всякограб с ледяным спокойствием.

— Айе, Роб?

— Я те сказывал о поре, когда треба слушать о чем я толкую?

— Айе, Роб?

— Ныне такая пора пришла.

Вулли Валенок повесил голову — Прощения просим, Роб.

— Айе! Так о чем я бишь... О, айе... у нас губки, ручки и ножки, так?

А затем...

— Объяснятки! — сказал Вулли Валенок.

— Айе! — резко сказал Роб. — Кто-нить из вас замарашек сподобится на Объяснятки?

Он поглядел по сторонам.

Фиглы попятились.

— А кельда тем временем будет и Поджимати, и Складати, и Постучати, — продолжал Роб зловещим голосом. — И ее пригожи глазки те кажут: Сии Объяснятки можно было бы и получше укладати.

Фиглы рыдали и в ужасе жевали концы своих килтов.

— Нет, Роб. — бормотали они.

— Нет, айе! — торжествующе сказал Роб. — Не сподобитесь! А потому, что супружества не ведаете!

— Я слышал, как Дженни сказывала, что у ты таки Объяснятки, аки ни один фигл в мире и пробувати не стал бы. — сказал Вулли Валенок восхищенно.

— Айе, то вполне возможно. — ответил Роб, раздуваясь от городости. — А у фиглов в обычаях необьятны Объяснятки!

— Сказывала она, что у ты Объяснятки таки долги и мудрены, что пока ты до конца доягнешь, она уж забудет с чего ты начал. — продолжал Вулли Валенок.

— Да стал бы я похваляться, то прирожденный талант. — скромно сказал Роб, махнув рукой.

— Но верзили то с Объяснятками не в ладах. — сказал Величий Ян. — Уж больно они тугодумны.

— Тем не мене, они жанятся. — вставил Билли Подбородище.

— Айе, и зелен юнец в замке к карге дюже приязен. — сказал Величий Ян. — Его батя стареет, да недужит и юнец тот вскорости станет владельцем замка и больших бумаженций, где начертано, что владеет он холмами.

— Джении страшится, что коли заполучит он бумаженции о володении холмами, — продолжал Билли Подбородище — То сдуру решит, что холмы ему принадлежат. А уж нам ведомо, к чему сие ведет.

— Айе — ответил Величий Ян. — К вспашке.

Это слово вселяло ужас. Старый Барон когда-то задумывал распахать ряд низин Мела, потому что пшеница поднялась в цене, а с овец денег не было, но Бабушка Болит была жива тогда и отговорила его.

Но все же часть пастбищ на Мелу была распахана. За пшеницу выручили большие деньги. Для фигов это сошло за подтверждение того, что Роланд тоже примется за вспашку. Не был ли он воспитан парочкой надутых и противных интриганок — его тетушек?

— Не доверяю я ему. — сказал Ангюс Слегка с Приветом. — Книги читает и все такое. За землю душа у него не болит.

— Айе, — сказал Вулли Валенок. — Но коли оженится он на карге, о вспашке и не помянет, а то карга ему живо даст Пождимати ручек...

— То Складывати ручек! — рывкнул Роб.

Все фиглы в страхе заозирались по сторонам.

— Ооооо... только не Складывати ручки...

— Углохните! — возорвался Роб. — Что за стыдобища! Карга сама решит, за кого замуж пойти! Верно, гоннагль?

— Ммм? — сказал Билли Подбородище, глядя вверх. Он поймал снежинку.

— Я рек — карга замуж пойдет за того, за кого возжелает, так?

Билли уставился на снежинку.

— Билли? — спросил Роб.

— Что? — отозвался Билли, с таким видом, будто только очнулся. — О... да... Как мыслишь, не возжелает ли она за Зимового пойти?

— Зимового? — спросил Роб. — Он не может жанится ни на ком. Он как дух — что ему в том?

— Он танцевала с ним. Мы все то зрели. — ответил Билли, ловя другую снежинку и изучая ее.

— Да то всего лишь девичьи шалости! А к тому же, с чего бы карге о нем и вовсе помышлять?

— У меня есть догадка, — медленно произнес гоннагль, наблюдая за

снежинками, кружащимися в воздухе. — Что Зимовой изрядно о нашей карге помышляет...

Глава четвертая

Снежинки

Говорят, что не бывает двух одинаковых снежинок, но кто в последнее время это проверял?

Снег бесшумно валил в темноте. Он скапливался на крышах, легко касался ветвей деревьев и с тихим шорохом покрывал землю. От него остро пахло свежестью.

Матушка Ветровоск всегда проверяла снег. Она стояла в дверном проеме, освещенная пламенем свечи, и ловила снежинки на лопату.

Беленький котенок наблюдал за снежинками. Наблюдал и только — не гонялся за ними, не ловил лапкой, но смотрел очень пристально на то как снежинка, кружась, опускалась на землю. Он еще немного смотрел на нее, пока не становилось ясным, что забава закончилась, тогда он поднимал голову и выбирал другую снежинку.

Его звали Ты. Так и звали, обращаясь к нему — «Эй Ты! Ну-ка прекрати!» и «Ах Ты! Брысь отсюда!». Когда дело касалось имен, Матушка Ветровоск особо не вымудрялась.

Матушка посмотрела на снежинки и улыбнулась своею не-слишком-приятной улыбкой.

— Иди-ка Ты домой. — сказала она и закрыла дверь.

Мисс Тик сидела перед очагом и дрожала. Очаг был не слишком большим — только чтобы готовить еду. Но из маленького горшка, стоящего на углях, пахло беконом и гороховым пудингом, а рядом с ним стоял горшок побольше, откуда доносился аромат курицы. Курица не часто перепадала мисс Тик и потому, ее согревала надежда.

Надо сказать, что мисс Тик и Матушка Ветровоск недолюбливали друг друга. Со старшими ведьмами такое часто бывает. Можно было понять, как они друг к другу относятся по тому, насколько исключительно вежливы они были.

— Снег в этом году ранний, госпожа Ветровоск. — сказала мисс Тик.

— И в самом деле, мисс Тик, — ответила Матушка Ветровоск. — И весьма... занятый. Вы его не рассмотрели?

— Да что я снега не видела, госпожа Ветровоск. — сказала мисс Тик. — Мело всю дорогу. Мне даже пришлось толкать почтовую карету! Насмотрелась на него до конца жизни. Однако, что мы будем делать с

Тиффани Болит?

— Ничего, мисс Тик. Еще чаю?

— Мы за нее отвечаем.

— Нет. Она отвечает сама за себя, раз и навсегда. Она ведьма и она танцевала Зимний Танец. Я за ней наблюдала.

— Я уверена, она не понимала, что делает. — сказала мисс Тик.

— Как можно танцевать и не понимать, что ты делаешь?

— Она еще маленькая. Может она так разволновалась, что ноги сами плясать пошли. Она ведь не знала, что происходит.

— Ей не мешало бы узнать. — ответила Матушка Ветровоск. — Ей не мешало бы послушать.

— Я уверена, вы-то всегда делали то, что вам говорили, когда вам было почти тринадцать. — сказала мисс Тик, позволив себе лишь налет сарказма.

Какую-то долю секунды Матушка Ветровоск разглядывала стенку. Потом она ответила. — Нет. Я делала ошибки. Но я не искала оправданий.

— Разве вы не хотите помочь ребенку?

— Я помогу ей помочь себе самой. Я всегда так поступаю. Она втанцевала себя в старейшую историю в мире и единственный способ выбраться из нее, это пройти весь путь до конца. Это единственный способ, мисс Тик.

Мисс Тик вздохнула. Истории, подумала она. Матушка Ветровоск верит, что все в мире построено на историях. Ну что же, у каждого из нас есть свои маленькие странности. За исключением меня, разумеется.

— Да, конечно. Только она слишком... нормальная. — вслух сказала мисс Тик. — Учитывая, что она сделала, я хочу сказать. И слишком много думает. И вот сейчас, когда она привлекла к себе внимание Зимних Дел Мастера...

— Она очаровала его. — сказала Матушка Ветровоск.

— Это станет большой проблемой.

— Которую она должна будет решить.

— А если она не справится?

— Значит, она не Тиффани Болит. — твердо ответила Матушка. — Она сейчас пребывает в Истории, но сама того не знает! Поглядите на снег, мисс Тик. Говорят, что нет двух одинаковых снежинок. Но как можно быть уверенным в этом? Они себя умниками считают, кто так говорит. Я всегда хотела вывести их на чистую воду! И я это сделала! Выйдете наружу и поглядите на снег. Взгляните на снег, мисс Тик! Все снежинки одинаковые!

* * *

Тиффани услышала стук и с трудом распахнула крошечное окошко спальни. На подоконнике густым слоем лежал снег, мягкий и пушистый.

— Не хотели ты будить. — сказал Роб Всякограб. — Но Ужасен Велик Билли рек, что треба те поглядать на сие.

Тиффани зевнула. — На что мне надо посмотреть?

— Улови снежинку. — ответил Роб. — Да не рукой — потают они.

В темноте Тиффани попыталась нащупать своей дневник на столе. Его не было. Она поглядела на пол, вдруг он упал. Роб Всякограб чиркнул спичкой и зажег свечу, и вот он здесь — дневник, как будто всегда тут лежал. Только, как она заметила, он был подозрительно холодным на ощупь. И Роб выглядел совершенно невинным, что было верным признаком вины.

Тиффани отложила распросы на потом и выставила дневник в окно. Снежинки упали на его обложку и она поднесла его поближе к глазам.

— Они выглядят как обычные... — начала было она и остановилась, а затем сказала. — О, нет... Это какой-то фокус!

— Айе? Да, можно и так назвати. — ответил Роб. — Но то его трюк, вишь ли.

Тиффани уставилась на летящие снежинки, освещенные пламенем свечи.

Каждая из них была Тиффани Болит. Крошечной, замороженной, сверкающей Тиффани Болит.

Внизу мисс Тенета громко рассмеялась.

* * *

В дверь спальни, расположенной в башне замка, яростно стучали дверным молотком. Роланд де Чаффлей (да, так его звали и не было в том его вины) старательно не обращал на это внимания.

— Чем ты там занимаешься, мальчик? — раздраженно спросил приглушенный голос.

— Ничем, тетя Данута. — ответил Роланд, не поворачивая головы от стола. Одним из преимуществ проживания в замке была возможность без труда запереться в комнате; на его двери было целых три железных замка и два засова, в руку толщиной.

— Твой отец кричит, чтобы тебя привели, слышишь? — сказал другой голос, еще более раздраженный.

— Он обычно шепчет, тетя Араминта. — спокойно сказал Роланд, аккуратно надписывая конверт. — Он кричит только тогда, когда вы напускаете на него доктора.

— Это для его же собственного блага!

— Но он кричит. — повторил Роланд и лизнул отворот конверта.

— Ах ты неблагодарный малчишка! Мы тебя измором возьмем! Или прикажем стражникам выбить дверь!

Роланд вздохнул. Замок построили люди, которым выбитая дверь пришлось бы не по вкусу и поэтому всем, желающим ее выбить, придется тащить таран по узкой спиральной лестнице, наверху которой не было достаточно места, чтобы развернуться. И после всего этого, они будут вынуждены разносить дверь толщиной в четыре доски и сделанной из столь древнего дуба, что он был подобен железу. Даже один человек месяцами мог оборонять эту комнату, при условии, что провизии у него было достаточно.

Роланд слышал, как ворчали его тетушки, спускаясь из башни, и как стучали их туфли. Затем он услышал, как они начали кричать на стражников.

Пользы от этого было мало. Сержант Робертс и его стража^[3] с раздражением принимали приказания от тетушек. Хотя все знали, что если барон умрет до того, как Роланду исполнится двадцать один год, по закону тетушки будут управлять поместьем до совершеннолетия Роланда. Тем не менее, хотя барон и был очень сильно болен, он еще не умер. Не очень благоприятные времена для не выполнения приказов, которые казались им неподходящими, но сержант и его ребята спасались от гнева тетушек, притворяясь, глухими, тупыми, забывчивыми, рассеянными, больными, бестолковыми или — как, например, Кевин — иностранцами.

Свои вылазки Роланд совершал в предрассветные часы, когда никого вокруг не было и он мог спокойно пожить на кухне. И отца он тоже навещал в эти часы. Старик был погружен в лекарственный сон, но Роланд приходил, чтобы просто подержать его за руку, находя в этом утешение. Если ему попадался на глаза сосуд с осами или пиявками, он выбрасывал его в ров.

Роланд задумчиво поглядел на конверт. Может быть, ему следовало рассказать Тиффни обо всем происходящем, но ему не хотелось об этом думать. Она могла огорчиться и попытаться снова спасти его, а это было бы неправильным. Это то, с чем он должен разобраться сам. Кроме того, он не

был заперт. Они были заперты там снаружи. Пока он удерживает башню, есть еще место, куда они не смогут засунуть свой нос и украсть. Он спрятал последние оставшиеся серебрянные подсвечники, остатки старинной серебрянной посуды («отправили на оценку» — сказали тетушки) и шкатулку с драгоценностями своей матери под кроватью. Он немного не успел со шкатулкой, из нее уже пропало материнское обручальное кольцо и серебрянное ожерелье с гранатами, которое его бабушка оставила ей.

Завтра ему нужно будет встать пораньше и поскакать в Двурубахи с письмом. Он любил писать письма. Мир в них становился намного лучшим местом, потому что все плохое можно было не включать.

Роланд снова вздохнул. Как хорошо было бы написать Тиффани, что в библиотеке ему попала книга под названием «Осады и Выживание» знаменитого генерала Тактикуса (того самого, что изобрел «тактику»). Кто бы мог подумать, что такая старинная книга может оказаться настолько полезной? Генерал особо настаивал на запасании провизии, поэтому у Роланда было полно краатофеля, колбас и тяжелых дварфийских буханок, которые так удобно сбрасывать нападающим на головы.

Он посмотрел в другой конец комнаты. Там висел потрет матери, который он достал с чердака, куда они его утащили («пока не почистят» — так они сказали). Прямо рядом с портретом, если знать, что искать, можно было заметить более светлую часть стены, размером с небольшую дверку. И канделябр рядом с нею казался немного скособоченным.

Проживание в замке имеет очень много преимуществ.

За окном пошел снег.

* * *

Нак Мак Фиглы сидели на соломенной крыше коттеджа мисс Тенеты и тарачились на снежные хлопья. Они смотрели, как в тусклом свете, пробивающемся сквозь грязные окна дома, кружились и летали крошечные Тиффани.

— Снежинками речет, — сказал Величий Ян. — Ха!

Вулли Валенок поймал падающую снежинку. — Треба признаться, что острроверха шапка у него отменно вышла. — сказал он. — Люба ему карга наша.

— Вот вздор-то несешь! — заявил Роб Всякограб. — Он — Зима! Он — весь снег, и лед, и бури, и морозы. Она же — великуча девица! Хиба ж

они пара? Билли, ты то что речешь? Билли?

Гоннагль покусывал кончик своей мышылинки, с отсутствующим видом уставясь на падающий снег. Однако, голос Роба каким-то образом сумел пробиться сквозь его думы, потому что он откликнулся: — Да что ему о людях-то ведомо? Он не боле живой, чем великуча таракашка, однако могуч, аки окоян. И он шибко с каргой любезен. Отчего? Что она ему? И что он делати начнет? Вот что я те кажу: снежинки только начало. Начеку быть нам должно, Роб. Очень плохо все может быть...

* * *

Высоко в горах Тиффани Болит легко приземлялись на старый уплотненный снег на гребне пика, сорвав лавину, которая снесла более сотни деревьев и охотничью избушку. Но вины Тиффани в этом не было.

Также, как не было ее вины и в том, что люди подскальзывались на ней, свежевыпавшей, или что дверь было не открыть, потому что она звалила ее снаружи, или что в кого-то запустили комком, слепленным из нее. Почти вся она растаяла к завтраку на следующее утро, да и все равно никто не замечал ничего необычного, за исключением ведьм, которые никогда не принимают слова на веру, и детей, которых никто не стал бы слушать.

Но даже при этом, Тиффани встала по утру очень смущенной.

И от мисс Тенеты не было никакой помощи.

— По крайней мере, ты ему нравишься. — сказала она, яростно заводя свои часы.

— Откуда мне знать, мисс Тенета. — ответила Тиффани, совершенно не желающая разговаривать на эту тему. Она мыла посуду в раковине, стоя спиной к мисс Тенете, и была рада тому, что та не может видеть лица Тиффани — и, если уж на то пошло, что она сама не может видеть лица мисс Тенеты.

— Интересно, что скажет на это твой молодой человек?

— Это какой такой молодой человек? — спросила Тиффани с таким каменным выражением лица, какое смогла принять.

— Он пишет тебе письма, девочка!

Которые ты читаешь, используя мои глаза, подумала Тиффани. — Роланд? Он всего лишь друг... в некотором роде.

— Друг в некотором роде?

Не буду я с тобой это обсуждать, думала Тиффани. Могу поспорить,

мисс Тенета усмехается. Не ее это дело!

— Да, это так мисс Тенета. В некотором роде.

Последовало долгое молчание, во время которого Тиффани успела отскрести доньшко железной кастрюли.

— Как важно иметь друзей, — проговорила мисс Тенета таким голосом, что он казался более тихим, чем был на самом деле. Как будто он признавал победу Тиффани. — Как закончишь, голубушка, будь добра, принеси мне мешочек для Запутки.

Тиффани отнесла мешочек и поспешила обратно в маслодельню. Она всегда чувствовала себя увереннее в маслодельне. Там все напоминало ей о доме и ей лучше думалось. Она...

В самом внизу двери была проделана дыра сыровидной формы, но Горацио, сыр, находился в своей сломанной клетке, издавая слабые звуки — мнмнмнм — возможно, храпел. Тиффани не стала его беспокоить и занялась утренним молоком.

Хорошо, хоть снег перестал идти. Она почувствовала, что краснеет и постаралась выкинуть из головы даже мысли об этом.

Сегодня ночью собирается ковен. Интересно, другие девочки уже заметили? Ха! Конечно заметили. Ведьмы обращают особое внимание на снег, а уж если этот снег кого-то оконфузит...

— Тиффани? Я хочу поговорить с тобой. — позвала ее мисс Тенета.

Мисс Тенета очень редко называла ее Тиффани. То, что она назвала ее по имени, тревожило.

Мисс Тенета держала в руках Запутку. Мышь, чьими глазами она обычно пользовалась, неуклюже болталась между обломками костей и обрывками тесемки.

— Как неудачно. — пробормотала она и повысила голос. — Эй вы, непутевые! Подите-ка сюда! Ведомо мне, вы тута. Зрю я, как на меня вы пялитесь!

Фиглы появились практически отовсюду.

— Вот и ладно! Тиффани Болит, сядь.

Тиффани быстро села.

— Как не вовремя. — проговорила мисс Тенета, откладывая Запутку. — Как неудачно. Но сомнений никаких нет.

Она помолчала с минутку и сказала. — Я умру послезавтра. В пятницу утром, за полчаса до семи.

Это было такое впечатляющее заявление, которое совершенно не заслуживало следующего ответа: — Вот досада, выходные пропустить. — сказал Роб Всякограб. — Далече собрались?

— Но... Но... Вы не можете умереть! — воскликнула Тиффани. — Вам сто тринадцать лет, мисс Тенета!

— В этом-то, судя по всему, и дело, дитя. — ответила мисс Тенета спокойно. — Говорил ли тебе кто-нибудь, что ведьмы могут предчувствовать свою смерть? Как бы то ни было, я хочу устроить хорошие похороны.

— Нет ничего круче хороших поминок! — заявил Роб Всякограб. — Пити, да плясати, речи толкати, да обжирати!

— Можно подать сладкого хереса. — сказала мисс Тенета. — А что до обжирати, я всегда говорю, что с окороком нельзя промахнуться.

— Но вы не можете просто взять и... — начала было Тиффани и остановилась, когда мисс Тенета быстро, по птичьей, повернула к ней голову.

— ...Оставить тебя в таком положении? — продолжила она. — Это то, что ты собиралась сказать?

— Э... нет. — соврала Тиффани.

— Тебе придется к кому-нибудь перебраться. — сказала мисс Тенета. — Ты еще маленькая, чтобы занять коттедж, тем более, что есть желающие и постарше тебя.

— Я знаю, я не собираюсь провести всю свою жизнь в горах, мисс Тенета. — быстро сказала Тиффани.

— О, да, мисс Тик говорила мне. — ответила старая ведьма. — Ты хочешь вернуться к своим маленьким меловым холмам.

— Они не маленькие! — отрезала Тиффани, громче, чем намеревалась.

— Трудные были времена, как ни посмотри. — тихо сказала мисс Тенета. — Мне надо написать письма, которые ты потом отнесешь в деревню, а после полудня у тебя будет свободное время. Похороны проведем завтра пополудни.

— Простите? Вы хотите сказать до смерти? — спросила Тиффани.

— Конечно же! Не вижу причин пропускать свои похороны.

— Здравый подход. — заметил Роб Всякограб. — Разумная деталь, что люди забывают учитывать.

— Это называется прощальной вечеринкой. — сказала мисс Тенета. — Только для ведьм, само собой. Все остальные обычно начинают нервничать — не могу понять почему. И как хорошо, что у нас еще есть та отличная ветчина, подарок мистера Армбиндера за подтверждение его прав на каштановое дерево. Я мечтаю отведать ее.

Часом позже Тиффани вышла из дома с карманами, полными записок к мясникам, булочникам и фермерам из окрестных деревень.

Ее немного удивляла их реакция. Казалось, что все они приняли это за шутку.

— Мисс Тенета не собирается умирать, уж в ее-то годы. — сказал мясник, взвешивая сосиски. — Я слышал, что Смерть приходил за ней, но она захлопнула перед ним дверь!

— Тринадцать дюжин сосисок, пожалуйста. — сказала Тиффани. — С доставкой.

— Ты уверена, что она собирается умереть? — спросил мясник, чье лицо омрачилось сомнениями.

— Нет, но она — да. — ответила Тиффани.

Затем мясник добавил. — Ты слышала про ее часы? Ей сделали их после того, как ее сердце остановилось. Они вроде механического сердца, понятно?

— Правда? — спросила Тиффани. — В таком случае, если ее сердце остановилось и взамен она получила механическое, то как она могла жить, пока ее новое сердце не было готово?

— О, ну понятно, что это все магия. — ответил мясник.

— Сердце качает кровь, а часы мисс Тенеты находятся не внутри ее тела. — заметила Тиффани. — Нет... трубочек...

— Часы качают кровь магически. — медленно сказал мясник. Он странно посмотрел на нее. — Какая же ты ведьма, если таких вещей не знаешь?

И везде было одно и то же. Сама идея смерти мисс Тенеты просто не могла поместиться в головы людей. Ей было 113 лет и люди приводили в качестве доводов то, что мало кто умирал в таком возрасте.

Они говорили, что это шутка. Они говорили, что у нее был договор, подписанный кровью, который давал ей вечную жизнь. Еще, они говорили, что сначала надо украсть у нее часы. Или, что каждый раз, когда Мрачный Жнец приходит за ней, она называет ему чужое имя и посылает его за кем-то другим. И они говорили, что она может просто приболела...

Когда Тиффани закончила со всеми делами, она и сама начала сомневаться, что это в самом деле произойдет. Однако, мисс Тенета казалось очень уверенной. Когда вам 113 лет удивительно не то, что вы умрете завтра, а то, что вы до сих пор живы.

С головой, полной мрачных мыслей, она отправилась на ковен.

Пару раз она почувствовала присутствие фигов. Она не могла объяснить, как ей это удавалось. Это был навык, которым вы овладевали со временем. И, овладев, почти всегда отказывались его применять.

Когда она добралась, все уже были на месте. Молодые ведьмы даже разожгли костер.

Некоторые люди думают, что «ковен» это название сборища ведьм. Во всяком случае, так написано в словарях. Однако, настоящее слово, обозначающее сборище ведьм, это — «спор».

Большинство ведьм, которой встречала Тиффани, никогда не говорили «ковен». Только миссис Иервиг всегда говорила так. Она была высока, худая и довольно холодна. Она носила серебряные очки на цепочке и использовала слова вроде «аватар» и «сигил». Аннаграмма, управляющая ковром потому, что она его придумала, и у которой была самая высокая шляпа и самый пронзительный голос, являлась ее лучшей ученицей (и единственной).

Матушка Ветровоск говорила, что миссис Иервиг — это волшебник в юбке, и Аннаграмма всегда приносила кучу книг и всяких жезлов на собрания. Девочки проводили церемонии, но в основном для того, что Аннаграмма успокоилась. Для них основной целью ковена была возможность повидать друзей. Даже если они были друзьями только потому, что были единственными людьми, с кем можно было говорить свободно и кто бы понял, на что вы жалуетесь.

Они всегда собирались в лесной глуши, даже зимой. В лесу хватало валежника, чтобы разжечь костер и, ясное дело, все были тепло одеты. Ведь даже летом, чтобы не замерзнуть на метле, требовалось несколько слоев одежды и иногда даже пара бутылок с горячей водой, привязанных тесьмой.

Костер облетели три маленьких огненных шара. Их создала Аннаграмма. Она говорила, что с их помощью можно уничтожить врага. Остальные девочки чувствовали себя неловко. Это была магия волшебников, демонстративная и опасная. Ведьмы предпочитали уничтожать врага с помощью взглядов. Нет смысла убивать врага. Иначе, как он узнает, что ты победила?

Димити Хаббаб принесла огромный поднос со сладким кексом. Как раз для такой холодной погоды.

Тиффани заговорила: — Мисс Тенета сообщила мне, что собирается умереть утром в пятницу. Она сказала, что она знает и все.

— Какая жалость. — ответила Аннаграмма голосом, в котором почти

не было сожаления. — Она была такая старая.

— Она и сейчас такая. — сказала Тиффани.

— Ммм, это называется Зов. — сказала Петулия Хрящ. — Старые ведьмы знают, когда они умрут. Никому не известно, как они это узнают. Просто узнают и все.

— У нее все еще есть эти черепа? — спросила Люси Варбек, у которой в пучок волос были воткнуты вилка и нож. — Я не могла их перенести. Казалось, что они все время смотрели на меня!

— Я убежала из-за того, что она использовала меня вместо зеркала. — вставила Лулу Дорогушка. — Она все еще так делает?

Тиффани вздохнула. — Да.

— Я категорически отказалась к ней идти. — сказала Гертруда Изнур, шуруя кочергой в костре. — А вы знаете, что если ты покинешь ведьму без разрешения, то ни одна другая ведьма не возьмет тебя на обучение? Но если ты уйдешь от мисс Тенеты после первой же ночи, никто ничего не скажет и тебе найдут другое место.

— Миссис Иервиг говорит, что она зашла слишком далеко с этими черепами и воронами. — заявила Аннаграмма. — Все вокруг просто запуганы до смерти, в буквальном смысле!

— Ммм, а что будет с тобой? — спросила Петулия Тиффани.

— Не знаю. Наверное, пойду к кому-нибудь другому.

— Бедняжка. — сказала Аннаграмма.

— Мисс Тенета случайно не говорила, кто поселится в коттедже? — добавила она так, как будто этот вопрос только что пришел ей в голову.

В тишине, следовавшей за этим вопросом, шесть пар ушей так насторожились, что чуть ли не заскрипели от напряжения. Не так много девочек шли в ученицы к ведьмам, но у ведьм был долгий век и заполучить свой собственный коттедж было желанной наградой. С этого ты начинала зарабатывать уважение.

— Нет. — ответила Тиффани.

— Даже никакого намека?

— Нет.

— Она ведь не сказала, что оставит его тебе? — резко спросила Аннаграмма. Ее голос был почти раздражающим. Она могла и слово «привет» произнести, как обвинение.

— Нет!

— Все равно, ты еще слишком молода.

— На самом деле, никакого ограничения по возрасту нет, знаете. — вставила Люси Варбек. — То есть нигде ничего такого не написано.

— А ты откуда знаешь? — резко спросила Аннаграмма.

— Я спрашивала у Старухи Пьюмаер.

Аннаграмма прищурилась. — Ты спрашивала у нее? Почему?

Люси округлила глаза. — Потому что хотела узнать, вот и все. Послушай, все знают, что ты старше всех нас и... более обученная. Несомненно, коттедж достанется тебе.

— Да. — ответила Аннаграмма, наблюдая за Тиффани. — Несомненно.

— Тогда, ммм, все улажено. — произнесла Петулия, чуть громче, чем это было необходимо. — У вас много снега выпало вчера? Матушка Черночепчик сказала, что это так странно.

Тиффани подумала — Боже мой, сейчас начнется...

— У нас в горах снег часто выпадает так рано. — сказала Люси.

— По моему, он был более пушистым, чем обычно. — добавила Петулия. — Довольно красивый, кому такое нравится.

— Это всего лишь снег и ничего больше. — заявила Аннаграмма. — Эй, вы слышали про новую девочку, что пошла в ученицы к мисс Суматохе? Убежала от нее с воплями через час. — Она неприятно улыбнулась.

— Ммм, из-за лягушки? — спросила Петулия.

— Нет, не из-за нее. Против лягушки-то она как раз ничего не имела. Это из-за Невезучего Чарли.

— Его можно испугаться. — согласилась Люси.

И на этом все, поняла Тиффани, когда все принялись за пересуды.

Кто-то, кто был в сущности богом, сотворил миллиарды снежинок по ее образу — и они этого не заметили!

... Что, совершенно очевидно, было хорошо...

Конечно хорошо. Меньше всего ей хотелось поддразниваний и глупых вопросов. Конечно же...

... Но... ну... Как здорово, если бы они заметили или сказали бы «ого!», если бы они завидовали, или испугались, или поразились. Она сама не могла им ничего рассказать, по крайней мере, она не могла рассказывать при Аннаграмме, которая превратила бы все в шутку и наверняка бы обвинила ее в выдумках.

Зимовой пришел повидать ее и был... впечатлен. Вот только грустно, что осведомлены об этом были лишь мисс Тенета и несколько сотен фигов. Тем более, что после пятницы — тут она содрогнулась — знать будут только синие человечки.

Скажем другими словами: если она сейчас же не поделится этим с

кем-нибудь такого же азмера, как и она сама, и кто не собирается пока что умирать, она просто взорвется.

Поэтому она все рассказала Петулии по дороге домой. Им было по пути и они обе летали медленно, поэтому ночью было проще пройти, чем лететь, натываясь на вершины деревьев.

Пухленькая Петулия была такой надежной и она уже лучше всех ведьм в горах обращалась со свиньями, очень важное обстоятельство в местах, где разводят свиней. И мисс Тенета как-то сказала, что скоро парни будут бегать за ней, потому что девушки, разбирающиеся в свиньях, всегда нарасхват.

Одна беда была с Петулией, она всегда соглашалась с тобой и всегда говорила то, что по ее мнению ты хотел услышать. Но Тиффани проявила беспощадность и рассказала Петулии обо всем. Ей удалось заполучить несколько «ого!», которые ее порадовали. После окончания рассказа Петулия сказала: — Должно быть все это было так, ммм, интересно.

Вот такова Петулия.

— Что мне теперь делать?

— Ммм... Ты должна что-то делать? — спросила Петулия.

— Ну, рано или поздно люди начнут замечать все эти снежинки, похожие на меня!

— Ммм... Тебя беспокоит, что их не замечают? — спросила Петулия так бесхитростно, что Тиффани рассмеялась.

— Нет, но я подозреваю, что снежинками дело не ограничится! Потому что он — вся зима!

— И он убежал, когда ты вскрикнула. — задумчиво сказала Петулия.

— Точно.

— И затем он сделал что-то... глупое.

— Что?

— Снежинки. — услужливо подсказала Петулия.

— Ну я бы так не сказала. — ответила Тиффани, слегка задетая. — Не назвала бы это глупым.

— Все понятно, тогда. — сказала Петулия. — Он же мальчишка.

— Что?

— Мальчишка. Ну ты знаешь какие они все? — продолжала Петулия. — Краснеют, мычат, бормочут, почесываются. Они все одинаковы.

— Но ему несколько миллионов лет, а он ведет себя так, будто никогда не встречался с девочками!

— Ммм, ну не знаю. А он мог встречаться с девочками раньше?

— Должен был! Вот, скажем Лето. — продолжала Тиффани. — Она девочка. Вернее женщина. В той книге было так нарисовано, во всяком случае.

— По моему все, что ты можешь сделать, это подождать и посмотреть, что будет дальше. Извини. В мою честь никогда снежинки не делали... Эээ, вот мы и пришли...

Они добрались до пустоши, где стоял дом мисс Тенеты и Петулия стала немного нервничать.

— Ммм... Все эти истории про нее... — сказала она, глядя на коттедж. — Как тебе с ней?

— Знаешь историю о том, что она делает своими ногтями? спросила Тиффани.

— Да! — ответила Петулия, вздрогнув.

— Она сочинила ее. Только не говори никому.

— Зачем кому-бы то ни было понадобилось сочинять истории о себе самих?

Тиффани задумалась. Свиной Боффо не одурачишь, поэтому Петулия с этим никогда не сталкивалась. И она была на удивление честной, что, как уже успела усвоить Тиффани, было в каком-то роде недостатком. Не то чтобы ведьмы были бесчестными, но они очень тщательно выбирали какой вид правды можно было рассказать.

— Я не знаю. — солгала она. — К тому же надо прорезать толстый слой тела, прежде чем что-то вывалится. И кожа довольно прочная. Не думаю, что это возможно.

Петулия встревожилась. — Ты что, пробовала?

— Я попробовала порезать ветчину ногтем большого пальца этим утром, если ты об этом. — ответила Тиффани.

Ты должна проверять все, подумала она про себя. Я слышала историю о том, что у мисс Тенеты волчьи зубы, люди пересказывали ее друг другу, хотя они не раз видели мисс Тенету.

— Ммм... Я приду завтра и помогу, — сказала Петулия, нервно поглядывая на руки Тиффани, на случай, вдруг эксперименты с ногтями повторятся. — Прощальные вечеринки бывают очень веселыми. Но, ммм, на твоём бы месте, я бы сказала Зимовому, чтобы он уходил. Я Дейви Простаку так и заявила, когда он вдруг ммм... ударился в романтику. Я сказала ему, что начала встречаться с Макки Ткачом — не говори другим!

— Это не тот, кто все время разговаривает о свиньях?

— Ну, свиньи очень интересные. — с укоризной сказала Петулия. — И у его отца, ммм, самый большой свиначник в горах.

— Да, об этом стоит подумать, стопудово. — сказала Тиффани. — Ой.
— Что случилось? — спросила Петулия.
— О, ничего. Руку пару раз кольнуло. — Тиффани потерла ее. —
Думаю, что она так заживает. Увидимся завтра.
Тиффани вошла в дом. Петулия поспешила дальше в лес.
Откуда-то с крыши послышались голоса.
— Учужали, что толста девица рекла?
— Айе, только свинки не таки уж интересны.
— Да брось. Оченно полезны бестии, эти свинки. Усе в них полезно,
окромя визга.
— А вот и нет. И визг спользовать можно.
— Не будь дурнем!
— Айе, можно! Тесто для пирога раскатать, да окорока покласть и
побольше, а потом треба визг хапать да на пирог кидать, пока не утек, и
прямо в печку!
— Никогда не слыхивал ничего подобного!
— Не слыхивал? Так тож пирог с окороком и визгом.
— Да не бывает такого!
— Чего это? Есть ведь пирог с вязигой, а вязига лишь чуток длиньше
визга. Я кумекаю, должен ты...
— Коли вы, бестолковцы, слушать не будете, я вас самих в пирог
засуну! — завопил Роб Всякограб. Фиглы заворчали и затихли.
С другой стороны поляны за Тиффани следили серо-пурпурные глаза
Зимового. Он увидел как в маленькой спальне под крышей зажглась свеча
и наблюдал за теплым свечением до тех пор, пока оно не погасло.
Затем, неловко переступая на своих новых ногах, он направился к
цветочной грядке, где летом цвели розы.

* * *

В Магической Лавке Закзака Сильнорука продавались хрустальные шары всяких размеров, но все примерно по одной цене, которая была — Куча Денег. Однако, у большинства ведьм, особенно у тех, кто знал свое дело, обычно в наличии было Совсем Мало Денег, поэтому они приспособляли вместо шаров другие подручные средства, например стеклянные поплавки от старых рыбацких сетей или блюдца с чернилами.

На столе Матушки Ветровоск разлилась лужица чернил. Чернила были налиты в блюдце, но они расплескались, когда Маутшка и мисс Тик

столкнулись лбами, пытаясь одновременно заглянуть в блюдце.

— Нет, вы слышали? — сказала Матушка Ветровоск. — Петулия Хрящик задала важный вопрос и она даже не задумалась об этом!

— К сожалению, я тоже упустила его. — сказала мисс Тик. Ты, белый котенок, запрыгнул на стол, старательно прошлепал по разлитым чернилам и сиганул на колени мисс Тик.

— Ну-ка перестань, Ты! — рассеянно сказала Матушка, а мисс Тик устала на свое платье.

— Следов почти не видать. — ответила мисс Тик, хотя на самом деле, это были очень заметные отпечатки четырех кошачьих лап. Платья ведьм шьются из черной ткани, но со временем они линяют из-за частых стирок или, как в случае мисс Тик, частого бросания в реки и пруды. Платья ветшают и обтрепываются, но их владелицам это только нравится. Это означало, что ты работающая ведьма, а не показушница. Однако, четыре четких кошачьих следа на платье скорее говорили о твоей недотепистости. Мисс Тик опустила котенка на пол, где он подскочил к Матушке, потерялся об нее и попытался вымякнуть еще курочки.

— И что за важный вопрос? — спросила мисс Тик.

— Проникация Тик, я спрашиваю вас, как ведьма ведьму: Зимовой когда-либо встречался с девушкой?

— Ну, — сказала мисс Тик. — Я полагаю, что классическая интерпретация Лета может быть названа...

— Но встречаются ли они? — спросила ее Матушка Ветровоск.

— В Танце. На какое-то мгновение. — ответила мисс Тик.

— И в это мгновение, в то самое мгновение, в танце оказалась Тиффани Болит. — сказала Матушка Ветровоск. — Ведьма, которая не носит черного. Нет, ей подавай голубое или зеленое, как зеленая трава под голубым небом. Она все время призывает силу своих холмов. И они зывают к ней! Холмы, что когда-то были живыми, мисс Тик! Они чувствуют биение Танца, но холмы в костях у нее и она тоже чувствует Танец, хоть и не осознает этого. И холмы влияют на ее жизнь, даже здесь, в горах! Она не могла не откликнуться на звуки Танца! Это сами Холмы отбивали ритм ее ногами в Танце Сезонов!

— Но она... — встряла мисс Тик, потому что никакой учитель не любит слушать другого, говорящего столь долго.

— И что случилось в то мгновение? — непреклонно продолжала Матушка. — Лето, Зима и Тиффани. Долю секунды они слились в танце. Потом они разделились, но кто знает, что могло перемешаться? Ни с того, ни с сего Зимовой стал вести себя так глупо, как будто он стал немного...

человеком?

— Во что же она такое вляпалась? — спросила мисс Тик.

— В Танец, мисс Тик. В тот Танец, что никогда не окончится. И изменить его ей не под силу, пока не под силу. Придется ей немного поплясать под его дудку.

— Она сильно рискует. — сказала мисс Тик.

— У нее есть сила холмов ее. — ответила Матушка.

— Рыхлых холмов, — возразила мисс Тик. — они так легко изнашиваются.

— Но сердце мела это кремень, помните? Он режет острее, чем нож!

— Снег покроеет холмы. — сказала мисс Тик.

— Не навсегда.

— Однажды он покрыл. — сказала мисс Тик, сытая по горло играми. — Тысячи лет тому назад. Это был Ледниковый Период. Огромные бестии по всему миру свалились от простуды.

— Может быть и так. — ответила Матушка Ветровоск, сверкнув глазами. — Лично меня там тогда не было. Между тем, нам надо присматривать за нашей девочкой.

Мисс Тик отхлебнула чаю. Пребывание в доме Матушки было своего рода испытанием. Тот горшок с куриными потрошками вчера вечером, оказался не для нее, а для Ты. Ведьмам достался хороший густой гороховый пудинг и похлебка без — и это важно — бекона. Матушка обвязала толстый кусок жирного бекона веревочкой и после готовки вытянула его из горшка, тщательно высушила и отложила на другой день. Несмотря на свой голод, мисс Тик была впечатлена. Как говорится, бережение лучше ворожения.

— Говорят, что мисс Тенета слышала Зов. — сказала она.

— Да, похороны завтра. — ответила Матушка Ветровоск.

— Трудное у нее там владение.^[4] — продолжала мисс Тик. — Мисс Тенета была с ними очень, очень долго. Непростая задача для новой ведьмы.

— Трудно ей будет... соответствовать, чтобы быть преемницей. — ответила Матушка.

— Соответствовать? — спросила мисс Тик.

— Я конечно же имею в виду — жить. — ответила Матушка Ветровоск.

— Кто займет коттедж? — поинтересовалась мисс Тик, которая любила первой узнавать новости.

— Мисс Тик, это не ко мне. — резко сказала Матушка Ветровоск. —

Вы знаете, что у ведьм главных нет.

— И в самом деле. — ответила мисс Тик, прекрасно знающая, знала, что главной, которой у ведьм не было, являлась Матушка Ветровоск. — Но я слышала, что миссис Иервиг будет продвигать Аннаграмму, а у миссис Иервиг немало приверженцев появилось в последнее время. Наверное, это из-за ее книг. Она подает ведовство, как увлекательное занятие.

— Знаете, не люблю я ведьм, которые навязывают свое мнение другим. — сказала Матушка.

— Безусловно! — согласилась мисс Тик, стараясь не рассмеяться.

— Но тем не менее, я обязательно выдвину имя на обсуждение.

С лязгом, подумала про себя мисс Тик.

— Петулия Хрящик вполне подходит, — сказала она. — хорошая увлеченная ведьма.

— Да, но увлечена она в основном свиньями. — ответила Матушка Ветровоск. — Я подумываю о Тиффани Болит.

— Что? — удивилась мисс Тик. — Вам не кажется, что у ребенка и так полно забот?

Матушка Ветровоск мимолетно улыбнулась. — Мисс Тик, как говорится, «если хочешь, чтобы дело было сделано, поручи его тому, кто занят!» А юная Тиффани может стать вскорости очень занятой. — добавила она.

— Почему вы так думаете? — спросила мисс Тик.

— Хм... Я не совсем уверена, но хотелось бы мне посмотреть, что произойдет с ее ногами...

* * *

Тиффани почти не спала в ночь перед похоронами. Ткацкий станок мисс Тенеты стучал и щелкал всю ночь напролет, потому что у нее был заказ на простыни, который она хотела успеть доделать.

Уже начало светать, когда Тиффани наконец сдалась и решила встать. По крайней мере у нее будет время, чтобы вычистить загон и подоить коз. Шел снег и сильный ветер продувал пустошь насквозь.

Она покатила тележку с навозом к компостной яме, от которой шел пар, и тут услышала перезвон. Как ветровые колокольчики мисс Пуландер, которая та развесила вокруг дома, только этот звон был так тонок, что даже демону был бы неприятен.

Перезвон доносился с клубмы, на которой летом росли розы. Это были

пышные старые розы, наполняющие воздух ароматом, они были такого густого красного цвета, что казались почти — ага — черными.

Сейчас розы опять зацвели, но они были...

— Нравятся ли они тебе, пастушка? — раздался голос. Он не прозвучал у нее в голове, это не были ее Помыслы, ни один из них, а доктор Суетон обычно спал до десяти. Это был ее собственный голос из ее собственных губ. Но это были не ее мысли и она не собиралась их произносить.

Тиффани побежала обратно в дом. Этого она тоже не собиралась делать, но ноги взяли верх. Не потому, что испугалась — не то, чтобы испугалась. Просто ей нестерпимо захотелось оказаться где-то в другом месте, а не в саду, не сейчас, когда солнце еще не взошло и воздух был наполнен мельчайшими ледяными кристаллами, такими крохотными, что они казались туманом.

Она вбежала в моечную и столкнулась с темной фигурой, которая сказала — «Ммм, извини» и, следовательно, это была Петулия.

Петулия относилась к людям, которые станут извиняться, даже если вы наступите им на ногу. Прямо сейчас, более желанного зрелища не было.

— Извини, меня позвали к трудной корове и ммм, потом уже не стоило и ложиться. — сказала Петулия и добавила: — С тобой все в порядке? Ты плохо выглядишь!

— Из моего рта раздался голос! — сказала Тиффани.

Петулия странно посмотрела на нее и чуть-чуть попятилась.

— Ты хочешь сказать, что услышала голос в своей голове? — спросила она.

— Нет! С этим я разобралась бы! Мой рот произнес слова сам по себе! Сходи посмотри, что растет на клумбе с розами, ты просто глазам не поверишь!

На клумбе цвели розы. Они были сделаны из льда, столь тонкого, что таяли даже от дыхания и оставляли после себя мертвые черенки, на которых они расцвели.

— Они тают даже от тепла руки, если подержать ее рядом, — сказала Петулия. — Ты думаешь, это твой Зимовой?

— Он не мой! И я не могу придумать другого способа, как еще они могли бы появиться!

— И ты думаешь, что это он, ммм, говорил с тобой? — спросила Петулия, срывая еще одну розу. Изморозь сыпалась с полей ее шляпы при каждом движении.

— Нет! Это была я! То есть это был мой голос! Он не был похож на

его голос. Ну как я себе его представляю. Он был немного ехидный, как у Аннаграммы, когда та в плохом настроении. Но это был мой голос!

— Как ты представляешь себе его голос? — спросила Петулия.

Порыв ветра пронесся через пустошь, завывая и раскачивая сосны.

... Тиффани... Будь моей...

После паузы Петулия кашлянула и сказала — Ммм... Это мне показалось или ветер прозвучал как...?

— Не показалось. — прошептала Тиффани, застыв на месте.

— Ах, — сказала Петулия, таким ясным и ломким голосом, как ледяные розы. — Тогда я думаю, что нам стоит пойти в дом, а? Ммм, и зажечь все свечи и заварить чай? А затем надо начинать подготовку, потому что очень скоро заявится толпа народу.

Минутой позже они уже были в коттедже, с запертой дверью и мирно потрескивающими зажженными свечами.

Они не говорили ни о ветре, ни о розах. Какой в этом смысл? Да и дел было полно. Спасение в работе. Работай, а думать и говорить будешь позже, и нечего кудахтать, как перепуганная наседка. Им даже удалось отскрести еще один слой сажи с окон.

Все утро народ из деревень нес заказанное мисс Тенетой. Люди беспрерывно шли через пустошь. Солнцы взошло, но день был белесым, как яичный белок. Мир был... нормальным. Тиффани ловила себя на мысли, что ей могло все почудиться. Были ли розы? Ни одной уже не осталось, хрупкие соцветия не перенесли даже слабый утренний свет. Разговаривал ли ветер? Затем она перехватила взгляд Петулии. Да, все это было. Но сейчас надо было готовить еду для поминок.

Девочки начали делать рулеты из ветчины с тремя сортами горчицы. Хотя с рулетами из ветчины промахнуться практически невозможно, но если вы ничего кроме них не предложите почти сотне проголодавшихся ведьм, то поминки Полностью Провалятся. Поэтому люди везли тачки, нагруженные буханками хлеба, жареной говядиной и банками с соленьями, столь большими, что в них и кит бы утонул. Как правило, ведьмы просто обожают соленья, но все же самая их любимая пища — бесплатная. Да, вот в чем заключается диета для усердно работающей ведьмы: еда, за которую будет платить кто-то другой, и побольше еды, чтобы и по карманам можно было рассовать.

Как оказалось, мисс Тенета тоже ни за что не платила. Никто не стал бы брать с нее денег. Люди, однако не спешили уйти, а с тревожным видом топтались около черного хода, пытаясь перекинуться словом с Тиффани. Когда ей удавалось выделить им минутку, то все разговоры были об одном

и том же:

— Она ведь не собирается умирать на самом-то деле, а?

— Собирается. Примерно в полседьмого завтра утром.

— Но она такая старая!

— Да, и я думаю, что в этом-то и дело.

— Но что же мы будем без нее делать?

— Я не знаю. Что вы делали, когда ее здесь еще не было?

— Она всегда была здесь! Она все знает! Кто нам будет говорить, что нам делать?

И затем они спрашивали: — Это ведь будешь не ты, нет?

И кидали на нее взгляд, говорящий — Мы надеемся, что не ты. Ты даже черные платья не носишь.

Через какое-то время Тиффани все это так надоело, что она резко сказала работнице, доставившей полдюжины жаренных цыплят: — Как же все те истории о животах, которые она распарывала своими ногтями?

— Эээ, ну да. Но с нашими знакомыми такого никогда не случилось. — с добродетельным видом ответила работница.

— А что насчет демона, который сидит в подвале?

— Ну да, говорят он там сидит. Конечно, я лично никогда его не видела, — Женщина встревоженно поглядела на Тиффани. — Он там внизу, да?

Тебе бы хотелось, чтобы он там был, подумала Тиффани. Тебе всерьез хочется, чтобы в подвале сидело чудовище!

Однако, насколько Тиффани было известно, если кто и был в подвале нынче утром, так это компания пьяных фиглов, вовсю храпящих. Фиглы даже в пустыне способны раздобыть себе выпивку.

— Поверьте мне, мадам, лучше не будить то, что находится сейчас в подвале. — ответила она, встревожено улыбнувшись работнице.

Работница казалась была довольна этим ответом, но вдруг снова беспокойно встрепенулась.

— А пауки? Мисс Тенета и правда ест пауков? — спросила она.

— Ну, паутины в доме полно. — ответила Тиффани. — Но паука вы нигде не увидите!

— Ах, это точно. — сказала женщина с таким видом, как будто ей сообщили большую тайну. — Говорите, что хотите, но мисс Тенета настоящая ведьма. У нее есть черепа! Ты небось на них глянец наводишь, а? Она может лишь посмотреть на тебя и твои глаза вылезут наружу!

— Только она никому такого не делала. — встрял мужчина, привезший огромный поднос с сосиками. — Я про местных говорю.

— Это правда. — неохотно признала женщина. — В этом отношении она была очень великодушна...

— Ах, она была настоящей стародавней ведьмой, мисс Тенета. — сказал мужчина с сосисками. — Мало кто мог не намочить штаны от страха, когда она принималась распекать его. А ее ткачество? Она вплетает твое имя в ткань, вот что она делает! И если ты совершишь ей, твоя нить порвется и ты тут же упадешь замертво!

— Конечно, так оно все время и происходит. — ответила Тиффани, думая про себя: это изумительно! Боффо живет своей собственной жизнью!

— Да, в наши дни таких ведьм больше нет. — сказал мужчина доставивший дюжину яиц. — Нынче они все в облаках витают и пляшут без подштанников.

Все испытующе поглядели на Тиффани.

— Сейчас зима. — сказала она холодно. — А я должна идти и заниматься делами. Ведьмы скоро придут. Спасибо вам большое.

Пока они ставили яйца вариться, она рассказала Петулии о разговорах. Петулию это совсем не удивило.

— Ммм, они ею гордятся. — сказала Петулия. — Я слышала, как они похвалялись ею на свином рынке в Ланкре.

— Они похвалялись?

— О, да. Вроде такого: Вы думаете Госпожа Ветровоск крута? У нашей есть черепа! И демон! Наша ведьма будет жить вечно, потому что у нее механическое сердце, которое она заводит каждый день! И она ест пауков! Попробуйте эти отравленные яблочки, а?

Боффо продолжает работать сам по себе, думала Тиффани, надо только запустить его. Наш Барон круче, чем ваш, наша ведьма ведьмистее вашей...

Глава пятая

Великий День мисс Тенеты

Ведьмы начали прибывать около четырех часов и Тиффани вышла на пустошь, чтобы регулировать воздушное движение. Аннаграмма прилетела отдельно, вся из себя бледная и с таким количеством оккультных украшений, что и представить трудно. Трудность возникла, когда миссис Иервиг и Маутшка Ветровоск прибыли одновременно и с тщательной вежливостью вальсировали в воздухе, ожидая, пока другая ведьма не приземлится. В конце Тиффани направила их в разные концы пустоши и поспешила уйти.

Зимовой не подавал никаких признаков жизни и она была уверена, что знала бы, если бы он был здесь. Она надеялась, что он ушел куда-то далеко, устраивать бурю или организовывать метель. Но воспоминания о том голосе оставались, тревожные и неприятные. Тиффани упрятала эту мысль в заботы о людях и работе, как моллюск упрятывает песчинку, попавшую к нему в раковину.

День был обычным белесым, холодным днем ранней зимы. Вся подготовка к поминкам состояла в приготовлении пищи. Ведьмы организовывали себя сами. Мисс Тенета сидела в своем большом кресле, одинаково приветствуя, как старых друзей, так и старых врагов.^[5] Коттедж был слишком мал для них для всех, поэтому ведьмы вышли в сад и разделились на сплетничающие группки, как стая ворон или, скорее, кур. Тиффани была слишком занята, чтобы беседовать, она разносила подносы с едой.

Но что-то происходило вокруг, она могла это чувствовать. Ведьмы замолкали и смотрели ей вслед, когда она проходила мимо, затем они снова начинали что-то бурно обсуждать. Группки ведьм сходились вместе и снова расходились. Тиффани догадалась в чем дело. Ведьмы принимали Решение.

Когда она разносила чай, к ней подкатила Люси Ворбек и зашептала с таким видом, как будто сообщала какую-то позорную тайну: — Госпожа Ветровоск предложила тебя, Тифф.

— Нет!

— Точно! Они говорят о тебе! Аннаграмма побеждает!

— Ты уверена?

— Уверена! Удачи!

— Но я не хочу... — Тиффани сунула поднос в руки Люси. — Слушай, не могла бы ты разнести чай вместо меня, пожалуйста? Ходи между ними и они сами возьмут чай с подноса. Я должна взять, ээ... Разложить, ээ... Мне надо кое-что сделать...

Тиффани сбежала по ступенькам вниз в подвал, подозрительно свободный от фигов, и прислонилась к стене.

Матушка Ветровоск должно быть гогочет, невзирая на правила!

Однако, ее Второй Помысел подкрался, чтобы шепнуть: А ведь ты бы справилась. Может Матушка и права. Аннаграмма раздражает людей. Она разговаривает со всеми так, будто они дети. Она увлечена колдовством (о, простите, магией), но люди действуют ей на нервы. Она все провалит и ты это знаешь. Все, что у нее есть, это высокий рост, куча оккультных украшений и впечатляющий вид в остроконечной шляпе.

С чего бы это Матушке предлагать Тиффани? Ну да, девочка очень способная. Она сама знает, что способная. И разве все остальные не знают, что она вовсе не собирается провести всю свою жизнь в горах? Итак, это должна быть Аннаграмма? Ведьмы всегда действуют с осторожностью и следуют традициям, а Аннаграмма старше всех в ковене. Конечно, мисси Иервиг многие не долюбивают, но и у Матушки Ветровоск, если на то пошло, не так уж и много друзей.

Она поднялась наверх, пока ее не хватились, и постаралась слиться толпой.

В центре одной из групп она увидела миссис Иервиг и Аннаграмму, девушка была взволнована. Когда она заметила Тиффани, то тут же поспешила к ней. Лицо Аннаграммы было покрасневшимся.

— Ты что-нибудь слышала? — требовательно спросила она.

— Что? Нет. — ответила Тиффани, собирая грязные тарелки.

— Ты пытаешься отнять у меня коттедж, да? — Аннаграмма почти кричала.

— Не будь дурой! Я? Больно мне нужен этот коттедж!

— Это ты так говоришь, а некоторые ведьмы говорят, что он должен быть твоим! Мисс Левел и мисс Пулландер на твоей стороне!

— Что? Я бы не смогла продолжить дело после мисс Тенеты!

— Конечно, вот это миссис Иервиг и говорит им всем. — сказала Аннаграмма, немного успокаиваясь. — Совершенно неприемлима, так она говорит.

Я вышвырнула Роителя через Темную Дверь, думала Тиффани, сердито выскребывая объедки в сад птицам. Белый Конь вышел на мой зов из холмов. Я спасла своего брата и Роланда от Королевы Эльфов. И я

танцевала с Зимовым, который создал по моему образу мириады снежинок. Нет, я не хочу жить в коттедже в этих туманных лесах. Я не хочу быть кем-то вроде прислуги для тех, кто не утруждает себя заботой о самом себе. Я не хочу носить черное и пугать людей. Я не знаю, как назвать то, чем я хочу быть. И тем не менее, когда я совершала все эти поступки, я считалась достаточно взрослой и была приемлема.

Но вслух она сказала: — Знать не знаю, о чем это ты.

В этот самый момент она почувствовала, как кто-то смотрит на нее и она знала, что если повернется, то увидит Матушку Ветровоск.

Ее Третий Помысел — тот самый, что всегда следит за происходящим кончиком уха и уголком глаза — сказал ей: Что-то происходит. Все, что ты можешь делать, это быть самой собой. Не оглядывайся.

— Ты действительно не заинтересована? — с неуверенностью спросила Аннаграмма.

— Я пришла сюда, чтобы научиться ведовству, — сухо ответила Тиффани. — А затем я собираюсь вернуться домой. Но... Ты уверена, что хочешь занять коттедж?

— Конечно! Каждая ведьма хочет жить в коттедже!

— Да, но мисс Тенета была с местными годы и годы. — подчеркнула Тиффани.

— Тогда им просто придется привыкнуть ко мне. — сказала Аннаграмма. — Я рассчитываю, что они будут весьма рады увидеть, пришел конец черепам, паутине и их страхам! Я знаю, что она совершенно запугала местных жителей.

— А. - произнесла Тиффани.

— Я стану новой метлой. — сказала Аннаграмма. — Честно, Тиффани, после этой старухи любой будет пользоваться популярностью.

— Э, да... — ответила Тиффани. — Скажи, Аннаграмма, ты когда-нибудь училась у другой ведьмы?

— Нет, я всегда была с миссис Иервиг. Ведь я ее первая ученица. — Аннаграмма горделиво добавила: — Она очень разборчива.

— И она не ходит по деревьям особо, нет ведь? — спросила Тиффани.

— Нет. Она сосредоточена на Высшей Магии. — Аннаграмма не была особенно наблюдательна и была очень самодовольна, даже по ведьминским стандартам, но сейчас она немного потеряла свою самоуверенность.

— Кто-то же должен. Мы не можем все ходить по окрестностям, перевязывая порезанные пальцы, знаешь ли. — добавила она. — В чем загвоздка?

— Хмм? О, ни в чем. Я уверена, ты справишься. — сказала

Тиффани. — Э... Я знаю где что лежит, так что если тебе понадобится помощь, спрашивай.

— О, я разложу все по своему вкусу. — ответила Аннаграмма, чья безграничная самоуверенность не могла слишком долго оставаться усмирённой.

И она быстро ушла.

Большая кадушка на скамье за дверью выглядела пустоватой. Тиффани увидела, как одна из ведьм засунула в карман четыре варёных яйца.

— Добрый день, мисс Тик. — громко сказала она.

— Ах, Тиффани. — мягко ответила мисс Тик, глядя на нее без малейших следов смущения. — Мисс Тенета как раз рассказывала нам, как хорошо ты здесь управлялась.

— Спасибо, мисс Тик.

— Она говорит, что ты прекрасно замечаешь детали. — продолжала мисс Тик.

Например, этикетки на черепахах, подумала Тиффани.

— Мисс Тик, — сказала она. — Вы знаете что-нибудь о том, что коттедж хотят отдать мне?

— О, все уже решено. — ответила мисс Тик. — Выдвигалось предположение, что коттедж следует оставить тебе, раз ты уже здесь живёшь, но в самом-то деле, ты ещё так молода и у Аннаграммы больше опыта. Мне жаль, но...

— Так нечестно, мисс Тик. — сказала Тиффани.

— Ну, ну, Тиффани, ведьмы не говорят такие вещи... — начала мисс Тик.

— А я не себя имею в виду. Это нечестно по отношению к Аннаграмме. Она все испортит, так ведь?

Всего на долю секунды на лице мисс Тик появилось виноватое выражение. Доля секунды очень короткий отрезок времени, но Тиффани его хватило, чтобы заметить.

— Миссис Иервиг уверена, что Аннаграмма справится.

— А вы?

— Не забывай с кем ты говоришь!

— Я разговариваю с вами мисс Тик! Это... неправильно! — глаза Тиффани сверкнули.

Краем глаза она заметила движение. Блюдо, полная сосисок, очень быстро перемещалась по белой скатерти.

— А это уже воровство! — завопила она, кидаясь за ним.

Она последовала за блюдом, которое не касаясь поверхности земли

обогнуло коттедж и исчезло за козьим сараем. Тиффани бросилась туда.

На листве позади сарая стояли тарелки с картофелем, подтаявшим маслом, дюжиной ветчинных рулетов, горкой вареных яиц и двумя жареными цыплятами. Все, за исключением вновьприбывших сосисок, было надкусанным.

Фиглов нигде не было видно. И это было верным признаком того, что они были где-то здесь. Они всегда прятались от нее, когда знали, что она рассержена.

В данный момент она была очень сильно рассержена. Не столько на фиглов (из-за всего), хотя глупый фокус с прятками действовал ей на нервы, но и на мисс Тик, и на Матушку Ветровоск, и на Аннаграмму, и на мисс Тенету (за ее скорую смерть), и на самого Зимового (по многим причинам, с которыми у нее не было времени разбираться).

Она отступила назад и затихла.

Исчезновение всегда сопровождалась ощущением покоя и таким чувством, как будто ты тихо погружаешься в воду, но сейчас она словно ныряла в темноту.

Когда Тиффани открыла глаза, она будто заглянула через окно в огромный зал. Казалось, что звуки раздаются где-то вдали, а ее переносица чесалась.

Фиглы появились из под листьев, уавших веток и даже из под тарелок. Их голоса доносились, как будто из под воды.

— Ах, кривенс! Велико чарование она на нас сотворила!

— Никогда она прежде такого не сотворяла!

Ха, я спряталась от вас, подумала Тиффани. Что-то новенькое, а? Хмм... Интересно, могу ли двигаться?

Она сделала шаг в сторону. Казалось, что фиглы не заметили ее.

— Она как выскочит зараз на нас! Ооооо, вейли...

Ха! Если бы я смогла подкрасться так к Матушке Ветровоск, как бы она поразилась...

Нос Тиффани чесался все сильнее и также появилось ощущение, к счастью не совсем такое, что ей срочно надо в туалет. Значит, сейчас что-то произойдет, к чему не мешало бы подготовиться.

Голоса стали звучать яснее и перед ее глазами замелькали голубые и пурпурные точки. В следующее мгновение это случилось. Если бы оно сопровождалось звуком, то это был бы хлопок, как бывает в ушах после полета на метле на большой высоте. Она появилась прямо посреди толпы фиглов, вызвав у них мгновенную панику.

— Не смейте воровать мясо с поминок, вы, мерзцы!

Фигла замерли и уставились на нее. Затем Роб Всякограб сказал — мы не мерзнем!

Это был один из тех моментов — а имея дело с фиглами, вы частенько с такими моментами сталкивались — когда кажется, что мир перевернулся с ног на голову и, прежде чем сделать следующий шаг, надо вернуть все на свои места.

— О чем ты? — спросила Тиффани.

— Мерзецы, — ответил Роб Всякограб. — Это те, кто замерзают. От холода.

— Ты хочешь сказать, мерзляки?

— Айе, айе, вот ладное прозвание для них. — сказал Роб. — Мабусть ты изречь хотела — ворюки-противцы, а так прозывают...

— ...нас. — услужливо подсказал Вулли Валенок.

— Ох. Да. Спасибо. — тихо сказала Тиффани. Она сложила руки на груди и закричала. — Ах вы ворюки-противцы! Как вы смеете красть еду с поминок мисс Тенеты!

— О, вейли, вейли, она Складывати ручки, Склааадывати руууучкииии! — завопил Вулли Валенок, падая на землю и пытаясь зарыться в листья. Фиглы вокруг зарыдали и съежились, а Величий Ян начал стучать головой о заднюю стенку сыроварни.

— А ну утихните вы все! — вскричал Роб Всякограб, оглядываясь по сторонам и отчаянно размахивая руками.

— Она Поджимати губки! — завопил какой-то фигл, показывая дрожащим пальцем на лицо Тиффани. — Ведомо ей о Поджимати губок! То Погибель наша!

Фигла пытались бежать, но панике лишь налетали друг на друга.

— Я жду объяснений! — воскликнула Тиффани.

Фиглы застыли на месте, повернув лица к Робу Всякограбу.

— Объяснение? — спросил он, обеспокоенно переступая с ноги на ногу. — Ох, айе. Объяснение. Ное проблемо. Объяснение... Какое те любо?

— Какое? Мне нужна правда!

— Айе? Ох. Правда? Ты уверена? — нервно спросил Роб. — Я могу дать боле интересны Объяснятки, чем...

— Выкладывай! — резко сказала Тиффани, постукивая носком ботинка по земле.

— Ах, кривенс, то Постукати ножкой зачинается! — взвыл Вулли Валенок. — Нагоняй нам будет!

Вот так. Тиффани расхохоталась. На перепуганных Мак Нак Фиглов невозможно было смотреть без смеха. Они были такими жалкими. Одно

резкое слово и они превращались в щенят, только вони от них побольше.

Роб Всякограб криво ухмыльнулся ей.

— Все велики карги тем помышляют. — сказал он с восхищением. — Вон товстуха пятнадцать рулетов утягала!

— Это, должно быть, Нянюшка Огг. — ответила Тиффани. — Да, у нее всегда с собой мешочек, привязанный над коленкой.

— Эх, но не дельные то вышли поминки. — сказал Роб Всякограб. — На поминках дожно спевати и пити, да коленки сгибати, а не стоять стовпом и сплетни вести.

— Сплети, это часть ведовства. — сказала Тиффани. — Так ведьмы проверяют, не поехала ли у них крыша. А зачем коленки сгибать?

— Да то плясульки означает. — ответил Роб. — Отплясывать напропалую, то бишь. Поминки нехороши, пока руки и ноги не замельтешат, а килты не распахнутся!

Тиффани никогда не видела, как фиглы пляшут, но она слышала какими звуками сопровождалась их танцы. Как будто была война, чем танцы, вероятно, и заканчивались. Однако, распахивание килтов звучало несколько настораживающе, и напомнило ей о вопросе, который она никак не решалась задать.

— Скажи мне... Вы что-нибудь надеваете под килт?

По тому, как фиглы снова затихли, она поняла, что это был не тот вопрос, на который им нравилось отвечать.

Роб Всякограб прищурился. Фиглы затаили дыхание.

— Не обязательно. — ответил он.

* * *

Наконец-то поминки подошли к концу, может и потому, что все уже было съедено и выпито. Почти все ведьмы улетали с небольшими пакетами. Вот еще одна традиция. Почти все, что было в коттедже, принадлежало ему и переходило с ним к очередной владелице. Но то, что не принадлежало коттеджу забирали подруги умирающей ведьмы. И, поскольку, умирающая ведьма была еще жива во время раздачи, то пререканий не возникало.

Это очень важная деталь, касающаяся ведьм. Они были, по словам Матушки Ветровоск «теми, кто смотрит поверх». Она не объяснила свои слова. Она вообще редко объясняла. Но Матушка говорила не о тех, кто смотрит в небо; это мог сделать любой. Может быть она хотела сказать, что

ведьмы глядят на повседневные дела свысока и размышляют — «Что это вообще такое? Как оно работает? Чем мне заняться? Да и зачем мне все это?». Они могут размышлять и том, надето ли что-нибудь под килтом. И возможно это и было причиной того, что «странное» на языке ведьм означало нормальное...

...Но при этом они грызлись, как хорьки, из-за серебряной ложки, которая может и вовсе не была серебряной. Вот уже кое-кто из них с нетерпением поджидал около раковины, когда Тиффани вымоет несколько больших блюд, что мисс Тенета обещала им, и на которых были жаренный картофель и сосиски для поминок.

Зато с остатками еды забот не было. Няни Огг, ведьма, что изобрела Суп из Остатков Сэндвичей, стояла в моечной, приготовив широкий мешок и еще более широкую улыбку.

— Мы собирались поужинать остатками и жареной картошкой. — сердито сказала Тиффани, но с некоторой долей заинтересованности. Они уже встречались с Нянюшкой раньше и та ей даже нравилась, но мисс Тенета мрачно заявила, что Нянюшка Огг была «отвратительной старой кошелкой». Такого рода замечания не могут не привлекать внимания.

Тиффани обхватила рукой блюдо с мясом, на что Нянюшка ответила — Вот и ладушки. Ты хорошо поработала сегодня, Тифф. Мы это заметили.

Нянюшка удалилась прежде, чем Тиффани пришла в себя. Одна из них чуть ли не поблагодарила ее! Изумительно!

Петулия помогла ей занести в дом большой стол и закончить с уборкой. Перед уходом она замешкалась.

— Ммм... С тобой все будет хорошо, правда? — спросила она. — Это все немного... непонятно.

— Считается, что мы должны понимать непонятности. — чопорно ответила Тиффани. — Ну да ладно. Ты ведь приходилось уже сидеть с мертвыми или умирающими?

— О, да. Правда, в основном со свиньями. Пару раз с людьми. Ммм... Я не против остаться, если ты хочешь. — добавила Петулия голосом, в котором звучало желание убраться отсюда как можно быстрее.

— Спасибо. В конце концов, что самое плохое, что может случиться?

Петулия уставилась на нее и затем сказала — Дай я подумаю... тысяча демонов-вампиров с огромными...

— Все будет хорошо. — быстро прервала ее Тиффани. — Беспокоиться совершенно не о чем. Доброй ночи.

Тиффани захлопнула дверь и навалилась на нее, прижав руку ко рту, пока она не услышала, как стукнула калитка. Она досчитала до десяти,

чтобы дать Петулии время отойти подальше, и только тогда рискнула отвести ладонь. Но вопль, который терпеливо ждал своего выхода, истощился до жалкого «Ах!».

Ночь будет еще та.

Люди умирают. Все это так печально, но что тут поделаешь. И что делать дальше?

Полагается, что местная ведьма должна это знать. Поэтому ты омываешь тело и делаешь кое-какие тайные действия, переодеваешь его в лучшие одежды и ставишь рядом с телом чашу с землей и солью (никто не знает зачем это нужно, даже мисс Тенета, но так всегда делают), затем кладешь на веки по пенни «для перевозчика» и сидишь рядом с ними ночь перед похоронами, потому что их нельзя оставлять одних.

Никто так и не объяснил должным образом, почему так следовало поступать, хотя любой мог рассказать историю о каком-нибудь старике, который не совсем умер и посреди ночи встал со своего смертного ложа и вернулся в кровать к жене.

Возможно, что настоящая причина была намного мрачнее, чем эта. Начало и конец всегда наиболее опасны, особенно, если это касается жизни.

Но мисс Тенета была злой старой ведьмой. Кто знает, что может произойти?

Постой, сказала себе Тиффани, не верь Боффо. На самом деле она очень умная леди с каталогом!

В соседней комнате станок мисс Тенеты замолк.

Он часто замолкал. Но в этот вечер, обрушившаяся внезапно тишина, оглушала сильнее, чем обычно.

Мисс Тенета обратилась к ней — Что там у нас на лестнице, что необходимо съесть?

Да, это будет та еще ночка, сказала себе Тиффани.

Мисс Тенета рано пошла в кровать. В первый раз Тиффани увидела ее спящей не в кресле. Она надела длинную белую ночную рубашку, и это также было в первый раз, когда Тиффани увидела ее не в черном.

Много чего еще надо было сделать. По традиции, коттедж передавался следующей владелице сверкающе чистотым и, хотя трудно заставить сверкать черное, Тиффани сделала все, что могла. Вообще то, коттедж и так всегда был довольно чистым, но Тиффани терла, скребла и скоблила, потому что все это оттягивало момент, когда ей придется пойти к мисс Тенете и заговорить с ней. Она даже сняла фальшивую паутину и бросила ее в огонь, где она вспыхнула противным синим пламенем. Но она не была

уверена, что делать с черепами. В заключение она записала все, что могла вспомнить о деревенских делах: когда родятся дети, кто чем болен, про междоусобицы, кто был «трудным» и просто все, каждую деталь, которая по ее мнению могла пригодиться Аннаграмме. Все, чтобы только оттянуть момент...

Наконец не осталось больше никаких дел, кроме того, как подняться по узкой лестнице и сказать — «Все в порядке, мисс Тенета?»

Старая ведьма сидела в кровати и что-то писала. Вороны возгромозились на прикроватные столбики.

— Только напишу парочку благодарственных писем. — ответила она. — Кое-кто из сегодняшних гостей проделал довольно долгий путь и обратная дорога будет довольно морозная.

— Письма, благодарящие за то, что пришли на ваши поминки? — тихо спросила Тиффани.

— Точно. И их не так часто пишут, можешь поверить. Ты знаешь, что девица Аннаграмма Ястребец станет новой ведьмой здесь? Я уверена, она бы хотела, чтобы ты задержалась. Хоть ненадолго.

— Не думаю, что это хорошая идея. — сказала Тиффани.

— Вполне. — улыбнулась мисс Тенета. — Я подозреваю, что у девицы Ветровоск свои задумки на уме. Интересно посмотреть, как школа ведовства миссис Иервиг устроит мой глупый народ, хотя может будет лучше понаблюдать за этим из-за скалы. Или, как в моем случае, из под нее.

Она положила письма рядом и оба ворона повернулись, чтобы взглянуть на Тиффани.

— Ты была со мной только три месяца.

— Это так, мисс Тенета.

— Мы так и не поговорили с тобой, как женщина с женщиной. Я должна была научить тебя большему.

— Я многому научилась, мисс Тенета. — И это было правдой.

— У тебя есть молодой человек, Тиффани. Он посылает тебе письма и посылки, а ты каждую неделю едешь в город Ланкр, чтобы отправить ему письмо. Боюсь, что ты живешь в разлуке со своею любовью.

Тиффани ничего не ответила. Они уже через это проходили. Похоже, что Роланд поразил воображение мисс Тенеты.

— Я всегда была слишком занята, чтобы обращать внимание на молодых людей. — продолжала мисс Тенета. — Я всегда оставляла их на потом и потом стало слишком поздно. Уделяй больше внимания своему молодому человеку.

— Эм... Я не говорила, что он и в самом деле мой... — начала Тиффани, чувствуя, что краснеет.

— Но не становись профурсеткой, как миссис Огг. — закончила мисс Тенета.

— Я не умею фурсить. — нерешительно ответила Тиффани.

Мисс Тенета засмеялась. — Я знаю, что у тебя есть словарь. — сказала она. — Странная, но полезная вещь для девочки.

— Да, мисс Тенета.

— Найдешь на книжной полке довольно большой словарь. Полное Издание. Полезная вещь для молодой женщины. Ты можешь забрать его и еще одну книгу. Остальные останутся в коттедже. Ты также можешь забрать мою метлу. Все остальное принадлежит коттеджу, разумеется.

— Большое спасибо, мисс Тенета. Я бы хотела взять ту книгу о мифологии.

— Ах, да. Чаффинч. Очень хороший выбор. Он был хорошим подспорьем для меня и думаю, тебе он особенно пригодиться. Станок останется в доме. Аннаграмма Ястребц найдет его полезным.

Тиффани засомневалась. Аннаграмма мало что умела делать руками. Однако, вероятно сейчас об этом лучше не упоминать.

Мисс Тенета откинулась на подушки.

— Они думают, что вы вплетаете имена в ткань. — сказала Тиффани.

— Что? О, да, это правда. Ничего магического в этом нет. Это очень старая хитрость. Любой ткач может это сделать. Но ты не сможешь прочитать его, если не будешь знать, как это было сделано. — мисс Тенета вздохнула. — Ох, мои глупцы. Они считают магией все, что не понимают. Они думают, что я могу видеть их сердца, но ни одна ведьма сделать такого не в состоянии. Без помощи хирургии, во всяком случае. Я знала их еще детьми. Я помню времена, когда их бабушки и дедушки были детьми! Они считают себя такими взрослыми! Но они до сих пор ничем не лучше детишек в песочнице. Они так никогда и не выросли, не полностью. Они никогда не глядят вверх и не раскрывают свои глаза. Они так и остаются детьми всю свою жизнь.

— Я уверена, что вас им будет не хватать. — сказала Тиффани.

— Ха! Я злая старая ведьма, детка. Они боятся меня и делают то, что им говорят! Они боятся игрушечных черепов и глупых историй. Я выбрала страх. Я знаю, что они никогда не любили меня за то, что я говорила им правду, так что я сделала все, чтобы они боялись меня. Нет, они обрадуются, услышав, что ведьма мертва. А сейчас я скажу тебе что-то жизненно важное. Это секрет моей долгой жизни.

Ах, подумала Тиффани и наклонилась вперед.

— Важная вещь, — сказала мисс Тенета, — это не задерживать в себе ветры. Тебе следует избегать ветрообразующих фруктов и овощей. Бобы хуже всего, уж я то знаю.

— Боюсь, что не понимаю... — начала Тиффани.

— Вкратце, не перди.

— Пердеть вкратце. Могу себе представить, как это гадко! — нервно сказала Тиффани. Она не могла поверить, что произнесла это.

— Мы так и не поговорили с тобой, как женщина с женщиной. Я должна была научить тебя большому.

— Я многому научилась, мисс Тенета. — И это было правдой.

— У тебя есть молодой человек, Тиффани. Он посылает тебе письма и посылки, а ты каждую неделю едешь в город Ланкр, чтобы отправить ему письмо. Боюсь, что ты живешь вдали от своей любви.

Тиффани ничего не ответила. Они уже через это проходили. Похоже, что Роланд поразил воображение мисс Тенеты.

— Я всегда была слишком занята, чтобы обращать внимание на молодых людей. — продолжала мисс Тенета. — Я всегда оставляла их на потом, и когда это «потом» настало, то было уже слишком поздно. Уделяй больше внимания своему молодому человеку.

— Эм... Я не говорила, что он мой... — начала Тиффани, чувствуя, что краснеет.

— Но не становись посвистушкой, как миссис Огг. — закончила мисс Тенета.

— Я не умею свистеть. — нерешительно ответила Тиффани.

Мисс Тенета засмеялась. — Я знаю, что у тебя есть словарь. — сказала она. Необычная вещь для девочки, но полезная.

— Да, мисс Тенета.

— На книжной полке стоит довольно большой словарь. Издание Без Цензуры. Девушке он пригодится. Ты можешь взять с собой его и еще одну книгу. Остальные останутся в коттедже. Ты также можешь забрать мою метлу. Все остальное принадлежит коттеджу, разумеется.

— Большое спасибо, мисс Тенета. Я бы хотела взять ту книгу о мифологии.

— Ах, да. Чаффинч. Очень хороший выбор. Книга была хорошим подспорьем для меня и тебе, я думаю, она будет особенно полезна. Станок останется в доме. Аннаграмме Ястребц он пригодится.

Тиффани в этом засомневалась. Аннаграмма мало что умела делать руками. Однако, сейчас говорить об этом было не ко времени.

Мисс Тенета откинулась на подушки.

— Они думают, что вы вплетаете имена в ткань. — сказала Тиффани.

— Что? О, да, это правда. Ничего магического в этом нет. Это очень старая хитрость. Любой ткач может вы ткать имя. Но ты не сможешь прочитать его, если не будешь знать, как это было сделано. — мисс Тенета вздохнула. — Ох, глупыши мои. Они считают магией все, что им непонятно. Они думают, что я могу видеть их сердца, но ни одной ведьме такое не под силу. Конечно, не прибегая к хирургии. Я знала их еще детьми. Я помню времена, когда их бабушки и дедушки были детьми! Они считают себя такими взрослыми! Но они до сих пор ничем не лучше детишек в песочнице. Они так никогда и не выросли, не выросли до конца. Они никогда не глядят вверх и не открывают глаза. Они так и остаются детьми всю свою жизнь.

— Я уверена, что им будет вас не хватать. — сказала Тиффани.

— Ха! Я злая старая ведьма, детка. Они боятся меня и делают то, что им говорят! Они боятся игрушечных черепов и глупых историй. Я выбрала страх. Я знаю, что они никогда не любили меня за то, что я говорила им правду, поэтому я сделала все, чтобы они боялись меня. Нет, они обрадуются, услышав, что ведьма мертва. А сейчас я скажу тебе что-то жизненно важное. Секрет моего долголетия.

Ах, подумала Тиффани и наклонилась вперед.

— Очень важно, — сказала мисс Тенета, — не накапливать в себе ветры. Тебе следует избегать ветрообразующих фруктов и овощей. Бобы хуже всего, уж я то знаю.

— Боюсь, что не понимаю... — начала Тиффани.

— Вкратце, не перди.

— Пердеть вкратце. Могу себе представить, как это гадко! — нервно сказала Тиффани. Она не могла поверить, что произнесла это.

— Ничего смешного. — ответила мисс Тенета. — В теле человека слишком много воздуха. Нельзя его накапливать. Одна тарелка бобов стоит целого года жизни. Я избегала этого всю свою жизнь. Я стара, поэтому слова мои являются мудростью!

Она окинула сбитую с толку Тиффани суровым взглядом. — Ты поняла, дитя?

Мысли Тиффани понеслись вскачь. Это опять испытание!

— Нет. — сказала она. — Я не дитя и это не мудрость, а чушь!

Суровый взгляд сменился улыбкой. — Верно. Несусветная чушь. Но признай, это нельзя опровергнуть, а? Ты определенно поверила моим словам, хоть на мгновение. Окрестный люд в прошлом году поверил.

Видела бы ты, как они жили несколько недель после! Меня изрядно повеселили вымученные выражения их лиц! Что там с Зимовым? Все тихо?

Вопрос вонзился как острый нож в масло и был так неожиданен, что Тиффани разинула рот.

— Я рано проснулась и мне стало любопытно, где ты можешь быть. — сказала мисс Тенета. Так легко было забыть, что она все время смотрела и слушала чужими глазами и ушами, деля это даже не преднамеренно.

— Вы видели розы? — спросила Тиффани. Она не успела почувствовать предательское щекотание в глазах, ей едва хватило времени, чтобы расстроиться.

— Да. Прекрасные творения. — ответила мисс Тенета. — Я бы хотела помочь тебе, Тиффани, но я буду занята другим. И романтические отношения это не та область, в которой я могла бы что-либо посоветовать.

— Романтические отношения? — спросила шокированная Тиффани.

— Девица Ветровоск и мисс Тик будут наставлять тебя. — продолжала мисс Тенета. — Но тем не менее, я должна сказать, у них обеих недостаточно опыта на любовном поприще.

— Любовном поприще? — изумилась Тиффани. Чем дальше, тем хуже!

— Ты умеешь играть в покер? — спросила мисс Тенета.

— Прошу прощения?

— Покер. Карточная игра. Или Мистер Хромой Лук? Гоняй Соседей в Корридоре? Ты что, никогда не сидела с мертвыми и умирающими?

— Сидела, но я никогда не играла в карты с ними! К тому же я не умею играть!

— Я тебя научу. В нижнем ящике комода лежит колода карт. Иди и принеси ее.

— Это азартные игры? Отец говорил, что не стоит играть в азартные игры.

Мисс Тенета кивнула головой. — Хороший совет, дорогуша. Не переживай. Я играю в покер не как в азартную игру...

* * *

Холодный серый утренний свет заливал комнату, когда Тиффани проснулась и игральные карты посыпались с ее платья на пол.

Она уставилась на мисс Тенету, которая хрюкала во сне, как поросенок.

Сколько сейчас времени? Никак не меньше шести часов! Что она должна делать?

Ничего. Ей нечего делать.

Она подобрала Туз Жезлов и стала разглядывать его. Значит это и есть покер? Что же, она вполне справилась, как только сообразила, что главное — научиться принимать обманчивое выражение лица. А карты нужны были лишь для того, чтобы занять руки.

Мисс Тенета проснулась. Тиффани задумалась, не приготовить ли ей завтрак, но это казалось таким...

— Древние короли Джелибейби, похороненные в пирамидах, — произнесла мисс Тенета, не вставая с кровати. — верили, что могут забрать с собой на тот свет свое имущество. Например золото, драгоценные камни и даже рабов. В связи с этим, будь добра, сделай мне сэндвич.

— Э... Вы хотите сказать... — начала Тиффани.

— Путешествие после смерти может оказаться долгим. — сказала мисс Тенета, садясь в кровати. — Вдруг я проголодаюсь.

— Но от вас останется только душа!

— Ну и что, возможно у сэндвича тоже есть душа, — ответила мисс Тенета, спуская худые ноги на пол. — я не уверена насчет горчицы, но попробовать стоит.

— Не вертись! — сказала она Тиффани, взяв гребешок и используя его вместо зеркала. Этим утром, Тиффани только не хватало, чтобы на нее сосредоточено пялился.

— Спасибо, можешь идти и заняться сэндвичом, — сказала мисс Тенета, откладывая гребешок в сторону. — а я пока оденусь.

Тиффани кинулась к себе в комнату и ополоснула лицо в тазике. Она всегда умывалась после осмотра, но ей никогда не хватало духу воспротивиться, а начинать протесты сейчас было уже поздно.

Когда она вытирала лицо, ей показалось, что с улицы доносится какой-то глухой звук. Тиффани подошла к окну. Оно было покрыто изморозью...

Ох, нет... ох... нет... нет! Опять он!

Морозные узоры на стекле образовали слово «Тиффани». По всей поверхности стекла.

Она схватила тряпку и стерла их, но наледь образовалась снова, еще толще.

Тиффани кинулась вниз по лестнице. Узоры покрывали все окна и когда она попыталась стереть их, тряпка заледенела тоже. Тряпка трещала, когда Тиффани тянула ее.

Ее имя написано на всех окнах. На всех окнах. Может быть на каждом

окне в горах. На каждом.

Он вернулся. Это был ужасно!

Но также, немножечко... круто...

Не то, чтобы она подумала это слово, ведь насколько Тиффани знала, оно означало кривизну. Просто у нее появилась такая мысль. Несколько прямолинейная мысль.

— В мои дни молодые люди вырезали имена девушек на стволах деревьев. — сказала мисс Тенета, спускаясь по лестнице, один осторожный шаг за другим. Слишком поздно Тиффани почувствовала раздражение в глазах.

— Ничего забавного, мисс Тенета! Что мне делать?

— Я не знаю. По возможности, постарайся оставаться сама собой.

Мисс Тенета наклонилась с хрустом и разжала ладонь. Ее смотрящая мышь спрыгнула на пол, повернулась и поглядела на нее своими крошечными черными глазками. Мисс Тенета подтолкнула ее пальцем. — Ну давай, уходи. Спасибо тебе. — сказала она и мышь юркнула в дыру.

Тиффани помогла старой ведьме выпрямиться и та сказала. — Ты что, начала сопли распускать?

— Только чуть чуть... — начала Тиффани. Маленькая мышка выглядела такой потерянной и несчастной.

— Не плачь, — ответила мисс Тенета. — жить очень долго не так уж и замечательно, как многие думают. Вот что я хочу сказать, юности тебе дается столько же, сколько и всем остальным, но зато ты получаешь впридачу изрядную порцию старости, глухоты и хрустения суставов. Ну давай, высморкайся и поддержи насест для воронов.

— Он может быть все еще здесь... — пробормотала Тиффани, освобождая тощие плечи от насеста.

Затем она снова протерла окно и увидела, что на поляне двигаются какие то фигуры.

— Ох... они пришли... — сказала она.

— Что? — спросила мисс Тенета. Она замерла. — Там на улице полно людей!

— Э... да. — ответила Тиффани.

— Ты что-нибудь об этом знаешь, девочка моя?

— Понимаете, они все время спрашивали когда...

— Принеси черепа! Они не должны видеть меня без черепов! — потребовала мисс Тенета. — Что у меня с прической? — спросила она, лихорадочно заводя часы.

— Очень милая...

— Милая? Милая? Ты с ума сошла? Спутай мне волосы сейчас же! — потребовала мисс Тенета. — И найди самую поношенную накидку! Эта слишком чистая! Ну шевелись же, дитя!

За несколько минут она передела мисс Тенету и потом долго уговаривала ее не выносить черепа на дневной свет, потому что если она их случайно уронит, кто-нибудь может заметить этикетки. Наконец Тиффани распахнула дверь.

Разговоры резко стихли.

На поляне стояла толпа. Когда мисс Тенета шагнула вперед, толпа раздвинулась, оставляя проход.

К своему ужасу Тиффани увидела на другой стороне поляны свежевыкопанную могилу. Этого она не ожидала. Она сама не знала толком, чего именно она ожидала, но никак не могилу.

— Кто выкопал...?

— Наши синие друзья. — ответила мисс Тенета. — Я их попросила.

И тут толпа взорвалась приветствиями. Женщины бросились вперед с ветвями тиса, падуба и омелы, единственными зелеными растениями в это время года. Люди смеялись, люди плакали. Они окружили ведьму, оттеснив Тиффани в сторону. Тиффани затихла и прислушалась.

— Что же мы будем делать без вас, мисс Тенета. — Разве другая ведьма сравнится с вами, мисс Тенета. — Мы никогда не думали, что вы покинете нас, мисс Тенета. Вы еще моему прадедушке помогали появиться на свет.

Шествие к могиле, подумала Тиффани. Да, вот это стиль. Это... Боффо из чистого золота. Они будут помнить об этом все оставшуюся жизнь...

— В таком случае, можешь оставить себе всех щенков, кроме одного... — мисс Тенета остановилась, чтобы толпа упорядочилась. — По обычаю, надо отдать одного щенка хозяину кобеля. В конце концов, это ты должен не выпускать суку и заботиться об изгородях. Какой у вас вопрос, мистер Блинкхорн?

Тиффани встала, как вкопанная. Они приставали к ней! Даже этим утром! Но она... она хотела, чтобы к ней приставали. В этом состояла вся ее жизнь.

— Мисс Тенета! — резко встряла Тиффани, проталкиваясь через толпу. — Помните, у вас дело!

Прозвучало это не очень хорошо, но лучше было сказать так, чем заявить: — Вы же говорили, что собираетесь умереть минут через пять!

Мисс Тенета повернулась, какое-то мгновение неуверенно глядя на Тиффани.

— О, да. — сказала она. — Действительно. Нам лучше пойти дальше.

Затем, продолжая беседовать с мистером Блинкхорном о каких-то сложных проблемах, касающихся рухнувшего дерева и чьей-то головы, сопровождаемая остальной толпой, она позволила Тиффани осторожно довести ее до могилы.

— Что же, у вас счастливая кончина, мисс Тенета. — прошептала Тиффани. Глупые слова, которые заслужили полученного ответа.

— Мы сами делаем свою кончину счастливой, дитя, день за днем. Но видишь ли, для ведьмы не бывает благополучного исхода. Есть только исход. Вот мы и пришли...

Лучше ни о чем не думать, твердила себе Тиффани. Не думать, что ты спускаешься по лестнице в настоящую могилу. Старайся не думать, что ты помогаешь мисс Тенете сойти по лестнице на листья, собранные в кучу на одном конце могилы.

Внизу в могиле казалось, что жуткие часы застучали еще громче: дин-дон, дин-дон...

Мисс Тенета потопталась на листьях и бодро сказала — Да, вижу, что мне тут будет вполне удобно. Послушай, дитя, я ведь упоминала про книги, так? Под моим креслом лежит небольшой подарок для тебя. Кажется, этого достаточно. О, я забыла...

Дин-дон, дин-дон... стучали часы, громче, чем обычно.

Мисс Тенета встала на цыпочки и выглянула из могилы. — Мистер Передых, вы должны водве Ленгли арендную плату за два месяца! Мистер Достаток, свинья принадлежит миссис Фрумент, и если вы не вернете ей свинью, я сама вернусь и буду выть под вашими окнами! Госпожа Полнесс, семья Догилей обладает Правом Прохода через Повращательный Выгон с незапятнанных времен и вы должны... вы должны...

До...н.

И наступило мгновение, долгое мгновение, когда внезапная тишина от остановившихся часов, громом прозвучала над пустошью.

Мисс Тенета медленно опустилась на листья.

Прошло несколько безумных секунд, проезде чем мозг Тиффани включился и она закричала людям, столпившимся наверху. — Отойдите все! Дайте ей немного воздуха!

Она встала на колени, а люди быстро отпрянули назад.

В воздухе резко пахло сырой землей. По крайней мере, мисс Тенета умерла с закрытыми глазами. Не каждый так умирает. Тиффани ненавидела закрывать глаза умершим, она чувствовала себя, как будто отнимала у них жизнь еще раз.

— Мисс Тенета? — прошептала она. Это было первой проверкой. Их было много и надо было проделать их все: заговорить с умершим, поднять ему руку, проверить пульс, в том числе и за ухом, проверить дыхание с помощью зеркала... и она всегда так боялась ошибиться, что отправившись в первый раз к предполагаемому умершему — парню, с которым произошел несчастный случай на лесопилке — она сделала все проверки, несмотря на то, что сначала ей пришлось найти голову.

В коттедже мисс Тенеты зеркалов не было.

В таком случае я...

... должна подумать! Это же мисс Тенета! Я же сама слышала, как она заводила свои часы несколько минут назад!

Тиффани улыбнулась.

— Мисс Тенета! — прошептала она ведьме на ухо. — Я знаю, вы здесь!

И вот тогда это утро, печальное, фантастическое, странное и пугающее стало... одним сплошным Боффо.

Мисс Тенета улыбнулась.

— Они ушли? — осведомилось она.

— Мисс Тенета! — сурово сказала Тиффани. — Как вы так можете!

— Я остановила часы ногтем большого пальца. — гордо ответила мисс Тенета. — Не могла же я их разочаровывать, а? Надо было устроить им представление!

— Мисс Тенета, — строго спросила Тиффани. — Это вы сочинили историю про свои часы?

— Конечно же я! Дивная часть фольклора, просто прелесть. Мисс Тенета и ее заводное сердце! Если мне повезет, история может стать даже мифом. Они будут помнить мисс Тенету тысячу лет!

Мисс Тенета снова закрыла глаза.

— Я-то точно буду вас помнить, мисс Тенета. — сказала Тиффани. — Буду, потому что...

Все вокруг потускнело и окрасилось в серый цвет. А мисс Тенета стала очень неподвижной.

— Мисс Тенета? — сказала Тиффани и слегка подтолкнула ее. — Мисс Тенета?

— МИСС ЭВМЕНИДИЯ ТЕНЕТА, СТА ОДИННАДЦАТИ ЛЕТ?

В голове у Тиффани раздался голос. Казалось, что этому голосу не требовались уши, чтобы быть услышанным. И Тиффани уже доводилось слышать его, что было довольно необычным. Большинство людей слышат голос Смерти только один раз в жизни.

Мисс Тенета встала, не хрустнув ни одной косточкой. Она выглядела в точь-точь как мисс Тенета, настоящая, улыбающаяся. А то, что осталось лежать на листьях, казалось в этом странном свете всего лишь тенью.

Рядом с ней стояла очень высокая темная фигура. Это был сам Смерть. Тиффани уже встречалась с ним раньше, в его собственных владениях за Темной Дверью. Однако, и без этого не трудно было догадаться, кто он такой. Коса, длинная мантия с капюшоном и, конечно же, связка песочных часов были ключами к разгадке.

— Где твои манеры, дитя? — сказала мисс Тенета.

Тиффани подняла голову и произнесла. — Доброе утро.

— ДОБРОЕ УТРО, ТИФФАНИ БОЛИТ, ТРИНАДЦАТИ ЛЕТ, — ответил Смерть своим незвучащим голосом. — ВИЖУ, ТЫ В ДОБРОМ ЗДРАВЬИИ.

— Также не помешает слегка поклониться. — добавила мисс Тенета.

Поклониться Смерти? — подумала Тиффани. Бабушке Болит это бы не понравилось. Никогда не склоняй колени перед тираном, она бы так сказала.

— НАМ, ВСЕ-ТАКИ, ПРИДЕТСЯ ПРОГУЛЯТЬСЯ ВМЕСТЕ, МИСС ЭВМЕНИДИЯ ТЕНЕТА. — Смерть галантно взял ее под руку.

— Эй, подождите минутку! — сказала Тиффани. — Мисс Тенете сто тринадцать лет!

— Э... Я слегка изменила возраст по профессиональным причинам. — ответила мисс Тенета. — Сто одиннадцать лет звучит так... несолидно.

Словно для того чтобы скрыть своей призрачное замешательство, она запустила руку в карман и вытащила из него дух сэндвича с ветчиной.

— Ах, это сработало. — сказала она. — Я знаю, я... Эй, а куда делась горчица?

— С ГОРЧИЦЕЙ ВСЕГДА БЫВАЮТ СЛОЖНОСТИ. - ответил Смерть и они начали блекнуть.

— Горчицы нет? А что насчет маринованного лука?

— КАК ОКАЗАЛОСЬ, СОЛЕНЬЯ ВСЕХ ВИДОВ НЕ ОБЛАДАЮТ ДУХОМ. МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ.

Позади них появился контур двери.

— В новую жизнь без приправ? Какой ужас! А как же соус? — спросила исчезающая мисс Тенета.

— ЕСТЬ ДЖЕМ. ДЖЕМ ПОЛУЧАЕТСЯ.

— Джем? Джем! С ветчиной?

И они ушли. Свет стал нормальным. Звуки вернулись. Время снова продолжило свой бег.

И опять, важным было не погружаться в раздумья, а только оставаться внимательной, уравновешенной и сосредоточиться на том, что надо сделать.

Поглядывая на людей, все еще слоняющихся по пустоши, Тиффани сходила домой и принесла несколько одеял, свернув их так, чтобы никто не смог заметить два бутафорских черепа и паутиноделающую машинку, укрытых в них. Затем, надежно запрятав секрет Боффо рядом с мисс Тенетой, она начала засыпать могилу, к ней тут же устремилось двое мужчин и стали помогать — как вдруг из под земли послышалось:

Дин-дон. Дон.

Мужчины застыли. Тиффани тоже, но ее Третий Помысел вклинился, заявив: Не Пугайся! Помнишь, она сама остановила их! Комок земли и что-то в этом роде могли запустить их снова!

Она расслабилась и мягко сказала. — Наверное, она всего лишь попрощалась с нами.

Оставшаяся часть могилы была закопана с редкостной скоростью.

Вот я тоже стала частью Боффо, думала Тиффани, когда народ начал расходиться по своим деревням. Но мисс Тенета работала не покладая рук. Она зслужила того, чтобы стать мифом, если это то, чего ей хотелось. И я клянусь, я клянусь, что в глухие, темные ночи они ее услышат...

А сейчас здесь остался только ветер, завывающий в деревьях.

Она пристально смотрела на могилу.

Надо что-то сказать, кто-то должен. В конце концов, она была ведьмой.

Как в горах, так и на Мелу, люди не были особо религиозными. Раз в год приходили омниацы и устраивали молитвенные собрания, иногда приезжали на ослах жрецы храмов «Удивляющиеся Девяти Дням» или «Искателей Маленькой Веры», или Церкви Мелких Богов. Люди приходили послушать их, если жрец завлекательно говорил или багровел от крика. Они подпевали песнопениям, если им нравилась мелодия. И затем все расходились по домам.

— Мы люди маленькие. — сказал как-то ее отец. — Глупым будет привлекать к себе внимание богов.

Тиффани вспомнила слова, произнесенные им над могилой Бабушки Болит, почти целую жизнь тому назад. Тогда, на залитом солнцем торфе, с кричащими в небе хищными птицами, слова эти казались всем, что могло быть сказано. Она повторила их сейчас:

— Если и есть Освященная земля, то вот она.

— Если и есть Святой день, то он пришел.

Она заметила какое-то движение, Билли Подбородище, гоннагель,

вскарабкался на рыхлый холмик могилы. Он серьезно поглядел на Тиффани, затем снял с плеча свою мышлинку и заиграл.

Люди не могут толком расслышать мышлинку, слишком высокие тона она играет, но Тиффани могла почувствовать ее звуки.

Гоннагль может многое вложить в свою музыку и она ощущала долгие лета и осени, мглу на холмах и запах роз, настолько густо-красных, что они были почти черными...

Закончив играть, гоннагль постоял минутку в тишине, снова взглянул на Тиффани и исчез.

Тиффани присела на пенек и немного поплакала, потому что это необходимо было сделать. Затем она пошла и подоила коз, потому что кто-то должен был сделать и это тоже.

Глава шестая

Ступни и побеги

Кровати в коттедже были проветрены, полы подметены, а дровяной сарай полон дров. На кухонном столе был выложен инвентарь: столько-то ложек, столько-то кастрюль, столько-то тарелок, все стояли рядком, освещаемые тусклым светом из окна. Тиффани, однако, упаковала несколько своих сыров. В конце-концов, она сама их сделала.

Ткацкий станок молча стоял в комнате; он был похож на остов мертвого животного, но под большим креслом лежал сверток из черной бумаги, о котором упоминала мисс Тенета. В нем была накидка из коричневой шерсти, такого темного цвета, что казалась почти черной. Похоже, что она была очень теплой.

Ну вот и все. Пора уходить. Если бы она легла на пол и прижалась ухом к мышинной норе, то услышала бы храпение в подвале. Фиглы верили, что после стоящих похорон, лежать должны все. Не очень то разумно было бы будить их. Она найдут ее. Они всегда находили.

Она все сделала? О нет, не совсем. Тиффани взяла с полки Словарь без Пропусков и Мифологию Чаффинча с «Таценом Времен Года» и стала укладывать их в сумку под сыры. Страницы книги затрещали, как колода карт, и из нее что-то выпало на каменный пол. Это были старые выцветшие письма, которые Тиффани пока что засунула обратно.

Кроме них, на пол выпал каталог товаров Боффо. На его обложке был изображен ухмыляющийся клоун и слова:

Сувениры Боффо И Шуточные Наборы!!!!
Хохот, Шутки, Гогот, Изобилие Розыгрышей!!!
ЗА СМЕХОМ К БОФФО!!!
Станьте душой праздника с нашим подарочным набором!!!
Специальное предложение месяца: скида половины
стоимости на Красные Носы!!!

Да, можно потратить уйму времени, стараясь стать ведьмой, или же потратить кучу денег у мистера Боффо и стать ею сразу же, как только доставят почту.

Зачарованная Тиффани перевернула страницы. В каталоге были черепа

(Светящиеся в Темноте за дополнительные 8\$), фальшивые уши, несколько страниц уморительных носов (купи носы на 5\$ и выше и получи бесплатно Пугающую Свисающую Козюльку) и маски, как сказал бы Боффо, В Изобилии!!! Например, Маска № 19 — Злая Ведьма Де-Люкс, с восторженным засаленными волосами, гниющими зубами и волосатыми бородавками (неприкрепленные, клейте их куда хотите!!!). Очевидно, Мисс Тенета не отважилась купить такую, возможно из-за носа, похожего на морковь, а может и потому, что ее кожа была ярко-зеленой. Но она могла покупать Ужасающие Руки Ведьмы (8\$ за пару, с зеленой кожей и черными ногтями) и Вонючие Ступни Ведьмы.

Тиффани засунула каталог обратно в книгу. Она не могла оставить его в коттедже, чтобы Аннаграмма не нашла его, иначе Боффо секрет мисс Тенеты стал бы всем известен.

И вот теперь все: одна жизнь, оконченная и акукуратно убранная. Один коттедж, вычищенный и пустой. Одна девочка, ждущая, что же будет дальше. Все было «улажено».

Дин-Дон.

Тиффани не шевельнулась, не стала оглядываться. На удочку Боффо я не попадусь, сказала она себе. Этому звуку можно найти объяснение, не связанное с мисс Тенетой. Посмотрим... Я вычистила камин, так? И прислонила кочергу к стене рядом с ним. Но если ее правильно не поставить, она упадет, рано или поздно. Вот это и случилось. Когда я повернусь, я увижу, что кочерга упала и лежит на решетке, и, следовательно, это не были никакие призрачные часы.

Она медленно повернулась. Кочерга лежала на решетке.

А сейчас, подумала она, мне стоит выйти на свежий воздух. В доме как-то уныло и душно. Но не потому, что меня пугают воображаемые звуки. Я не суеверна. Я ведьма. У ведьм нет предрассудков. Мы, то, что является предрассудком для остальных людей. Я просто не хочу здесь оставаться. Пока она была жива, я чувствовала себя здесь в безопасности — как будто меня укрывало огромное дерево — но я не думаю, что в доме по прежнему безопасно. Если Зимовой заставит деревья выкрикивать мое имя, я заткну уши. Дом похож на умирающего и я иду наружу.

Не было смысла запирать дверь. Местные жители боялись заходить в дом, даже при жизни мисс Тенеты. А сейчас они подавно не войдут, пока другая ведьма не обживется в доме.

Тусклое, белесое солнце проглядывало сквозь облака и ветер уносил прочь морозный воздух. Но в этих краях короткая осень очень быстро сменяется зимой; с сегодняшнего дня в воздухе всегда будет пахнуть

снегом. В горах зима никогда не кончается. Даже летом вода в ручьях ледяная из-за тающих снегов.

Тиффани уселась на трухлявый пенёк, рядом со своим древним чемоданом и мешком, и стала ожидать, когда все «уладится». Аннаграмма должна вот-вот заявиться, в этом она могла бы поклясться.

Коттедж уже казался заброшенным. Похоже, что...

Сегодня бы ее день рождения — осенило ее. Точно, сегодня. Смерть правильно сказал. Единственный праздник в году, который полностью принадлежал ей и она забыла о нем во всей этой суматохе, а сейчас уже прошло две трети дня.

Говорила ли она Петулии и другим, когда у нее день рождения? Она не могла вспомнить.

Тринадцать лет. Несколько месяцев она думала о себе «почти тринадцать». Очень скоро она станет «почти четырнадцать».

Тиффани уже почти начала наслаждаться жалостью к самой себе, когда позади нее послышался крадущееся шуршание. Она повернулась так быстро, что Горацио, сыр, отпрыгнул назад.

— О, это ты. — сказала Тиффани. — Где ты был, противный маль... сыр? Я ужасно беспокоилась!

Горацио выглядел пристыженным, но было довольно трудно объяснить, как ему это удавалось.

— Ты пойдешь со мной? — спросила она.

От Горацио немедленно стало исходить ощущение согласия.

— Очень хорошо. Тогда тебе надо залезть в мешок. — Тиффани развязала ремешки, но Горацио попятился.

— Что же, если ты собираешься вести себя, как непослушный сыр... — начала она и замолчала. Ее рука зудела. Она подняла глаза... на Зимового.

Это несомненно был он. Сначала он был всего лишь снежным вихрем, но когда он двинулся через поляну, то как будто собрался воедино, принял вид человека, юноши, с ниспадающим с плеч плащом. На его голове и плечах лежал снег. На этот раз он не был полностью прозрачным, словно рябь пробегала по нему и Тиффани казалось, что она может разглядеть позади него силуэты деревьев.

Она быстро отступила назад, но Зимовой скользил по высохшей траве стремительно, как конькобежец. Она могла бы повернуться и побежать, но это означало бы, что она повернулась и побежала, а почему она должна так поступать? Это ведь не она писала чужое имя на окнах!

Что ей сказать ему, что ей сказать?

— Я очень признательна тебе за мою подвеску. — сказала она, снова отступая. — И снежинки с розами были действительно очень... очень милыми. Но... я не думаю, что мы... Ну ты сделан из холода, а я нет... Я человек, сделана из... человеческого материала.

— Ты должна быть ею! — ответил Зимовой. — Ты была в Танце! А сейчас ты здесь, в моей зиме!

Голос был неправильным. Он звучал фальшиво, так, как будто Зимовой научился произносить слова, но не понимал, что они означают.

— Я это я. — неуверенно сказала Тиффани. — Я не знаю, что там насчет «должна быть». Э... пожалуйста, я так сожалею, что пошла танцевать... я не хотела, мне просто показалось...

У него были те же самые пурпурно-серые глаза, заметила она. Пурпурно-серые глаза, на лице, вылепленном из замерзшего тумана. Надо признать, на довольно симпатичном лице.

— Послушай, я не имела в виду давать тебе повод думать, что... — начала она.

— Иметь в виду? — прервал ее Зимовой в изумлении. — Но мы не имеем в виду. Мы существуем!

— Что ты... имеешь в виду?

— Кривенс!

— Ох, нет... — пробормотала Тиффани, когда фиглы полезли из травы. Фиглы не знают значение слова «страх». Иногда Тиффани мечтала, что бы они взяли словарь и прочитали. Они дрались, как тигры, они боролись, как демоны, они сражались, как гиганты. Что они не делали, так это не действовали как кто-то, имеющий хоть капельку мозгов.

Они били Зимового мечами и ногами, но тот факт, что все проходило сквозь него, как сквозь дым, казалось совершенно не озадачивал их. Если фигл прицеливался ботинком в призрачную ногу и в результате попадал себе по голове, это сходило за хороший результат.

Зимовой игнорировал их, как человек, не обращающий внимание на бабочек.

— Где твое могущество? Почему ты так одета? — требовательно спросил он. — Все должно быть по другому!

Он шагнул вперед и крепко схватил Тиффани за запястье, намного крепче, чем можно было ожидать от призрачной руки.

— Все не так! — закричал он. В небе над пустошью мчались облака.

Тиффани попыталась вырваться. — Отпусти меня!

— Ты это она! — закричал Зимовой и потащил ее за собой.

Тиффани не знала, откуда взялся вопль, но ее рука сама дала

пощечину. Она так сильно ударила Зимового по щеке, что на какой то момент его лицо смазалось, как будто она размазала рисунок.

— Не подходи ко мне! Не прикасайся ко мне! — завопила она.

Позади Зимового что-то сверкнуло. Тиффани не могла четко рассмотреть из-за инея и своих собственных ярости и ужаса, но что-то смазанное и темное двигалось к ним через пустошь, колеблясь и искажаясь, как фигура, на которую смотрят через лед.

Какое то мгновение оно неясно маячило позади полупрозрачного тела, а затем оказалось Матушкой Ветровоск, стоящей на том же самом месте, что и Зимовой... внутри него.

Он взвыл и рассыпался в снежную мглу.

Матушка, моргая и спотыкаясь, шагнула вперед.

— Фух... Не сразу избавишься от этого ощущения в голове. — сказала она. — Закрой рот, девочка, а то как что-нибудь влетит.

Тиффани закрыла рот. А то как что-нибудь влетит.

— Что... Что вы сделали с ним? — выдавила она.

— С этим! — отрезала Матушка, потирая лоб. — Это оно, а не он! И оно считает себя им! Дай мне твою подвеску!

— Что?! Она моя!

— Ты думаешь, я собираюсь спорить? — спросила Матушка Ветровоск. — У меня на лице написано, что я собираюсь пререкаться? Дай мне ее сейчас же! Как ты смеешь не слушаться!

— Я не...

Матушка Ветровоск понизила голос и сказала пронизывающим шепотом, что было гораздо хуже вопля. — Оно находит тебя с помощью подвески. Ты хочешь, чтобы оно опять нашло тебя? Пока что оно только изморозь. Как ты думаешь, насколько твердым оно может стать?

Тиффани подумала о странном лице, слишком неподвижном для настоящего лица, и о том странном голосе, выкладывающем слова, как кирпичную кладку...

Она растегнула серебряную застежку и вытащила подвеску.

Это всего лишь Боффо, сказала она сама себе. Каждая ветка может быть волшебной палочкой, каждая лужа — хрустальным шаром. Это всего лишь... вещица. Она не нужна мне, чтобы быть самой собой.

Нет, она мне нужна.

— Ты должна сама отдать ее мне. — мягко сказала Матушка. — Я не могу взять ее.

Она протянула руку, ладонью вверх.

Тиффани уронила лошадку в подставленную ладонь и попыталась не

вообразить когти на пальцах Матушки.

— Очень хорошо. — сказала Матушка с удовлетворением. — А сейчас нам надо идти.

— Вы наблюдали за мной. — угрюмо сказала Тиффани.

— Все утро. Ты могла бы заметить, если бы тебе пришло в голову оглядеться. — ответила Матушка Ветровоск. — Но могу сказать, ты не напортачила на похоронах.

— Я справилась!

— Я так и сказала.

— Нет, — ответила Тиффани, все еще дрожа. — Не так.

— Никогда не держала черепов и тому подобное. — продолжала Матушка, игнорируя слова Тиффани. — Фальшивых, во всяком случае. Но мисс Тенета...

Она замолчала и Тиффани увидела, как она уставилась на верхушки деревьев.

— Это опять он? — спросила она.

— Нет. — сказала Матушка, таким тоном, словно она была разочарована. — Нет, это юная мисс Ястребц. И миссис Летиция Иервиг. Я смотрю, время зря не теряют. И мисс Тенета еще не остыла.

Она фыркнула. — Кое-у-кого нет никакого уважения к приличиям.

Две метлы приземлились чуть поодаль. Аннаграмма выглядела взволнованной. Миссис Иервиг выглядела как всегда: высокая, бледная, хорошо одетая, с массой оккультных украшений и с выражением лица, говорящим, что хотя вы несколько ей надоели, но она в достаточной степени великодушна, чтобы этого не показывать. И она глядела на Тиффани, когда утруждала себя поглядеть, как на странное, не совсем понятное ей создание.

Миссис Иервиг всегда была вежлива с Матушкой Ветровоск, самым официальным и неприветливым образом. Это бесило Матушку, но так уж у ведьм принято. Когда они по настоящему кого-то не любят, то бывают учтивы, как герцогини.

Когда прибывшие ведьмы подошли положе, Матушка низко поклонилась, сняв шляпу. Миссис Иервиг проделала то же самое, только ее поклон был чуточку ниже.

Тиффани увидела, как Матушка глянула вверх и наклонилась на дюйм ниже.

Миссис Иервиг умудрилась каким-то образом склониться еще на полдюйма.

Тиффани и Аннаграма обменялись поперх согнутых спин

беспомощными взглядами. Иногда такие вещи могли длиться часами.

Матушка Ветровоск хрюкнула и выпрямилась. Также и покрасневшая миссис Иервиг.

— Благословенна будь наша встреча. — произнесла Матушка ровным голосом. Тиффани вздрогнула. Это было провозглашением вражды. Крики и тычки были совершенно обычными приемами спора у ведьм, но спокойный и невозмутимый разговор означал открытую войну.

— Как любезно с вашей стороны поприветствовать нас. — ответила миссис Иервиг.

— Надеюсь, что вы в добром здравии?

— Прекрасно себя чувствую, мисс Ветровоск.

Аннаграмма закрыла глаза. По ведьминским стандартам это был удар под дых.

— Госпожа Ветровоск, миссис Иервиг. — ответила Матушка. — И я уверена, вам это известно?

— Пожалуй, да. Конечно же, да. Прошу прощения.

Ведьмы обменялись хлесткими ударами и Матушка продолжила. — Полагаю, мисс Ястребц найдет в коттедже все, что пожелает.

— Не сомневаюсь, что... — миссис Иервиг уставилась на Тиффани с вопросительным выражением лица.

— Тиффани. — подсказала Тиффани.

— Тиффани. Разумеется. Какое милое имя... Я уверена, что Тиффани постарался на славу. — сказала миссис Иервиг. — Тем не менее, мы должны очистить и освятить все, чтобы предотвратить... воздействия.

Я уже чистила и вычистила все! — подумала Тиффани.

— Воздействия? — спросила Матушка Ветровоск. Даже Зимовому не удался бы более ледяной тон.

— Тревожащие вибрации. — ответила миссис Иервиг.

— О, я знаю о чем вы. — вставила Тиффани. — Это незакрепленная доска в полу в кухне. Когда на нее наступаешь, буфет шатается.

— Ходили разговоры о демоне. — продолжала миссис Иервиг, мрачно игнорируя Тиффани. — И... О черепках.

Но — начала говорить Тиффани, когда рука Матушки столь сильно сжала ее плечи, что она замолчала.

— Ах ты, батюшки! — проговорила Матушка, все еще удерживая Тиффани. — Черепка, а?

— Некоторые истории вызывают тревогу, — сказала миссис Иервиг, не сводя глаз с Тиффани. — Истории, самого темного содержания, госпожа Ветровоск. Я считаю, что жителей этих владений обслуживали из рук вон

плохо. Темные силы должны быть изгнаны.

Тиффани хотелось закричать: Нет! Это всего лишь истории! Это все Боффо! Она заботилась о них! Она не позволяла им пререкаться, она помнила все их законы, она ругала их за глупость! Она не могла бы делать того, что делала, будучи хрупкой старой леди! Ей приходилось быть мифом!

Но хватка Матушки удерживала ее от высказываний.

— Без странных сил не обошлось, это точно. — сказала Матушка Ветровоск. — Желаю вам успеха на вашем поприще, мисис Иервиг. А теперь, прошу меня простить...

— Конечно же, гос... пожа Ветровоск. Да сопутствует вам удача.

— Да расстелится вам дорога скатертью. — ответила Матушка. Она немного ослабила свою хватку, но руки не убирала и затащила Тиффани за угол коттеджа. Метла успошей мисс Тенеты стояла у стенки.

— Быстро привязывай вещи! — приказала она. — Мы должны улетать!

— Он вернется? — спросила Тиффани, с усилием привязывая мешок и старый чемодан к черенку метлы.

— Не сейчас. Не думаю, что оно вернется так быстро. Но оно будет искать тебя. И оно станет сильнее. И я уверена, оно станет опаснее и для тебя, и для всех, кто рядом с тобой! Сколько же тебе предстоит узнать! Сколько всего сделать!

— Я поблагодарила его! Я пыталась быть с ним приветливой! Почему он продолжает преследовать меня?

— Из-за Танца. — ответила Матушка.

— Я попросила прощения!

— Видать, не достаточно любезно. Что понимает буря в сожалениях? Тебе придется загладить свою вину. Неужели ты и правда думала, что пустое место в танце было приготовлено для тебя? Ох, как же все запутано! Как твои ступни?

Рассерженная и сбитая с толку Тиффани, замерла, полуперекинув ногу через метлу.

— Мои ступни? А что с ними?

— Они зудят? Что случится, если снять ботинки?

— Ничего не случится! Я увижу свои чулки вот и все! При чем тут мои ступни вообще?

— Вот это мы и выясним. — яростно заявила Матушка. — Ну, полетели.

Тиффани попыталась поднять метлу в воздух, но она едва

приподнялась над высохшей травой. Тиффани огляделась. Прутья метлы были плотно усыпаны Нак Мак Фиглами.

— Не хвиливайся. — сказал ей Роб Всякограб. — Мы крепко учепились.

— Только не дюже потряхивай, потому как у мя башка отвалится. — добавил Вулли Валенок.

— А харчи будут? — поинтересовался Величий Ян. — Горло бы промочить!

— Я не могу взять всех вас! — сказала Тиффани. — Я даже не знаю, куда направляюсь.

Матушка Ветровоск оглядела фиглов. — Вам придется пойти пешком. Мы направляемся в город Ланкр. Адрес — Tir Nani Ogg, на площади.

— Tir Nani Ogg?^[6] — сказала Тиффани. — Это не...

— Это означает Усадьба Няни Огг. — ответила Матушка. Фиглы посыпались с метлы. — Там ты будешь в безопасности. Более или менее в безопасности. Но нам придется остановиться по дороге. Мы должны закинуть эту подвеску как можно дальше. И я знаю, как это сделать! О, да!

* * *

Мак Нак Фиглы рысцой мчались по полуденному лесу. Местная дичь уже обнаружила их присутствие и поэтому пушистые лесные зверьки либо забились в свои норы, либо вскарабкались на вершины деревьев. Тем не менее, немного погодя Величий Ян попросил остановиться и сказал — Хтось за нами следует!

— Не дури. — ответил Роб Всякограб. — В этих лесах ничего не осталось настолько скаженного, чтоб фиглов уловляти!

— Я ведаю, что чую, — упрямо повторил Величий Ян. — Нутром своим чую. Хтось крадется за нами!

— Ну что же, я не из тех, кто с нутром мужчины свариться почнет. — сказал Роб устало. — Лады, парни, разойдитесь по кругу!

Вытащив мечи, фиглы разошлись во все стороны, но через нескольких минут начали ворчать. Ничего не было ни видно, ни слышно. На безопасном расстоянии пели птицы. Повсюду царили мир и спокойствие, столь необычные в соседстве с фиглами.

— Извиняй, Величий Ян, но сдается мне, нутро твое не работает. — сказал Роб Всякограб.

В этот самый момент, Горацио, сыр, свалился ему прямо на голову.

Река под большим ланкрским мостом была полноводная, но с высоты ее было трудно разглядеть из-за тумана — водяной пыли от водопада, стеной стоящей в морозном воздухе.

Река пенилась в узкой теснине, а затем стремительно кидалась вниз, как прыгает в водопад лосось, и с грохотом обрушивалась на равнины внизу. От водопада до Мела можно было добраться, следуя речному течению, но река так широко и лениво петляла, что быстрее было лететь по прямой.

Всего один раз Тиффани воспользовалась прямым путем, когда мисс Левел в первый раз привезла ее в горы. После чего она всегда выбирала долгую дорогу домой, путешествуя над петляющим трактом.

Подлететь к самому краю бушующего потока, резко обрывающегося в холодный сырой воздух, и направить помело вертикально вниз, было чуть ли не на первом месте в списке того, что она никогда, никогда в жизни не намеревалась делать.

Матушка Ветровоск стояла на мосту, держа в руке серебряную лошадку.

— Есть только один способ, — сказала она. — В конце пути подвеска окажется на дне глубокого моря. Пусть Зимовой ищет тебя там!

Тиффани кивнула. У нее не было слез, но это не означало, что она не плакала. У людей нет привычки беспрестанно плакать, обычно они об этом и не думают. Однако сейчас Тиффани думала об этом. Она думала о том, что у нее нет слез...

Выкинуть подвеску было целесообразным. Конечно же, целесообразным. Ведь все вокруг Боффо! Любой прутик может быть волшебной палочкой, а любая лужа — хрустальным шаром. Каждая вещь имеет только то могущество, которое ты сама вложила в нее... Запутки, черепа и волшебные палочки были тем же самым, что и... лопаты, ножи и очки. Они были как... рычаги. С помощью рычага можно сдвинуть скалу, но сам по себе рычаг работать не будет.

— Ты должна сама сделать выбор. — проговорила Матушка. — Я не могу сделать его за тебя. Это всего лишь безделушка и пока она у тебя, она опасна.

— Знаете, я не думаю, что он хотел причинить мне боль. Он просто расстроился. — сказала Тиффани.

— В самом деле? Ты хочешь еще раз встретиться с этим, таким

расстроенным?

Тиффани подумала о странном лице. Зимовой принял очертания человека — более или менее — но так, как будто он подхватил идею стать человеком, но так и не понял, как это сделать.

— Вы думаете, что он повредит другим людям? — спросила она.

— Он Зима, дитя. Зима ведь не только красивые снежинки, а?

Тиффани протянула руку. — Отдайте мне ее, пожалуйста?

Матушка отдала подвеску, пожав плечами.

Подвеска лежала в руке у Тиффани, на белом шраме. Это была первая подаренная ей вещь, которая не была бы полезной, которая не предназначалась бы для чего-либо.

Она не нужна мне, думала Тиффани. Силу дает мне Мел. Неужели вся жизнь будет такова? Ничего бесполезного?

— Нам надо привязать ее к чему-нибудь легкому. — сказала она деловым голосом. — Иначе, ее выловят со дна.

Она порыскала в траве вокруг моста, нашла палку и обернула серебряную цепочку вокруг нее.

Стоял полдень. Тиффани придумала слово — дневносвет, ей нравилось, как оно звучит. Любой мог быть ведьмой в полночь, думала она, но чтобы быть ведьмой при дневносвете, надо иметь настоящие способности.

Как бы то ни было, быть ведьмой мне удастся, думала она, шагая по мосту. Не удастся быть счастливой.

Она бросила подвеску с моста.

Она не стала делать событие из этого. Хорошо бы прозвучало, что серебряная лошадка засверкала в лучах солнца, на мгновение повиснув в воздухе, перед долгим падением. Возможно, что так оно и было, но Тиффани не стала смотреть.

— Хорошо. — сказала Матушка Ветровоск.

— На этом все? — спросила Тиффани.

— Нет! Ты втанцевала себя в историю, девочка, одну из тех, что каждый год рассказывает себя миру. Историю про лед и пламень, Лето и Зиму. Ты ее испортила. Теперь ты должна остаться в ней до конца и убедиться, что все закончится так, как надо. Выкинуть лошадку необходимо только для того, чтобы выиграть немного времени, вот и все.

— Сколько времени у меня есть?

— Я не знаю. Такого раньше не случалось. Во всяком случае, у тебя есть время, чтобы подумать. Как твои ступни?

* * *

С точки зрения людей, Зимовой перемещался по миру без какого-либо перемещения вообще. Он был везде, где была зима.

Зимовой пытался думать. Никогда раньше ему не приходилось задумываться и это было довольно неприятно. До сих пор люди были лишь частью окружающего мира, двигающейся странным образом и разжигающей огонь. Но теперь, когда он начал думать, все стало иным.

Люди... Сделаны из человеческого материала... вот что она сказала.

Человечий материал. Он должен сделать себя из человеческого материала ради возлюбленной. И вот Зимовой искал эти материалы в ледяном воздухе моргов и среди обломков кораблекрушения. Что же он нашел? В основном грязь и воду. А если тело лежит уже давно, то и вода высыхает и не остается ничего, кроме пригоршни пыли, которую развеет ветер.

Таким образом, поскольку вода не способна мыслить, то за все ответственна пыль.

Зимовой был логичен, потому что лед был логичен. Вода следует логике. Существуют правила. Итак, люди это всего лишь... правильный вид пыли!

И пока он занят поисками нужной пыли, он мог бы продемонстрировать ей свою силу.

* * *

Этим вечером Тиффани сидела на краю кровати для гостей, зевала и рассматривала свои ступни, а сонливость накатывала на нее, как грозовой фронт на небо.

Ступни были розовыми, с пятью пальчиками на каждой. В целом, это были довольно симпатичные ступни.

Обычно при встрече люди говорят что-то вроде: «Как дела?». Нянюшка Огг только и сказала — «Заходи. Как твои ступни?».

Вдруг оказалось, что все вокруг заинтересовались ее ступнями. Конечно, ноги имеют большое значение, но что такого может с ними случиться?

Она поболтала ногами в воздухе. Ничего странного не произошло и она легла на кровать.

Тиффани две ночи не высыпалась. Она не осознавала, как устала, пока

не добралась до Tir Nanni Ogg, где ее мысли пошли вразнобой. Она разговаривала с миссис Огг, но с трудом могла припомнить, о чем. Голоса звенели в ее ушах. Наконец-то у нее не осталось никаких дел, только спать.

Это была хорошая кровать, лучшая из тех, где ей доводилось спать. И это была лучшая комната, что она видела, хотя она была слишком усталой, чтобы осмотреть ее. Ведьмы не тратятся на комфорт, особенно на запасные спальни, но Тиффани всю жизнь спала в ветхой кровати, пружины у которой дзынькали каждый раз, когда она поворачивалась и, при желании, можно было даже подобрать мелодию. Перина была пышной и упругой. Она утонула в ней, как в очень мягком, очень теплом, медленно затягивающем зыбучем песке.

Беда была в том, что глаза то закрыть можно, но нельзя перестать думать. Лежа в темноте, она прокручивала в голове разные образы и видения: часы, выстукивающие дин-дон; снежинки, выглядящие в точь-точь, как она; мисс Тенета, рыщущая по лесу, в поисках тех, кто плохо вел себя, с желтым ногтем наготове.

Миф Тенеты...

Из запутанных воспоминаний она плавно перенеслась в матовую белизну. Постепенно белизна стала ярче, приобрела детали — кохотные области черного и серого цвета. Они начали плавно перемещаться...

Тиффани открыла глаза и все стало понятным. Она была на корабле, на большом паруснике. На палубе лежал снег и со снастей свисали сосульки. Корабль плыл, освещенный белесым сиянием рассвета, в безмолвном сером море, среди льдин и клубящегося тумана. Снасти скрипели и ветер вздыхал в парусах. Никого не было видно.

— Ах. Похоже, что это сон. Выпусти меня, пожалуйста. — сказал знакомый голос.

— Кто ты? — спросила Тиффани.

— Ты. Кашляни, пожалуйста.

Тиффани подумала: ну что же, раз это всего лишь сон... и кашлянула.

Кто-то поднялся из снега, лежащего на палубе. Это была она сама, погруженная в раздумья.

— Ты тоже я? — спросила Тиффани. Удивительно, но здесь на замерзшей палубе, это не казалось необычным.

— Хммм. Ох, да. — сказала другая Тиффани, сосредоточенным видом рассматривая все вокруг. — Я твой Третий Помысел. Помнишь? Та часть в тебе, что никогда не прекращает размышлять? Что замечает мелкие детали? Как хорошо оказаться на свежем воздухе. Хммм.

— Что-то не так?

— Хм. Совершенно ясно, что это сон. Если бы ты потрудилась посмотреть по сторонам, то увидела бы, что моряк у руля в желтой непромокаемой одежде, это Бравый Мореход с обертки табака, который курила Бабушка Болит. Ты всегда вспоминаешь о нем, когда думаешь о море?

Тиффани поглядела на бородатую фигуру, которая весело помахала ей.

— Да, это точно он! — сказала она.

— Мне кажется, этот сон не полностью наш. — продолжил Третий Помысел. — Это все слишком... по настоящему.

Тиффани наклонилась и набрала горсть снега.

— На ощупь как настоящий. — сказала она. — Холодный. — Она слепила снежок и запустила его в себя.

— Не кидайся в себя снегом. — сказала другая Тиффани, стряхивая снег с плеч. — Но ты понимаешь, что я хочу сказать? Сны никогда не бывают настолько... не воображаемые, как этот.

— Я знаю, о чем я говорю. — ответила Тиффани. — Думаю, что все станет настоящим и тогда случится что-то страшное.

— Точно. Мне все это не нравится. Если это сон, то сейчас произойдет что-то ужасное...

Они поглядели в сторону, куда плыл корабль. Впереди был унылый и однообразный туман, затянувший все море.

— Там в тумане что-то есть! — сказали обе Тиффани одновременно.

Они повернулись и подбежали к моряку у руля.

— Держитесь подальше от тумана! Пожалуйста, не подплывайте к нему! — закричала Тиффани.

Бравый Мореход вытащил трубку изо рта и озадачено поглядел на нее.

— Добрая Затяжка При Любой Погоде? — спросил он Тиффани.

— Что?

— Это все, что он может сказать! — ответил ее Третий Помысел, хватаясь за рулевое колесо. — Помнишь? Эти слова он говорит на этикетке!

Бравый Мореход мягко отодвинул ее в сторону. — Хорошая Затяжка При Любой Погоде. — сказал он успокаивающе. — При Любой Погоде.

— Послушайте, мы только хотим... — начала говорить Тиффани, но ее Третий Помысел молча положила руку ей на голову и развернула.

Что-то выплывало из тумана.

Это был айсберг, огромный и высокий, как корабль, величавый, как лебедь. Он был так велик, что вокруг него установилась своя собственная погода. Казалось, что он еле движется; вода белела у его основания. Снег шел вокруг него. Клубы тумана тянулись за ним.

Бравый Мореход увидел айсберг и трубка выпала у него изо рта.

— Добрая Затяжка! — чертыхнулся он.

Айсберг был Тиффани. Несколько сотен футов в высоту и высеченная из сверкающего зеленоватого льда, тем не менее, это была Тиффани. На ее голове сидели чайки.

— Не мог Зимовой этого сделать! — сказала Тиффани. — Я выкинула лошадку! — Она сложила ладони рупором у рта и прокричала:

— Я ВЫКИНУЛА ЛОШАДКУ!

Ее голос эхом отразился от ледяного миража. Несколько птиц с воплем сорвались с ее головы. За спиной у Тиффани завертелось рулевое колесо. Бравый Мореход топнул ногой и указал на белые паруса над ними.

— Хорошая Затяжка При Любой Погоде! — скомандовал он.

— Простите, но я не понимаю, что вы хотите от нас! — растеряно сказала Тиффани.

Моряк снова указал на паруса и неистово задвигал руками, как будто он что-то тянул.

— Добрая Затяжка!

— Простите, я не понимаю!

Моряк фыркнул и кинулся к веревке, которую стал яростно тянуть.

— Это становится жутким. — тихо сказал Третий Помысел.

— Ну да, я в виде огромного айсберга, это действительно...

— Нет, это всего лишь странно. Вот что жутко. — ответил Третий Помысел. — У нас появились пассажиры. Посмотри. — И она показала.

Вдоль главной палубы шел ряд люков, перекрытых железными решетками; до этого Тиффани их не замечала.

Руки, сотни рук, бледных, как подземные побеги, тянулись, махали, пробивались сквозь решетки.

— Пассажиры? — с ужасом прошептала Тиффани. — Ох, нет...

И затем началось стенание. Было бы лучше, хотя и не намного, если бы они кричали «Помогите!» или «Спасите!», но вместо этого раздавались лишь вой и вопли, только звуки, полные страха и боли...

Нет!

— Немедленно вернись в мою голову! — решительно сказала Тиффани. — Я слишком отвлекаюсь, когда ты тут бродишь снаружи. Возвращайся немедленно!

— Я встану позади тебя, — возразил ее Третий Помысел. — И, когда уже не будет казаться...

Тиффани почувствовала мимолетную боль, разум прояснился и она подумала: ну, могло бы быть и хуже.

Так. Дайте я подумаю. Подумаю всеми моими Помыслами.

Она пристально смотрела на руки, безнадежно колышущиеся, как водоросли под водой и думала: я внутри чего-то, похожего на сон, но это не мой сон. Я стою на корабле и нас собирается погубить айсберг, выглядящий как я.

Я думаю, что снежинки мне нравились больше...

Чей это сон?

— Как это понимать, Зимовой? — спросила она. Третий Помысел, вернувшийся на свое обычное место, заметил: изумительно, даже свое дыхание можно разглядеть.

— Это предупреждение? — закричала Тиффани. — Что тебе надо?

Ты моя невеста, ответил Зимовой. Слова просто всплыли у нее в голове.

Тиффани поникла.

Ты знаешь, что это все ненастоящее, вставил ее Третий Помысел. Но это вполне может быть отражением чего-то, что происходит на самом деле...

Не стоило мне позволять Матушке Ветровоск вот так взять и отпустить Роба Всякограба...

— Кривенс! Черти мя подери! — раздался крик за ее спиной. Ему ответил обычный хор:

— Не черти, а черт, дурень!

— Айе? Ничто один мя подерет?

— Доску тащци! Вулли Валенок в воду поперся!

— От ведь тупица! Я же сказывал ему, повязку на один глаз лишь!

— И Йо-хо-хо, и Хо-йо-йо...

Фиглы высыпали из каюты позади Тиффани. Роб Всякограб остановился перед ней, а все остальные прошмыгнули мимо. Он отсалютовал.

— Прощения просим, что запоздали, но нам треба было повязки для глаз сыскать. — сказал он. — Есть така штука, как стиль, вишь ли.

Какое то мгновение Тиффани не могла найти слов. Затем она сказала:

— Отвороти корабль от айсберга!

— И только? Нае проблемо! — Роб кинул взгляд за спину Тиффани на ледяной мираж и ухмыльнулся — Нос ему неплохо удался, а?

— Поверни корабль! Пожалуйста? — умоляюще сказала Тиффани.

— Айе-айе! Ну-ка, парни!

Фиглы за работой были похожи на муравьев, все отличие было в том, что муравьи не носят килты и не кричат «Кривенс!» ежеминутно. Как

оказалось, фиглы прекрасно понимали Бравого Морехода, возможно потому, что им самим хватало одного слова, чтобы управляться со многими вещами. Фиглы сновали по палубе, тянули за какие-то загадочные веревки. Под вопли «Кривенс!» и «Добрая затяжка!» паруса зашумели и заполнились ветром.

И теперь Зимовой хочет жениться на мне, думала Тиффани. О, боги.

Иногда она задумывалась, выйдет ли когда-нибудь замуж, но что время для этого «когда-нибудь» еще не настало, в этом она была совершенно уверена. Да, конечно, ее мать вышла замуж в четырнадцать лет, но так тогда было принято. Много воды должно утечь, прежде чем придет пора ей замуж идти.

Кроме того, если подумать, все это так... гадко. Зимовой даже человеком не был. Он был слишком...

Бум! Ветер ударил в паруса. Корабль заскрипел и рванулся вперед, а все дружно начали кричать на нее. В основном, они кричали — «Руль! Хватай руль!», хотя среди вполей слышалось также и одинокое «Хорошая Затяжка При Любой Погоде!».

Тиффани обернулась и увидела, что колесо бешено вращается. Она попыталась схватить его, но лишь ушибла пальцы о спицы. Рядом лежала свернутая веревка, Тиффани умудрилась накинуть ее на колесо и остановить вращение. Затем, она попыталась повернуть колесо в другую сторону. Колесо не поддавалось, но она толкала изо всех сил и оно начало поворачиваться, сначала медленно и затем все быстрее и быстрее.

Корабль медленно разворачивался. Она чувствовала его движение, увидела, как нос корабля начал отклоняться в сторону от айсберга. Отлично!

Наконец все пошло как надо! Она еще немного повернула колесо и холодная стена заскользила мимо, наполняя воздух туманом. Теперь, все будет хорошо...

Корабль налетел на айсберг.

Сначала рангоут с хрустом врезался в выступающий над водой лед, а затем и весь корабль, крушась, столкнулся с айсбергом. Корабль со скрежетом прдвинулся вперед. Мачта сломалась и рухнула, потянув за собой паруса, разрывая их. Кусок льда упал на палубу в нескольких футах от Тиффани, усыпав ее ледяными осколками.

— Этого не должно было случиться! — задыхаясь, выговорила она, повиснув на рулевом колесе.

Выходи за меня. — сказал Зимовой.

Струи пенящейся воды с ревом заливали тонущий корабль. Тиффани

недолго продержалась на поверхности, затем ледяная вода сомкнулась над ней...

... вот только вода внезапно стала не холодной, а теплой. Но она все еще не могла дышать. В темноте она попыталась всплыть на поверхность, как вдруг тьма расступилась и свет залил ей глаза. Чей-то голос произнес: — По моему, эта перина слишком мягкая, но разве миссис Огг станет меня слушать.

Тиффани моргнула. Она лежала в кровати и около нее стояла тощая женщина с встрепанными волосами и довольно красным носом.

— Ты металась и ворочалась. как безумная. — сказала женщина, ставя дымящуюся чашку на маленький столик рядом с кроватью. — Однажды кто-нибудь в ней задохнется, помяни мои слова.

Тиффани снова моргнула. Я должна думать: — О, это был всего лишь сон. Но это был не только сон. И не мой сон.

— Сколько сейчас времени? — спросила она.

— Около семи. — ответила женщина.

— Семь! — Тиффани откинула простыни в сторону. — Пора вставать! Миссис Огг ждет свой завтрак!

— Это вряд ли. Я отнесла ей завтрак в кровать десять минут назад. — сказала женщина, окидывая Тиффани Взглядом. — И я пошла.

Она засопела. — И пей чай пока он не остыл.

С этими словами она направилась к двери.

— Миссис Огг нездоровится? — спросила Тиффани, оглядываясь по сторонам в поисках своих носков. Она никогда не слышала чтобы кому-нибудь приносили еду в кровать, если он не слишком болен, или слишком стар.

— Нездоровится? Не думаю, что она хоть один день за всю свою жизнь была больна. — ответила женщина, показывая всем своим видом, что она считает это нечестным. Она закрыла дверь.

Даже пол в спальне блестел — не потому, что его отполировали ногами за долгие годы, истерев доски и сровняв все шероховатости, но потому, что кто-то натер его песком и покрыл лаком. Босые ступни Тиффани слегка прилипали к нему. И нигде не было ни пылинки, ни паутины. Комната была светлая, новенькая и совершенно не такая, какая должна быть комната в коттедже ведьмы.

— Я собираюсь одеться. — произнесла она в пространство. — Есть тут фиглы?

— Нетути. — раздался голос из под кровати.

После яростного перешептывания голос добавил: — То бишь, тучочки

едва ли кто из нас есть.

— Тогда закройте глаза. — сказала Тиффани.

Она оделась, прихлебывая чай. Чай в постель, когда ты даже не больна? Так обращаются только с королями и королевами!

И тут она заметила синяки на пальцах. Они совсем не болели, но кожа посинела там, где рулевое колесо ударило по ним. Так...

— Фиглы? — позвала Тиффани.

— Кривенс, вдругоряд ты нас не надуришь. — отозвался голос из под кровати.

— Вылезай оттуда и встань, чтобы я тебя видела, Вулли Валенок! — скомандовала Тиффани.

— Вот истинное каргство, мисс, как ты мя всегда узнаешь.

Под кроватью быстро пошептались и Вулли Валенок — а это и правда был он — вылез на свет божий, вместе с двумя другими фиглами и Горацио, сыром.

Тиффани уставилась на Горацио. Ну ладно, он все же голубой сыр и у он такого же цвета, как и фиглы. И, без всяких сомнений, такое же поведение. Но почему он был обернут в грязный лоскут фиглового тартана?

— Он нас знал. — сказал Вулли Валенок, обнимая Горацио обеими руками. — Можно, он останется со мной? Он все разумеет, что я не изреку!

— Это просто поразительно, потому что я — нет. — заметила Тиффани. — Слушай, мы попадали вчера в кораблерушение?

— Ох, айе. Почасти.

— Отчасти? Оно было на самом деле или нет?

— Ох, айе. — нервно ответил фигл.

— Да или нет? настаивала Тиффани.

— Почасти было и почасти нет, — пожившись ответил Вулли Валенок. — мне верны слова не ведомы...

— Фиглы все целы?

— О, айе, мисс. — оживился Вулли Валенок. — Нае проблемо. В конце концов, посудина и море только приснились.

— И айсберг тоже приснился? — спросила Тиффани.

— Ах, нет. Айсберг был настоящий, мистресс.

— Я так и думала. А ты уверен?

— Айе. Таки вещи мы разумеем. — ответил Вулли Валенок. — Верно, парни? — Два других фигла, оказавшись перед большой каргой вне спасительного окружения своих братьев, затрепетали, кивнули Тиффани и попытались спрятаться друг за другом.

— В море плавает настоящий айсберг, в виде меня? — в ужасе спросила Тиффани. — И кораблям попадетсЯ?

— Айе. Может быть. — ответил Вулли Валенок.

— Сколько от меня будет бед! — сказала Тиффани, вставая.

Раздался щелчок и конец одной из половиц выгнулся и завибрировал. Он выдрал два длинных гвоздя.

— А теперь еще и это. — слабо сказала Тиффани. Но фиГлы и Горацио уже исчезли.

За спиной Тиффани кто-то засмеялся, вернее загоготал, настоящим басовитым гоготом, с намеком, что кто-то услышал непристойную шутку.

— Чертенята не медлят, а? — сказала Няни Огг, просеменив в комнату. — А теперь, Тифф, я хочу, чтобы ты медленно повернулась и села на кровать, подняв ноги. Можешь это сделать?

— Конечно, миссис Огг. — ответила Тиффани. — Послушайте, я не хотела...

— Фух, да подумаешь половица. — ответила Няни Огг. — Меня больше беспокоит Эсме Ветровоск. Она говорила, что может случиться что-то подобное! Она была права, а мисс Тик нет! Им теперь вместе не ужиться! Эсме так высоко задерет нос, что у нее ноги земли касаться не будут!

Еще одна половица выгнулась со звуком пиу.

— И будет неплохо, если твои тоже, мисс. — добавила Няни Огг. — Я сейчас вернусь, одна нога здесь, другая там.

Что заняло, в результате, двадцать семь секунд. Нянюшка вернулась в комнату, держа в руках пару ядовито-розовых тапочек, украшенных зайчиками.

— Вот моя запасная пара. — сказала она и тут позади нее доска сказала треньк! выплюнув четыре больших гвоздя в стену. Выскочившая ранее половица, уже начала покрываться ростками, похожими на листья. Да, хоть и тоненькие и слабенькие, но это явно были листья.

— Я делаю все это? — нервно спросила Тиффани.

— Полагаю, что Эсме сама захочет рассказать тебе, — ответила Нянюшка, помогая Тиффани надеть тапочки. — но у тебя, мисс, запущенный случай Фертильности Стоп.

Где-то на задах памяти Тиффани доктор Сентимент Суетон на секунду очнулся ото сна и потрудился перевести.

— Плодородные Ноги? — сказала Тиффани.

— Молодец! Я не ожидала, что это возможно с половицами, уж поверь, но если подумать, то почему бы и нет. В конце концов, они

деревянные, потому и пытаются расти.

— Миссис Огг? — сказала Тиффани.

— Да?

— Прощу вас? Я не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите! Я ноги в чистоте держу! И еще, по моему, я огромный айсберг!

Нянюшка Огг медленно окинула ее ласковым взглядом. Тиффани пристально смотрела в темные мерцающие глаза. Не пытайся одурачить ее или что-либо скрыть от этих глаз, сказал ее Третий Помысел. Говорят, что она лучшая подруга Матушки Ветровоск с юности. Что означает, скрывающиеся под этими морщинками стальные нервы.

— Там внизу чайник. — оживленно сказала Нянюшка. — Почему бы нам не пойти вниз и не поговорить?

Тиффани посмотрела слово «профурсетка» в Полном Словаре и обнаружила, что оно означает «женщина, не настолько хорошая, какой ей полагается быть» и «особа легкого поведения». После некоторого размышления она пришла к выводу, что миссис Гита Огг, известная, как Нянюшка, весьма уважаемая персона. Начать с того, что она знает, как легко вести себя. И, если она не настолько хорошая, какой ей полагается быть, значит она настолько хороша, насколько должна.

У нее были подозрения, что мисс Тенета имела в виду что-то другое. Но ведь с логикой не поспоришь.

Во всяком случае, Няни Огг оказалась отличной слушательницей. Она вся превращалась в одно большое ухо и прежде, чем Тиффани успела осознать, она выложила ей все. Все. Нянюшка сидела напротив нее за огромным кухонным столом, спокойно попыхивая трубкой, украшенной вырезанным ежиком. Иногда она задавала незначительные вопросы, вроде — «И почему это так?» или «А затем что случилось?» и разговор продолжался. Дружелюбная легкая улыбка Нянюшки могла вытянуть из вас то, о чем вы и не подозревали, что знаете.

Пока они разговаривали, Третий Помысел Тиффани краем глаза обследовал комнату.

Она была на удивление чистая и светлая, и уставленная украшениями — дешевыми, красочными, на каких обычно пишут — «Лучшей в Мире Мамочке». А там, где украшений не было, стояли портреты семей, детей и младенцев.

Тиффани раньше думала, что в таких домах живут только знатные люди. Здесь были керосиновые лампы! Была жестяная ванна, удобно подвешенная на крюке снаружи уборной! Насос прямо в доме! Но Нянюшка сновала по дому в своем черном платье и совершенно не была

знатной.

С лучшего кресла в комнате за Тиффани следил огромный серый котяра, полуприкрыв дьявольски мерцающий глаз. Нянюшка сказала о нем: «Грибо... Не обращай внимания, он уже старый увалень», что опытная Тиффани перевела, как «Если ты подойдешь к нему, он вцепится тебе в ногу».

Тиффани говорила, как никогда раньше. Это какой-то вид магии, сделал вывод ее Третий Помысел. Ведьмы быстро находят способы, как подчинить человека своим голосом, но Нянюшка вслушивалась в вас.

— Этот парнишка Роланд, который не твой молодой человек. — сказала Няни, когда Тиффани остановилась чтобы перевести дыхание. — Думаешь выйти за него замуж?

Не лги, настаивал Третий Помысел.

— Я... Что только не взбретет в голову, когда не следишь за своими мыслями, верно? — ответила Тиффани. — Но я не думаю об этом специально. Да и все равно, остальные мальчишки, кого я ни встречу, лишь опускают глаза! Петулия говорит, что это из-за шляпы.

— Сними шляпу, это поможет, — сказала Няни Огг. — И, уж поверь, когда я была девушкой, мне также помогал глубокий вырез у лифа!

Тиффани посмотрела в темные глаза, пристально смотрящие на нее. Она рассмеялась. Миссис Огг расплылась в широченной ухмылке, которую следовало бы приличия ради изолировать от публики. И отчего то Тиффани стало гораздо лучше. Она прошла испытание.

— Должна сказать, что с Зимовым это наверняка не сработает. — добавила Нянюшка и уныние вернулось.

— Я ничего не имею против снежинок, — сказала Тиффани. — Но айсберг... По моему, это уж слишком.

— Пускает девушкам пыль в глаза. — сказала Нянюшка, попыхивая трубкой с ежиком. — Обычное дело.

— Он может погубить людей!

— Он зима. Это то, чем он занимается. Но я полагаю, что сейчас он немного не в себе, так как никогда раньше не влюблялся в человека.

— Влюблялся?

— Возможно, что он так считает.

И опять Нянюшка внимательно наблюдала за Тиффани.

— Он стихия, а они на самом то деле просты. — продолжала Няни Огг. — Но он пытается быть человеком. И это сложно. В нас столько всего, что он не понимает — не способен понять. Например злоба. Буря не испытывает злобы. Шторм не ненавидит тех, кого губит. Ветер не

проявляет жестокости. Но чем больше он думает о тебе, тем больше ему приходится думать о подобных чувствах, и нет никого, кто мог бы ему растолковать. Он не очень то и умен. Ему никогда не нужен был ум. И что интересно, ты тоже меняешься...

В дверь постучали. Няни Огг поднялась и открыла. За дверью стояла Матушка Ветровоск, а из-за ее плеча выглядывала мисс Тик.

— Мир этому дому. — сказала Матушка, но в ее голосе были нотки предполагающие, что если потребуется, то она может этот мир и отнять.

— Вполне возможно. — ответила Няни Огг.

— Значит, Фертильность стоп? — Матушка кивнула на Тиффани.

— Похоже, что запущенный случай. Она прошла по полу босиком и половицы проросли.

— Ха! И что ты предприняла? — спросила Матушка.

— Я прописала ей пару тапочек.

— Представить себе не могу, каким образом могла произойти аватаризация. Нет, когда мы говорим об элементалях, это не имеет никакого... — начала мисс Тик.

— Перестаньте болтать, мисс Тик. — оборвала ее Матушка Ветровоск. — Я заметила, что вы начинаете трещать без умолку, когда что-то не ладится и толку в этом нет.

— Не хочу волновать ребенка, вот и все. — ответила мисс Тик. Она взяла Тиффани за руку, похлопала по ней и продолжила. — Не волнуйся, Тиффани, мы...

— Она ведьма. — сурово сказала Матушка. — Мы должны сказать ей правду.

— Вы думаете, что я превращаюсь в... богиню? — спросила Тиффани.

Стоило посмотреть, как изменились их лица. Одна лишь Матушка Ветровоск не разинула рот, но самодовольно улыбнулась. Вид у нее был, как будто ее собака только что показала сложный трюк.

— Как ты догадалсь? — спросила Матушка.

Доктор Суетон подсказал: аватар, это воплощение божества. Но я вам об этом не скажу, подумала Тиффани. — Я угадала? — вслух сказала она.

— Да. — ответила Матушка Ветровоск. — Зимовой думает, что ты это... Ох, у нее множество имен. Например, Повелительница Цветов, например. Или Госпожа Лето. Она хозяйка лета, также как Зимовой хозяйин зимы. Так вот, он думает, что ты это она.

— Хорошо, — сказала Тиффани. — Но мы же знаем, что он не прав, так?

— Э... Не настолько не прав, как нам бы хотелось. — ответила Няни

Огг.

* * *

Фиглы держали военный совет в Нянюшкином амбаре, в котором они ночевали, правда совет был посвящен совсем не военным вопросам.

— Мы столкнулись, — объявил Роб Всякограб, — со случаем Романьтизма.

— Что это, Роб? — спросили фиглы.

— Айе, ты не про то, как мальцов ребягню сотворять? — спросил Вулли Валенок. — Ты нам позапрошлый год рассказывал. Жуть как интересно, но по мне так малек за уши притянуто.

— Не совсем про то, — ответил Роб Всякограб. — Этого так просто не опишешь. Тока сдается мне, что Зимовой наш хотит романьтизму с каргой и она не ведает, что с этим поделать.

— Значит, это про то, как делаются дитятки? — повторил Вулли Валенок.

— Не, то даже бестиям ведомо, а в романьтизме только люди секут. — сказал Роб. — Когда бык встречает леди му, ему не надобно говорить: «Сердце у мя затрепыхалось, как узрил я твою громадну рожу», потому как это у них само собой подразумевается. У людей все сложнее. Вишь ли, романьтизм шибко важен для людей. В основном для того, чтобы паренек смог подобраться к дивчине поближе и чтоб она ему не насувала и очи не выцарапала.

— Не разумею, как мы можем научить ее таким вещам. — сказал Ангюс Слегка с Приветом.

— Карга книги читает. — объяснил Роб Всякограб. — Как она книжку узреет, так сама себе и поможет. И у меня, — гордо добавил он, — есть План.

Фигла облегченно вздохнули. Они всегда становились счастливее, когда Роб предъявлял им План, поскольку почти все его планы сводились к набрасыванию с воплями на что бы то ни было.

— Расскажи нам про свой план, Роб. — попросил Величий Ян.

— Ах, рад я, что ты мя спросил. — сказал Роб. — Так вот, мой План: найти книгу про Романьтизм.

— И как мы ее найдем, Роб? — неуверенно спросил Билли Подбородище. Он был верным гоннаглем, но он был также достаточно умен, чтобы нервничать всякий раз, когда у Роба появлялся План.

Роб Всякограб беспечно махнул рукой. — А. - сказал он. — Старый фокус! Все, что нам треба, это велика шляпа, пальто, вешалка и черенок от метлы.

— О да? — сказал Величий Ян. — Ну так вот, я не собираюсь снова быть коленкой!

* * *

Ведьмы всегда все подвергают сомнению. Поэтому они решили проверить ступни Тиффани.

Могу поспорить, думала Тиффани, что никто во всем мире, кроме меня, такого проделывать не собирается.

Она поставила ноги в поднос с землей, которую быстренько накопила Няни Огг. Матушка Ветровоск и мисс Тик сидели на простых деревянных стульях, невзирая на то, что Грибо, серый котик, один занимал целое продавленное кресло. Никто не рискнет разбудить Грибо, когда тому хочется спать.

— Что-нибудь чувствуешь? — спросила мисс Тик.

— Земля немножко холодная и все... ох... что-то происходит...

Вокруг ее ступней появились зеленые побеги и стали быстро расти. Затем они побелели у корней, набухли и мягко отодвинули ступни Тиффани в сторону.

— Лук? — пренебрежительно спросила Матушка Ветровоск.

— Все, что я смогла быстро найти. — ответила Няни Огг, выковыривая блестящие беленькие луковички. — Подходящий размер. Молодец, Тифф.

Матушка была шокирована. — Ты не собираешься их съесть, Гита? — спросила она осуждающе. — Собираешься, так ведь? Ты собираешься съесть их!

Нянюшка Огг, держащая в каждой пухлой ручке по пучку лука, какое-то мгновение выглядела виноватой.

— Почему нет? — решительно заявила она. — Не следует пренебрегать свежими овощами зимой. И к тому же, у нее ноги миленькие и чистенькие.

— Это неприлично. — сказала мисс Тик.

— Мне не было больно. — вставила Тиффани. — Все, что надо сделать, это на секунду поставить ноги на поднос.

— Вот и она сама говорит, что это не больно, — настаивала Няни

Огг, — Так, я думаю, что у меня завалились старые семена моркови в ящике на кухне... — Она заметила выражение лиц у остальных.

— Ну ладно, ладно. Нечего на меня так смотреть. — сказала она. — я лишь пытаюсь увидеть во всем этом светлую сторону.

— Кто-нибудь, пожалуйста, объясните, что со мной происходит? — завопила Тиффани.

— Мисс Тик собирается использовать длинные слова для объяснения, — сказала Матушка. — Но все они сводятся к следующему: Это История. Она пытается подогнать тебя под себя.

Тиффани постаралась не выглядеть как кто-то, не понимающий ни единого слова из того, что услышал.

— По моему, я в состоянии выслушать подробности. — сказала она.

— Пойду-ка заварю чай. — сказала Нянюшка Огг.

Глава седьмая

В вихре Танца

Зимовой и Госпожа Лето... танцевали. Этот танец никогда не останавливался.

Ведь на самом деле Зима не умирает. Не умирает так, как это делают люди. Она таится в запоздалых заморозках, в предвестниках осени холодными летними вечерами, а в жару она спасается бегством в горы.

Лето тоже не умирает. Лето прячется в почве, зимующие под землей почки набухают и тянут беленькие ростки под опавшую листву. Какая то его часть устремляется в сердце самой жаркой пустыни, где не бывает зимы. Для животных это всего лишь погода, часть их существования.

Когда появились люди, они дали им названия, также как древние народы наполнили звездное небо героями и чудовищами, превартив их этим в истории. И люди полюбили истории, поскольку то, что стало историей, можно изменить. Но в этом то и была загвоздка.

Госпожа Лето и Зимовой танцевали круглый год, меняясь местами осенью и весной и такой порядок существовал тысячи лет, вплоть до тех пор, пока одна девочка не потеряла голову и не кинулась в пляс в самое неподходящее время.

Но История тоже живет своей жизнью. Можно представить ее пьесой. Представление продолжается весь год и если исполнителем роли окажется не настоящий актер, а всего лишь девочка, случайно забредшая на сцену, то несладко ей придется. Она должна будет носить костюм, играть роль и надеяться, что все хорошо закончится. Измени Историю, даже не желая того, и История изменит тебя.

Вообще то, мисс Тик употребила намного больше слов и в том числе такие сложные, как «антропоморфная персонофикация», но у Тиффани в голове все отложилось именно в таком виде.

— Значит... Я не богиня? — спросила она.

— Ох, как мне не хватает школьной доски, — вздохнула мисс Тик. — Хотя, вряд ли она пережила бы утопление, да и мел размокнет...

— То, о чем мы думаем, произошло во время Танца. — громко сказала Матушка Ветровоск. — Вы с Госпожой Лето... перемешались.

— Перемешались?

— У тебя могут проявиться кое-какие из ее дарований. В мифах о

Госпоже Лето говорится, что под ее ногами расцветают цветы. — продолжила Матушка Ветровоск.

— Расцветают, где бы не ступила, — чопорно поправила ее мисс Тик.

— Что? — огрызнулась Матушка, расхаживающая туда-сюда перед камином.

— Там говорится, «Где не ступила бы ее нога», — пояснила мисс Тик. — Так более поэтично.

— Ха, — ответила Матушка. — Поэзия!

Интересно, будут ли у меня из-за этого неприятности? — подумала Тиффани.

Вслух она спросила — А что насчет настоящей Госпожи Лето? Она будет сердиться?

Матушка Ветровоск остановилась и поглядела на мисс Тик, которая ответила: — Ах, да... Эээ... Мы изучаем любую возможность...

— Другими словами, мы не знаем. — сказала Матушка. — Вот в чем правда. Это же боги. Но, раз уж ты спросила, то да, она может быть несколько раздражена.

— Я не видела ее в Танце. — сказала Тиффани.

— А Зимового ты видела?

— Хм... нет. — ответила Тиффани. Какими словами можно описать то удивительное, бесконечное, золотое кружение, длящееся всего один миг? Когда ты не ограничена ни телом, ни мыслями. Но там было два голоса, которые спросили «Кто ты?».

Тиффани надела ботинки. — Э... Где она сейчас? — спросила она, завязывая шнурки. Кто знает, вдруг ей придется удирать.

— Наверное спряталась под землю на зиму. Госпожа Лето не разгуливает по земле, когда зима настает.

— До сих пор не разгуливала. — с готовностью встряла Няни Огг. Казалось, что все происходящее доставляет ей удовольствие.

— Ах, миссис Огг напомнила еще об одной проблеме. — сказала мисс Тик. — Зимовой и Госпожа Лето, ммм, они... никогда не... — она умоляюще поглядела на Няни Огг.

— Они встречаются только в Танце. — пояснила Няни Огг. — Но сейчас ты здесь и он считает тебя Госпожой Лето, нахально разгуливающей вокруг, поэтому ты можешь... как бы это сказать...?

— ... вызывать в нем романтические побуждения. — быстро вставила мисс Тик.

— Я бы сказала не так. — не согласилась Няни Огг.

— Да уж, я полагаю, что не так! — сказала Матушка. — Я полагаю, ты

собиралась использовать Выражения!

Тиффани могла слышать заглавную В, ясно говорящую, что упомянутые выражения в приличном обществе не употребляются.

Няни встала и попыталась принять надменный вид, но с лицом, как счастливое яблочко, это сделать очень трудно.

— Вообще-то я собиралась обратить внимание Тиффани вот на что. — сказала она, снимая безделушку с заставленной украшениями каминной полки. Это был маленький домик. Тиффани уже успела его заметить; в передней стене у него были две крошечные двери и перед ней стоял маленький деревянный человечек в высокой шляпе.

— Это погодный домик. — сказала Нянюшка, передавая его Тиффани. — Я не знаю, как он работает — там есть какие-то специальные веревочки или что-то вроде того — но перед дождем из него выходит маленький деревянный человечек, а в ясную погоду — маленькая деревянная женщина. Но они стоят на маленьком стержне, видишь? Они не могут выйти одновременно, понимаешь? Никогда. И я не могу отделаться от мысли, что когда погода меняется, маленький человечек может увидеть краем глаза женщину и подумать...

— Это касается секса? — спросила Тиффани.

Мисс Тик посмотрела на потолок. Матушка Ветровоск откашлялась. Няни расхохоталась во все горло, так громко, что даже деревянный человечек смутился.

— Секс? — спросила она. — Между Летом и Зимой? Надо подумать.

— Нечего... об этом... думать. — процедила Матушка. Она повернулась к Тиффани. — Он очарован тобой, вот в чем дело. И мы не знаем, сколько в тебе могущества Летней Хозяйки. Она может быть совершенно ослабевшей. И тебе придется быть летом во время зимы до тех пор, пока зима не закончится. — ровным голосом закончила она. — Так будет справедливо и никаких оправданий. Ты сделала выбор. Ты получила то, что выбрала.

— А не могла бы я просто найти ее и извиниться... — начала Тиффани.

— Нет. Старые боги не большие поклонники извинений. — ответила Матушка, расхаживая перед камином. — Они знают, что это всего лишь слова.

— Знаешь, что я думаю? — сказала Няни. — Я думаю, что она наблюдает за тобой, Тифф. Она говорит себе — «Что это за легкомысленная девица разгуливает в моих тапочках? Что же, пусть пройдет в них с милю и там посмотрим, как ей это понравится!»

— В словах миссис Огг что-то есть. — сказала мисс Тик, перелистывая Мифологию Чаффинча. — Боги требуют расплаты за ошибки.

Няни Огг похлопала Тиффани по руке. — Если ей хочется посмотреть, на что ты способна, покажи ей это, Тифф. Вот так! Удиви ее!

— Вы имеете в виду Госпожу Лето? — сказала Тиффани.

Няни подмигнула. — О, и госпожу Лето тоже!

Мисс Тик издала звук, похожий на сдавленный смешок, Матушка Ветровоск кинула на нее быстрый взгляд.

Тиффани вздохнула. Хорошо говорить о выборе, но сейчас то у нее выбора нет.

— Ладно. Что еще можно ожидать кроме... ног?

— Сейчас, ээ, посмотрю. — сказала мисс Тик, продолжая листать. — Ага... Тут сказано, что она была, вернее есть, прекраснее звезд на небе...

Все поглядели на Тиффани.

— Тебе надо что-то сделать с волосами. — наконец сказала Няни Огг.

— Например? — спросила Тиффани.

— Да хоть что-нибудь.

— Кроме ног и прически, — резко сказала Тиффани, — Есть что-нибудь еще?

— Здесь также приведена цитата из одной древней рукописи: «В апреле она ступает по траве и заполняет улья сладким медом.» — доложила мисс Тик.

— Как мне это сделать?

— Я не знаю, но подозреваю, что это произойдет в любом случае. — ответила мисс Тик.

— И все заслуги припишут Госпоже Лето?

— Я подозреваю, для того, чтобы все это произошло, достаточно лишь ее существования и ничего больше.

— Что-нибудь еще?

— Эээ, да. Ты должна принять меры, чтобы зима закончилась — продолжила мисс Тик. — И, конечно же, вести дела с Зимовым.

— И как мне сделать это?

— Мы думаем, что ты только должна... быть. — сказала Матушка Ветровоск. — А может ты все узнаешь, когда придет время.

Мяу.

— Быть где? — спросила Тиффани.

— Везде. Повсюду.

— Матушка, у вас шляпа пицит. — сказала Тиффани. — Она

мяукнула!

— Ничего подобного. — отрезала Матушка.

— Мяукнула и ты это знаешь. — сказала Няни Огг. — Я тоже это слышала.

Матушка Ветровоск фыркнула и сняла шляпу. Беленький котенок, свернувшийся клубком вокруг тугой кубышки волос, зажмурился от света.

— Ничего не могла поделаться. — проворчала Матушка. — Если оставить эту заразу одну, она залезает под комод и орет, и орет.

Матушка огляделась по сторонам, как бы подзадоривая остальных на высказывание. — Ничего, — добавила она. — Зато голове тепло.

Грибо, спящий в своем кресле, лениво приоткрыл левый глаз.

— Эй, Ты, слезай давай. — сказала Матушка, снимая котенка с головы и ставя его на пол. — Осмелюсь предположить, у миссис Огг на кухне есть молоко.

— Не так много. — ответила Няни. — Могу поклясться, его что-то пьет!

Действующий глаз Грибо широко раскрылся и он глухо заурчал.

— Ты точно знаешь, что делаешь, Эсме? — спросила Нянюшка и потянулась за подушкой, чтобы бросить ее. — Он ревностно охраняет свою территорию.

Кошечка Ты уселась и начала мыть ушки. Но как только Грибо приподнялся, она невинно взглянула на него и, выпустив когти, прыгнула ему на нос.

— Она тоже. — ответила Матушка. Грибо скатился с кресла, пролетел через комнату и исчез на кухне. Из кухни донесся грохот падающих кастрюль, крышка от кастрюльки, лязгая, прокатилась по полу, завертелась, как юла, и наконец все стихло.

Кошечка, бесшумно переступая мягкими лапками, вернулась в комнату, запрыгнула в пустое кресло и свернулась клубком.

— На прошлой неделе он разодрал на части волка. — сказала Няни Огг. — Ты не Экспериментировала^[7] с бедняжкой, а?

— Даже и не мечтала. — ответила Матушка. — Просто она знает, что ей нужно, вот и все. — Она повернулась к Тиффани. — Думаю, что Зимовой оставит тебя в покое на какое-то время. — сказала она. — Скоро зима. Он будет очень занят. А миссис Огг тем временем научит тебя... всему, что знает.

И Тиффани подумала: интересно, насколько нескромным будет это учение.

Посреди продуваемой всеми ветрами вересковой пустоши в глубоком снегу застрял фургон. Внутри него, вокруг остывающей печки сидели странствующие библиотекари, размышляя, что бы им еще сжечь.

Тиффани мало чего удалось разузнать о библиотекарях. Они чем-то напоминали странствующих жрецов и учителей, которые приходили даже в самые крохотные и малолюдные деревушки, поставляя то, без чего люди могут обходиться неделями, но что иногда бывает им до зарезу нужно — богослужения, лекарства, факты. Занять книгу в библиотеке стоило пенни, но библиотекари часто принимали в оплату еду и поношенную одежду. Однако, если принести им новую книгу, то они давали почитать десять книг бесплатно.

Временами, можно было заметить два или три библиотечных фургона, расположившихся на поляне, и в воздухе пахло клеем, который варили, чтобы починить истрепавшиеся книги. Некоторые книги были такими старыми, что их текст был полуистерт взглядами читателей.

Библиотекари были таинственными существами. Говорили, что они понимали какая книга вам нужна, лишь взглянув на вас, и что они могли отобрать у вас голос словом.

Но сейчас, в застрявшем фургоне, они шарили по книжным полкам в поисках знаменитой книги Т.Г. Маусхолдера «Выживание в снегах».

Положение становилось все более отчаянным. Волы, тянущие фургон, разорвали привязи и убежали, спасаясь от вьюги, печка почти прогорела и что было хуже всего, догорали последние свечи, а это означало, что вскоре они не смогут читать книги.

— В книге К. Пайерпойнта Паундсворта «Среди снежных куниц» сказано, что участники злосчастной экспедиции в Китовом Заливе выжили, питаясь супом из пальцев собственных ног. — сказал Помощник Библиотекаря Гриззлер.

— Очень интересно, — ответил Старший Библиотекарь Свинслей, обыскивающий нижнюю полку. — А рецепт там есть?

— Нет, но он может быть в книге Роскоша Ворона «Кулинария в Затрудненных Обстоятельствах». Это там мы вчера нашли рецепт Питательного Сюрприза из Вареных Носков...

В дверь оглушительно забарабанили. Дверь фургона состояла из двух половинок — верхней и нижней. Можно открывать только верхнюю часть и использовать выступ на нижней части как подставку. Стук не

прекращался и в щель между половинками посыпался снег.

— Надеюсь, это не волки опять. — сказал мистер Гриззлер. — Я всю ночь не спал!

— А у них принято стучать? Надо бы глянуть в «Повадках волков» капитана У.И. Лайтли, — ответил ему Старший Библиотекарь Свинслей. — А еще проще взять и открыть дверь. Давай быстро! Свечи вот вот погаснут!

Гриззлер открыл верхнюю половинку двери. На ступеньках стояла высокая темная фигура, трудно различимая в неровном лунном свете.

— Я ищу Романьтизм. — громко сказала фигура.

Помощник Библиотекаря на мгновение задумался и затем спросил: — Холодище-то какой, а?

— Энто вы те люди со всякими разными книжками? — упорствовала фигура.

— Точно... О, книги о любви! Да, конечно! — с облегчением сказал мистер Свинслей, — В таком случае, вам нужна мисс Дженкинс. Мисс Дженкинс, подойдите пожалуйста.

— Да вы тут змерзли, кажись. — продолжала фигура. — С потолка сосульки свешиваются.

— Да, но к книгам мы их не подпустили. — ответил мистер Свинслей. — Ага, мисс Дженкинс, вот джентельмену нужны книги о любви. Это ваш отдел.

— Да, сэ. — ответила мисс Дженкинс. — Какого рода книги о любви вам нужны?

— О, ну тама обкладинка, вишь, со страницами и письменами. — сказала фигура.

Мисс Дженкинс, привыкшая к подобным вещам, скрылась в темном конце фургона.

— Да энти противцы совсем ошалели! — послышался другой голос. Он исходил откуда то из недр искателя книги, намного ниже головы.

— Простите? — спросил мистер Свинслей.

— А, нае проблемо, — быстро ответила фигура. — То мя буркотлива коленка донимает, старая беда...

— Почему бы им не спалить все энти книги, а? — пробурчала невидимая коленка.

— Я звиняюсь, знаете, как эти колени могут вас опозорить на людях. От я мученик. — проговорил путник.

— Я вас так понимаю. Мой локоть так же ведет себя в сырую погоду. — ответил мистер Свинслей. В нижней половине тела путника

поисходила какая-то борьба и он весь трясся, как марионетка.

— С вас один пенни. — появилась мисс Дженкинс. — И мне нужны ваши имя и адрес.

Темная фигура пожала плечами. — О... Мы никогда наши прозвания и адрес не даем! Это супротив нашей религии, вишь ли. Эээ... Не хочу уподобляться своей коленке, но почему здесь така холодища?

— Наши волы убежали и, увы, снег слишком глубоок, чтобы идти. — ответил мистер Свинслей.

— Айе. Но у вас тут печка и все эти старые исхошие книженции. — сказала темная фигура.

— Да, мы знаем. — ответил озадаченный библиотекарь.

Возникла неприятная пауза, обычная для таких моментов, когда собеседники даже не собираются понимать чужую точку зрения. Затем разговор продолжился:

— Вот что я те реку, я и... мое колено... пойдём и поймём ваших коровок, а? — сказала таинственная фигура. — Будет стоить пенни, а? Великий Ян, ты щас у меня дождешься!

Путник исчез. Лишь снег кружился в лунном свете. Какое-то мгновение была слышна возня, затем раздался вопль «Кривенс!», быстро затихающий вдали.

Библиотекари только собирались закрыть дверь, как вдруг услышали приближающееся мычание перепуганных волов.

По сверкающей в лунном свете поляне, двигались две полукруглые снежные волны. Животные плыли по снегу, как парусники, и мычали на луну. Волны остановились в нескольких метрах от фургона. Мелькнуло расплывчатое, красно-синее пятно и любовный роман исчез.

Но что показалось библиотекарям действительно странным, как они все согласились, это то, что стремительно несущиеся сквозь снег волы, двигались задом наперед.

* * *

С Няни Огг так просто не смутишься, ее смех прогонял любое смущение. А ее саму ничто не могло сконфузить.

Тиффани, одетая в дополнительную пару носков, дабы избежать нежелательных растительных происшествий, отправилась с ней «обходить дома», как говорят ведьмы.

— Ты помогала мисс Тенете? — спросила Няни, когда они вышли из

дома. Большие, тяжелые тучи сгрудились на горных вершинах, похоже, что ночью будет снегопад.

— Да, и мисс Левел и мисс Пуландер.

— Нравится тебе это дело? — спросила Нянюшка, закутываясь в накидку.

— Иногда. Нет, я понимаю почему мы этим занимаемся, но временами тебя начинают доставать все эти глупцы. Вот лекарства делать мне нравится.

— Разбираешься в травах?

— Нет. Я очень хорошо разбираюсь в травах.

— О, да ты немного хвастунишка, а? — подначила ее Няни.

— Глупо заявлять такое, если не уверен в себе, миссис Огг.

— Это точно. Это хорошо. Хорошо, когда разбираешься хоть в чем-то. Так, наше следующее скромное благодеяние...

— вымыть старушку, как можно чище, с помощью пары жестяных тазиков и кучи мочалок. Это было ведовством. Затем они заглянули к женщине, которая только что родила, и это тоже было ведовством; и к человеку с отвратительной раной в ноге, о которой Няни Огг сказала, что она почти прошла, что тоже было ведовством. Затем, в одном из стоящих на отшибе маленьких коттеджей, тесно прижавшихся друг к другу, они вскарабкались вверх по узкой лестнице в крошечную спальню, где в них выстрелили из арбалета.

— Жив еще курилка? — спросила Нянюшка. — Хорошо выглядишь! Могу поклясться, тот тип с косой уж и забыл, где тебя искать!

— Я его дожидаюсь, миссис Огг! — бодро ответил старик. — Уж коли придется мне умирать, то я и его прихвачу с собой!

— А это моя Тифф. Она учится ведовству. — сказала Няни, повышая голос. — Это мистер Хогпарсли, Тифф... Тифф? — Няни пощелкала пальцами перед глазами Тиффани.

— А? — сказала Тиффани, застывшая в ужасе.

Звук выстрела, раздавшегося сразу после того, как Няни открыла дверь, был сам по себе устрашающим, но она могла бы поклясться, что стрела прошла прямо сквозь Нянюшку и вонзилась в дверной косяк.

— Как не стыдно стрелять в юную леди, Билл. — строго сказала Няни, взбивая подушки. — И миссис Доусер жалуется, что ты стреляешь в нее, когда она приходит тебя проведать. — добавила она, ставя корзинку на пол рядом с кроватью. — Разве так обращаются с порядочной леди, что приносит тебе еду, а? Как не стыдно!

— Простите, Нянюшка. — пробормотал мистер Хогпарсли. — Просто

она тощая, как спичка и вся в черном. В слабом свете и обознаться нетрудно.

— Мистер Хогпарсли лежит и Смерть поджидает, Тифф. — продолжала Няни. — Госпожа Ветровоск помогла смастерить особые ловушки и стрелы для Смерти, так ведь Билл?

— Ловушки? — прошептала Тиффани. В ответ Няни подтолкнула ее локтем и показала на пол. На полу были нарисованы страшные шипастые капканы.

Они все были начертаны углем.

— Верно я говорю, Билл? — повторила Няни, повышая голос. — Она помогла тебе с ловушками!

— Верно, она их смастерила! — ответил мистер Хогпарсли. — Ха! Не хотел бы перейти ей дорогу!

— Это точно! Поэтому больше никаких стрел из арбалета ни в кого, кроме Смерти, хорошо? Иначе госпожа Ветровоск больше не будет тебе помогать. — сказала Нянюшка, ставя бутылку на старый деревянный ящик, служащий мистеру Хогпарсли прикроватным столиком. — Вот твоя порция, свеженькая. Куда она дела твою боль?

— Вот тут на плече, миссус, мне совсем не мешает.

Няни дотронулась до его плеча и на мгновение о чем-то задумалась. — Это такая белая с коричневым загогулина? Такая вытянутая?

— Точно, миссус. — сказал мистер Хогспраслей, вытаскивая пробку из бутылки. — Качается там и смешит меня. — Пробка с хлопком выскочила. В комнате разлился запах яблок.

— Оно растет. — заметила Нянюшка. — Госпожа Ветровоск придет вечером, чтобы удалить его.

— Ваша правда, миссус. — сказал старик, наливая кружку до краев.

— Постарайся не подстрелить ее, хорошо? Это ее только разозлит.

Когда они покинули коттедж пошел снег, крупные пушистые хлопья, предвещающие много дел.

— На сегодня все. — объявила Няни. — У меня есть кое-какие дела в Ломте, но я займусь ими завтра.

— Стрела, которую он в нас выпустил... — сказала Тиффани.

— Воображаемая! — ответила Няни, улыбаясь.

— На мгновение она была совсем как настоящая!

Няни Огг расхохоталась. — Просто изумительно, что Эсме Ветровоск может заставить людей вообразить!

— Например, ловушки для Смерти?

— О, да! Зато это вернуло старине интерес к жизни. Он уже на пороге.

Но по крайней мере, Эсме постаралась, чтобы боли не было.

— Потому что боль висит в воздухе над его плечом? — спросила Тиффани.

— Ага. Она удалила ее из тела, так что ему теперь не больно. — ответила Няни. Снег скрипел под ее ногам.

— Я не знала, что так можно делать.

— Я умею убирать боль в простых случаях, например, когда зубы болят и так далее. Но Эсме у нас чемпион. Никто из нас не самонадеян настолько, чтобы отказываться от ее помощи. Забавно, как много хорошего она делает людям, учитывая, что не больно то она их любит.

Тиффани мельком глянула на небо, но Няни была таким неудобным человеком, который замечал все.

— Задумалась, не свалится ли тебе на голову влюбленный мальчишка? — спросила она, широко ухмыляясь.

— Няни! В самом-то деле!

— Но ты же задумалась, верно? — сказала Няни, не ведающая стыда. — Конечно, он всегда где-то рядом, если подумать. Ты проходишь сквозь него, чувствуешь его на своей коже, ты стряхиваешь его со своих ботинок, заходя в дом...

— Не надо так говорить, пожалуйста? — сказала Тиффани.

— К тому же, что такое время для стихии? — весело болтала Няни. — Чай снежинки сами себя не делают, особенно, если руки ноги надо правильно расположить...

Она косится на меня искоса, проверяя, не покраснела ли я, — думала Тиффани, — я знаю.

Затем Няни толкнула ее локтем в ребра и засмеялась одним из своих смехов, который заставил бы покраснеть и камень.

— Тем лучше для тебя! — сказала она — Я просто обожала стряхивать с ботинок кое-кого из своих дружков!

* * *

Тиффани уже собралась укладываться, как обнаружила под подушкой книгу.

Название, выведенное кричащим красным цветом, гласило «Игрушка Страсти» Марджори Дж. Коррсет. Ниже, буквами поменьше, было добавлено: «Боги и Люди сказали — их любви не бывать, но они не слушали никого! Новый роман о страстной любви от автора Разделенных

Сердец!!!»

На обложке была изображена девушка в довольно скудных, на взгляд Тиффани, одеждах. Ее волосы и платье развевались на ветру. Она явно была в отчаянии и также слегка замерзла. С некоторого расстояния за ней наблюдал юноша, сидя верхом на коне. По видимому, начиналась гроза.

Странно. Внутри стоял библиотечный штамп, а библиотекой Няни не пользовалась. Ну что же, почему бы не почитать перед сном.

Тиффани перевернула первую страницу. Затем вторую. Когда она добралась до девятнадцатой, то встала и сходила за Словарем без Пропусков.

У меня есть старшие сестры и кое в чем я разбираюсь, сказала себе Тиффани. Но эта Марджори Дж. Коррсет просто смехотворно заблуждается в некоторых вещах. Например, девушки на Мелу не часто бегают от парней, достаточно богатых, чтобы иметь свою собственную лошадь — или же бегают недолго, оставляя шанс быть пойманными. И Мэгс, героиня книги, не имела ни малейшего представления о работе на ферме. Какой парень будет заинтересован в девушке, не умеющей ни лекарство корове дать, ни поросенка удерживать? Какой от нее толк в хозяйстве? Коровы сами не подоятся и овцы не постригутся, пока ты будешь стоять и красоваться со своими вишневыми губками.

И еще одно. Этой Марджори Дж. Коррсет хоть что-нибудь известно об овцах? Она описывает овечью ферму летом, так? И когда же они стригут овец? Это второе по важности событие в жизни фермы и о нем даже не упомянуто?

Конечно, они могли разводить Лысых Хаббаков или Низинных Коббелвортсов, не требующих стрижки, но эти породы так редки, что любой здравомыслящий автор должен был это отметить.

И та сцена в пятой главе, когда Мэгс бросила овец пастись одних и пошла собирать орехи с Роджером... Ну что за глупость? Овцы могли забрести куда-угодно и каким дураком надо быть, чтобы собирать орехи в июне.

Она прочитала еще немного и подумала: О, понятно. Хммм. Ха. Орехи тут не причем, оказывается. На Мелу такие вещи называли «пойти кукушкино гнездо искать».

В этом месте она отложила книгу и сходила вниз за новой свечой, затем улеглась в кровать, согрела ноги и продолжила чтение.

Должна ли Мэгс выйти замуж за угрюмого темноглазого Вильяма, хозяина двух с половиной коров или же ей переметнуться к Роджеру, называющему ее «моя гордая красотка», но который очевидно плохой,

потому что у него усы и он ездит верхом на черном жеребце?

Почему она вообще должна выбирать между ними двумя, задумалась Тиффани. В любом случае, она слишком много времени проводит простаивая с многозначительным видом и надувая губки. Им всем делать что ли нечего? И если она всегда так одевается, то подхватит лихорадку.

Просто удивительно, с чем приходится мириться мужчинам. Но это все наводит на размышления.

Она задула свечу и нырнула под стеганное пуховое одеяло, белое, как снег.

* * *

Снег укрыл Мел. Овцы на нем казались грязно-желтыми. Снег скрыл звезды, но сверкал своим собственным светом. Он лип к окнам, скрадывая теплое сияние свечей. Но замок ему скрыть не удавалось. Замок стоял на холме неподалеку от деревни, каменная громада царила над крытыми соломой домишками. Казалось, что домишки выросли из земли, но замок пригвождал землю. Он говорил: Я Владею.

Роланд сидел у себя в комнате и старательно писал. Он не обращал внимания на стук молотков снаружи.

Аннаграмма, Петулия, мисс Тенета — письма Тиффани были наполнены людьми из дальних мест со странно звучащими именами. Иногда он пытался представить себе их и задумывался, не выдумала ли она их всех. Все это ведовство казалось... не таким, каким его расписывали. Оно казалось...

— Ты слышишь, негодный мальчишка? — торжествующе закричала Тетя Данута. — Теперь твоя дверь забита снаружи! Это для твоего же блага. Будешь сидеть там до тех пор, пока не будешь готов извиниться!

— тяжким трудом, если честно. Заслуживающим уважения, как например посещения больных и все такое, но отнимающим все время и не очень-то магическим. Ему доводилось слышать о «танцах без подштанников» и он прилагал все усилия, чтобы не фантазировать о них, но как бы то ни было, похоже, что ничего подобного не происходило. Даже полет на метле звучал таким...

— И нам стало известно о твоём секретном проходе, о да! Его замуровали! Больше не сможешь показывать кукиш людям, которые так стараются ради тебя!

— скучным. Он отложил перо, с отсутствующим видом глядя на

тщательно сложенные за кроватью груды буханок и колбас. Сегодня ночью нужно будет запастись луком, подумал он. Генерал Тактикус писал, что нет ничего лучше лука для нормальной работы пищеварения, если свежих фруктов не найти.

Что бы написать, что написать... Да! Он напишет ей о званном вечере. Он пошел на него только потому, что отец, когда у него было улучшение, попросил его об этом. Очень важно поддерживать отношения с соседями, но не с родственниками! Так приятно было прогуляться и ему удалось оставить лошадь в конюшне мистера Геймли, где тетушкам не пришло бы и в голову искать. Да... Ей будет приятно почитать про вечеринку.

Тетушки начали кричать, что запрут дверь в комнату отца. И они перекрыли секретный проход. Это означало, что теперь у него остались только вынимающийся камень в стене, открывающий проход за гобелены в соседней комнате; незакрепленная плитка в полу, позволяющая проникнуть в комнату снизу и цепь за окном, по которой он мог спуститься на землю. И на его столе, на книге Генерала Тактикуса лежал набор новеньких, сияющих ключей от замка. Мистер Геймли сделал их для него. Кузнец был вдумчивым мужчиной и видел смысл в дружбе с будущим бароном.

Он мог выходить и идти куда захочет, что бы они не делали. Они могут запугать его отца, они могут кричать сколько им влезет, но они никогда не заполучат его.

Многому можно научиться из книг.

* * *

Зимовой учился. Учеба давалась ему нелегко и медленно. Что поделывать, ведь ему пришлось сделать мозги из льда. Однажды он наткнулся на снеговиков. Их лепили из снега маленькие люди. Как оказалось, только они и люди в остроконечных шляпах могли слышать его. Большие люди знали, что в воздухе не бывает невидимых разговаривающих созданий. Но самые маленькие еще этого не выучили.

На улице большого города стоял большой снеговик. Вообще то, честнее было бы назвать его грязевик. Технически, он был сделан из снега, но снег, пролетев сквозь городской туман, смог и дымы, стал желтовато-серым и затем, то, что попало на мостовую, было отброшено в сточные канавы колесами экипажей. В лучшем случае, его можно было назвать почти снеговик. Но три неопрятных ребенка все равно его лепили, потому, что на то он и снег, чтобы лепить из него что-нибудь, что можно будет

назвать снеговиком. Даже если он будет желтого цвета.

Но они старались как могли, используя то, что было у них под рукой — две лошадиные катышки вместо глаз и дохлая крыса вместо носа.

Когда они вставляли их, снеговик заговорил с ними.

Маленькие люди, почему вы это делаете?

Мальчик, который, возможно, был старшим мальчиком, поглядел на девочку, которая могла быть старшей девочкой. — Я скажу тебе, что слышал, если ты тоже скажешь, что слышала.

Девочка, которая была еще слишком мала, чтобы услышав голос снеговика, подумать — «снеговики не разговаривают», ответила — Их вставляют, чтобы вы стали снеговиком, мистер.

Тогда я стану человеком?

— Нет, потому что... — она замялась.

— У тебя внутренностей нет. — сказал третий, самый маленький ребенок, который мог быть либо младшим мальчиком, либо младшей девочкой, но он был так укутан в одежду, что невозможно было точно сказать. На нем была розовая шерстяная шапочка с кисточкой, но это мало что меняло.

Однако, кто-то позаботился о нем и вышил буквы «Л» и «П» на его варежках и «П» и «З» на курточке, «В» на шапке и «Н» внутри его резиновых ботинок. Поэтому, хотя было непонятно, кто перед вами, но по крайней мере можно было узнать, где у него верх и низ и куда он смотрит.

Мимо проехала повозка, отбрасывая волну снежной жижи.

Внутренности? — сказал секретный голос снеговика. — Да, сделанные из особой пыли! Но из какой пыли?

— Железной. — предположил старший мальчик. — Железа, чтобы сделать гвоздь.

— Ага, правильно, там так говорится. — подхватила предположительно старшая девочка. — Мы обычно скачем под нее. Э... Железа, чтобы сделать гвоздь, воды — корову утопить...

— Собаку. — поправил ее предположительно старший мальчик. — Там идет: Воды, щенка в ней утопить. Серы — вывести всех блох. А про корову там сказано: Яд — корову отравить.

Что это? — спросил Зимовой.

— Это... Что-то вроде старинной песни. — ответил старший мальчик.

— Скорее стих. Его все знают. — добавила старшая девочка.

— Эта называется «Из Чего Только Сделаны Люди». — вставил ребенок, повернутый в нужную сторону.

Расскажите мне остальное. — потребовал Зимовой и они рассказали

ему все, что знали, прямо здесь, на ледяной мостовой.

Когда они закончили, предположительно старший мальчик с надеждой спросил. — Ты не возьмешь нас полетать с собой?

Нет, — ответил Зимовой. — Я должен отправиться на поиски! Поиски того, из чего сделан человек!

* * *

В один из морозных дней, когда даже небо застыло от холода, в дверь Нянюшкиного коттеджа бешено заколотили. Это была Аннаграмма, которая чуть ли не рухнула через порог. Выглядела она ужасно и у нее зуб на зуб не попадал.

Няни и Тиффани подвели ее к огню, но она сразу заговорила, даже не дав зубам согреться.

— Ччччерепа! — потребовала она.

Боже мой, подумала Тиффани.

— Что с ними? — спросила она, а Няни Огг поспешила на кухню за горячим питьем.

— Ччччерепа ммммис Тттенеты!

— Да, и что с ними?

Аннаграмма отхлебнула из кружки. — Что ты с ними сделала? — выдохнула она, какао потекло по ее подбородку.

— Похоронила.

— О, нет! Почему?

— Это же черепа. Нельзя черепам валяться где попало!

Аннаграмма дико огляделась. — Можешь дать мне лопату?

— Аннаграмма! Нельзя раскапывать могилу мисс Тенеты!

— Но мне нужны черепа! — настаивала Аннаграмма. — Местные... Они как в былые времена! Я собственноручно побелила коттедж! Ты можешь себе представить, сколько времени мне потребовалась, чтобы забелить черное? Так они стали жаловаться! Они отказывались принимать кристаллические лекарства, только хмурились и твердили, что мисс Тенета давала им липкую черную микстуру, мерзкую на вкус, но очень действенную! И они постоянно просят меня, чтобы я уладила их никчемные глупые недоразумения, а я не имею ни малейшего понятия о чем они говорят. И сегодня утром умер старик и я должна подготовить его и сидеть с ним ночью. Понимаешь, это все так... противно...

Тиффани глянула на Няни Огг, восседающую в кресле и невозмутимо

попыхвающую трубкой. Глаза у нее блестели. Заметив выражение лица Тиффани, Няни подмигнула и сказала — Не оставить ли мне вас, девочек, наедине, поболтать?

— Да, Няни, пожалуйста. И, прошу вас, не подслушивайте под дверью.

— Частную беседу? Что за идея! — сказала Няни и ушла на кухню.

— Она подслушает? — прошептала Аннаграмма. — Я просто умру, если госпожа Ветровоск узнает.

Тиффани вздохнула. Аннаграмма хоть о чем-нибудь имеет представление? — Конечно подслушает. — ответила она. — На то она и ведьма.

— Но она сказала, что не будет!

— Она будет, но сделает вид, что не подслушивала и она никому не скажет. — ответила Тиффани. — Это ее коттедж, в конце то концов.

Аннаграмма была в отчаянии. — И во вторник, мне возможно придется идти принимать роды куда-то к черту на кулички! Приходила какая то старуха и все уши мне об этом прожужжала!

— Это она про миссис Оуслик. — сказала Тиффани. — Я тебе обо всем написала! Ты прочла мои записки?

— По моему, миссис Иервиг их выбросила. — ответила Аннаграмма.

— Тебе следовало просмотреть их! Мне час потребовался, чтобы все записать! — возмутилась Тиффани. — Там целых три листа! Вот что, успокойся. Тебя учили акушерству?

— Миссис Иервиг говорила, что рождение это естественный процесс и надо позволить природе идти своим путем. — ответила Аннаграмма. Тиффани была уверена, что из-за кухонной двери послышалось фыркание. — Зато я знаю успокоительные напевы.

— Ну, надеюсь, от них будет польза. — только и смогла сказать Тиффани.

— Миссис Иервиг говорила, что деревенские женщины сами знают, что делать. — сказала Аннаграмма с надеждой. — Она говорит, что надо доверять их крестьянской мудрости.

— А, ну вот миссис Обл, та старуха, что приходила за тобой, не имеет ничего кроме обычного крестьянского невежества. Она положит на рану опревшие листья, если не проследить за ней. Слушай, то, что у женщины нет зубов, вовсе не значит, что она мудра. Это может означать, что она глупая женщина в возрасте. Не подпускай ее к миссис Оуслик после родов. Роды и так будут нелегкими.

— Я знаю множество заклинаний, которые могут помочь...

— Нет! Никакой магии! Только чтобы убрать боль! Разве ты этого не знаешь?

— Да, но миссис Иервиг говорит...

— Почему бы тебе в таком случае не пойти и не попросить помощи у миссис Иервиг?

Аннаграмма вытаращила глаза на Тиффани. Слова прозвучали громче, чем та намеревалась произнести. И тогда лицо Аннаграммы приняло выражение, которое она сама, возможно, считала дружелюбным. Оно придавало ей слегка сумасшедший вид.

— Эй, вот что я придумала! — сказала она, сияя как кристалл, который вот вот разобьется вдребезги. — Почему бы тебе не вернуться в коттедж и не поработать на меня?

— Нет, у меня полно других дел.

— Но ты так хорошо справляешься с грязной работой, Тиффани. — сказала Аннаграмма сладким голосом. — Как будто само собой все получается.

— Я принимала ягнят с самого детства, вот почему. Маленьким ручкам легко проникнуть внутрь и распутать.

У Аннаграммы появился тот блуждающий взгляд, присущий ей, когда она что-то не поняла.

— Внутрь овцы? То есть прямо...

— Да, конечно.

— Распутать?

— Иногда ягнята идут ножками вперед. — пояснила Тиффани.

— Ножками вперед? — пробормотала Аннаграмма.

— Еще хуже бывает, когда двойня.

— Двойня... — тут Аннаграмма, будто заметив изъян, встрепенулась. — Но послушай, на картинках с пастушками ничего такого не нарисовано. Я думала, что пастушки только стоят и смотрят, как овечки едят травку.

Бывают моменты, когда задумываешься, насколько лучшим стал бы мир, если Аннаграмма получала бы время от времени оплеуху. Невообразимые, дурацкие, оскорбительные реплики; полное отсутствие заинтересованности в ком-либо еще, кроме себя; такая манера общения, как будто все вокруг плохо слышат и глупы... все это может вызвать у вас бешенство. Но вы сдержитесь, потому что изредка из-за этого лица проглядывало настоящее. Ее настоящее — озабоченное, обезумевшее личико — глядело на мир, как зайчонок на лисицу и кричало на него в надежде, что он исчезнет и не причинит ему вреда. И на сборе ведьм,

которые далеко не глупы, ей передали это владение, которое стало бы тяжелой работой для любого.

В этом не было смысла.

Нет, совершенно никакого смысла.

— Такое бывает только когда околот трудный. — сказала Тиффани, лихорадочно размышляя. — Когда ты в поле, когда темно, холодно и идет дождь. Художников в такие минуты никогда рядом не оказывается. Просто удивительно.

— Почему ты на меня так смотришь? — спросила Аннаграмма. — Как будто меня тут нет!

Тиффани моргнула. Ну хорошо, подумала она и как я должна с этим разбираться?

— Я приду и помогу тебе обмыть тело. — ответила она так спокойно, как только могла. — Думаю, что смогу помочь тебе с мисис Оуслик. Или попроси Петулию. Она в этом разбирается. Но сидеть с умершим ты должна сама.

— Сидеть всю ночь рядом с мертвым телом? — сказала Аннаграмма и поежилась.

— Ты можешь взять книгу почитать. — предложила Тиффани.

— Наверное я нарисую магический защитный круг вокруг своего стула... — пробормотала Аннаграмма.

— Нет. — ответила Тиффани. — Никакой магии. Миссис Иервиг должна была тебя предупредить.

— Но круг защиты...

— Он привлечет внимание. Мало ли что может заинтересоваться, зачем он здесь. Не беспокойся, сидеть надо только ради спокойствия стариков.

— Э... Вот ты говоришь, что-то может появиться... — начала Аннаграмма.

Тиффани вздохнула. — Хорошо, я посижу вместе с тобой, но только один раз. — сказала она. Аннаграмма просияла.

— И что касается черепов... — продолжила Тиффани. — подожди минутку.

Она поднялась к себе и достала каталог Боффо, спрятанный в старом саквояже. Она тщательно свернула его и принесла Аннаграмме. — Не смотри сейчас. — сказала она. — Подожди, пока не останешься одна. Может он подскажет тебе кое-какие идеи. Я подойду к семи вечера.

Когда Аннаграмма ушла, Тиффани села и стала считать про себя. Она досчитала до пяти, как в комнату вошла Няни Огг и принялась энергично

смахивать пыль с безделушек. Спустя несколько минут Нянюшка сказала. — О, твоя подружка уже ушла?

— Вы думаете, что я поступаю глупо? — спросила Тиффнаи.

Няни перестала делать вид, что занимается уборкой. — Я не знаю, о чем вы говорили, так как не подслушивала, — сказала она. — Но если бы я подслушивала, то сказала бы, что благодарностей ты не дождешься, вот так.

— Матушке не следовало вмешиваться. — сказала Тиффани.

— Не следовало, а? — сказала Няни с непроницаемым видом.

— Я не дуручка, Няни, — ответила Тиффани. — я все поняла.

— Поняла, даже так? Что за умная девочка. — сказала Нянюшка, усаживаясь в свое кресло. — И что же ты поняла?

Тиффани была в затруднении. Обычно Няни всегда была жизнерадостной. Трудно было не нервничать, когда она становилась угрюмой, как сейчас. Но она решила пойти до конца.

— Мне бы коттедж не отдали. — сказала она. — О, я справилась бы со всей повседневной работой, но нужно быть постарше, чтобы управлять владением. В тринадцать лет тебе этого не скажут, не важно носишь ты шляпу или нет. Тем не менее Матушка предложила меня и поставила всех перед выбором — либо я, либо Аннаграмма, так? И они выбрали ее, потому что она старше и кажется знающей. И сейчас все полетело в тартарары. Это не ее вина, что ее учили магии вместо ведовства. Матушка только хочет, чтобы она провалилась и все узнали, что миссис Иервиг плохая наставница. И я не думаю, что это хорошо.

— Я бы не стала торопиться с выводами, что хочет Эсме Ветровоск, будь я на твоём месте. — сказала Няни Огг. — Но я не скажу ни слова против, поверь. Можешь идти и помогать своей подруге, если хочешь, но ты все еще работаешь на меня, хорошо? Только так будет справедливо. Как твои ноги?

— С ними все хорошо, Няни, спасибо за заботу.

* * *

Перенесемся за сотни миль отсюда к мистеру Фьюзелу Джонсону, не имеющему представления ни о Тиффани, ни о Няни Огг, да и вообще мало о чем имеющему представление, за исключением часов и ходиков, которые он делал на продажу. Еще он знал, что кухню надо белить известкой, поскольку это дешево и просто, если смириться с небольшими потеками.

Поэтому он не мог объяснить, почему несколько пригоршней побелки взмыли вверх из чаши, где он ее размешивал, собираясь добавить воду, повисели в воздухе, как привидение, и исчезли в камине. В конечном счете он отнес случившееся за счет того, что слишком много троллей понаехало в город. Логика в этом особой не было, но подобные выводы обычно обходятся без логики.

А Зимовой подумал: известки, чтобы сделать человека!

* * *

Тиффани провела ночь без сна, сидя с Аннаграммой и мистером Тиссо, правда он не сидел, а лежал, так как был мертв. Мало кому придется по душе такое времяпровождение. Всегда становилось легче, когда небо начинало светлеть и запевали птицы.

Время от времени мистер Тиссо издавал звуки. Конечно, не сам мистер Тиссо, встретившийся со Смертью несколько часов назад, а только брошенное им тело, поэтому все эти звуки ничем не отличались от звуков, которые издавали старые дома, остывая.

Нельзя забывать об этом посреди ночи. И исключительно важно не забывать, когда свечи начинают мигать.

Аннаграмма храпела. Ни один другой носик, настолько маленький, не смог бы издать такой оглушительный храп, как будто пилили доски. Какой бы дух не ошивался поблизости этой ночью, храп Аннаграммы спугнул бы его.

Хр хр хр, были не так уж нетерпимы и Тиффани могла пережить фьююююю! Но вот пауза между ними, между взбирающимся вверх хр хр хр и падающим фьююююю! вот что действовало на нервы. И пауза всегда была разной продолжительности. Иногда фьюююююю! сразу следовало за хр хр хр, а потом между ними наступал большой промежуток и тогда Тиффани обнаруживала, что задерживает дыхание в ожидании фьюююююю!. Было бы не так плохо, если бы Аннаграмма выдерживала одинаковый промежуток времени между ними. Временами она замолкала и наступала благославенная тишина, пока фьюююююю! снова не воспаряли духом, сопровождаемые тихими причмокиваниями мням-мням, когда Аннаграмма меняла положение на стуле.

Где ты Повелительница Цветов? Что ты делаешь? Должно быть, ты спишь!

Голос был так слаб, что Тиффани могла бы его и не услышать, если бы

не напрягала слух в ожидании следующего хр хр хр. И вот он прозвучал...

— Хр хр хр хр!

Позволь мне показать тебе мой мир, Повелительница Цветов! Позволь мне показать тебе все оттенки льда!

— Фьюююююююююю!

Примерно три четверти Тиффани подумали: Ох, нет! Найдет ли он меня, если я отвечу? Нет. Если бы он мог найти меня, меня бы здесь сейчас не было. И рука не зудит.

Оставшаяся четверть подумала: Бог или богоподобное существо разговаривает со мной, можно было бы и не храпеть, Аннаграмма, спасибо.

— Хр хр хр хр!

— Я попросила прощения. — прошептала она в танцующее пламя свечи. — Я видела айсберг. Это очень... мило с твоей стороны.

Я сделал еще айсбергов.

— Фьююююююю!

Еще больше айсбергов, подумала Тиффани. Огромные, замороженные, плавающие горы, выглядящие как я и тянущие за собой полосы тумана и снежные вихри. Интересно, сколько кораблей они потопят.

— Не стоило утруждаться. — прошептала она.

Я становлюсь сильнее! Я слушаю и учусь! Я стал понимать людей!

За окном коттеджа запел дрозд. Тиффани задула свечу и в комнату полился тусклый свет.

Слушать и учиться... Как может шторм чему-то научиться?

Тиффани, Цветочная Госпожа! Я делаю из себя человека!

Аннаграмма всхрапнула, хр хр хр врезалось в фьююююююю! и она проснулась.

— Ах, — сказала она, потягиваясь и зевая. — Ну, что, вроде все в порядке. — Она поглядела по сторонам.

Тиффани смотрела прямо перед собой. Что он хотел этим сказать — делает из себя человека? Он точно...

— Ты так и не заснула, Тиффани? — сказала Аннаграмма голосом, который она наверное полагала шутливым. — Даже ни на одну секундочку?

— Что? — спросила Тиффани, уставясь на стену. — О... нет. Не заснула.

Внизу послышались шаги. Через какое то время лестница закрипела и низенькая дверь открылась. Мужчина средних лет пробормотал, глядя застенчиво на пол, — Мамаля спрашивает, не желаете ли вы, леди, позавтракать?

— Ох, нет, как мы можем забрать то малое, что у вас есть... — начала Аннаграмма.

— Да, пожалуйста, мы будем признательны. — Быстро и громко прервала ее Тиффани. Мужчина кивнул и закрыл дверь.

— Как ты могла сказать такое? — спросила Аннаграмма, когда шаги на лестнице затихли. — Они же бедняки! Ты могла бы...

— Заткнись, а? — резко сказала Тиффани. — Просто замолчи и приди в себя! Это настоящие люди! А не какие то, какие то... фантазии! Сейчас мы спустимся и позавтракаем, и отметим, какой хороший завтрак, и затем мы поблагодарим их, а они поблагодарят нас и мы уйдем! И это будет означать, что все было сделано правильно и по обычаям. Кроме того, они не считают себя бедняками, потому что здесь в округе все бедные! Но они не настолько бедны, чтобы не позволить себе поступать по правилам! Бедность, когда этого позволить не могут!

Аннаграмма уставилась на Тиффани с открытым ртом.

— Подумай хорошенько, прежде чем что-нибудь сказать. — продолжала Тиффани, тяжело дыша. — По сути, вообще ничего не говори.

На завтрак были ветчина и яйца. Они были съедены в вежливой тишине. После чего, в той же тишине, нарушаемой лишь звуками леса, они полетели обратно в коттедж, который возможно навсегда навсегда останется для всех коттеджем мисс Тенеты.

Перед домом околачивался маленький мальчик. Как только они приземлились, он затараторил: — Миссис Оббл говорит, что роды начались и она сказала, что вы дадите мне пенни.

— У тебя есть сумка, так? — спросила Тиффани, поворачиваясь к Аннаграмме.

— Есть, много всяких.

— Я говорю про сумку на вызов. Ну знаешь, она хранится около двери, в ней все, что потребуется, если...

Тиффани увидела ужас на лице Аннаграммы. — Так, значит сумки у тебя нет. Что же, придется работать с чем есть. Дай ему пенни и отпусти.

— Мы можем обратиться за помощью, если что плохое случится? — спросила Аннаграмма, когда они поднялись в воздух.

— Мы и есть помощь. — просто сказала Тиффани. — И поскольку это твое владение, я поручу тебе особо тяжелую работу...

... которая заключалась в отвлекании миссис Оббл. Миссис Оббл не была ведьмой, как считали многие. Она только выглядела как ведьма, то есть так, будто скупил на распродаже все Волосатые Бородавки из каталога Боффо. К тому же она была немного не в себе и ее нельзя было и

на милую подпускать к женщинам, ожидающим первого ребенка, поскольку она очень добросовестно расписывала (или подхихикивала над ними), что плохого может с ними случиться, причем так, будто это должно обязательно произойти. Тем не менее, она была неплохой сиделкой, если не позволять ей накладывать на раны заплесневевшие листья.

Было много шума и суматохи, но ничего из того, что предсказывала миссис Оббл не случилось. Наконец на свет появился мальчик, который чуть не упрыгал, как мячик, но Тиффани поймала его. Аннаграмма не умела держать младенцев.

Тем не менее, она хорошо смотрелась в остроконечной шляпе и, поскольку она явно была страшнее Тиффани и почти ничего не делала, женщины пришли к выводу, что она главная.

Тиффани оставила ее, гордо стоящую с ребенком на руках (на этот раз головой вверх), и полетела сквозь лес назад в Тир Нанни Огг. Вечерний воздух бодрил, но порывы ветра срывали с ветвей острые жгучие снежные кристаллики. Путешествие было выматывающим и было очень, очень холодно.

Он не сможет меня найти, повторяла она про себя, летя домой в сумерках. К тому же он не очень-то умен. Да и зима должна когда-нибудь закончиться, верно?

Эээ... Каким образом? — спросил ее Второй Помысел. Мисс Тик говорила, что ты должна быть и все, но ты уверена, что ничего не надо делать?

Пожалуй, мне придется походить босиком, подумала Тиффани, уворачиваясь от дерева.

Везде? — поинтересовался Второй Помысел.

Наверное, это тоже самое, что быть королевой, вмешался Третий Помысел. Все, что она делает, это сидит во дворце, разъезжает в большой карете и помахивает ручкой, а дела во всем огромном королевстве идут сами по себе.

Но так же, как она избегала деревьев, она пыталась избежать пугающих мыслей, что пытались прокрасться к ней в голову: рано или поздно, так или иначе, он найдет тебя... и как он может делать себя человеком?

* * *

Помощник Почтмейстера Грош не верил в докторов. Все болезни от

докторов, считал он. Поэтому каждое утро он насыпал в носки серу и мог сказать с гордостью, что не болел ни одного дня в своей жизни. Возможно, причиной тому был запах, из-за которого люди старались не подходить к нему слишком близко. Какая-то причина, несомненно, была. Однажды утром он открыл дверь и в почтовую контору ворвался ветер, выдувший всю серу из его носков.

И никто не услышал, как Зимовой произнес: — Серы, хватит сделать человека!

* * *

Когда Тиффани вошла в дом, стряхивая снег со своих ботинок, Няни Огг сидела у камина.

— Похоже, ты насквозь промерзла. — сказала Нянюшка. — Что тебе нужно, так это стакан горячего молока с капелькой брэнди.

— Ооо, дааа... — выдавила Тиффани, клацая зубами.

— Принеси и мне, хорошо? — сказала Няни. — Да, ладно, я шучу. Согревайся, а я схожу за питьем.

Тиффани чувствовала себя куском льда. Она встала на колени перед огнем и протянула руки к булькающему котелку с бульоном, висящем на большом черном крюке.

Настройся нужным образом и уравновесь. Протяни руки, обхвати котелок и концентрируйся, коцентрируйся на своих замороженных ботинках. Через какое-то время пальцы ног согрелись и затем...

— Ай! — Тиффани отдернула руки и сунула палец в рот.

— Ты не настроилась должным образом. — заметила Няни Огг, стоя в дверном проеме.

— Трудно, знаете ли, сосредоточиться после такого дня, когда и не спала толком, да и Зимовой тебя ищет. — резко ответила Тиффани.

— Огню до этого дела нет. — пожалала плечами Няни. — А вот и молоко.

Тиффани согрелась и все стало казаться не таким мрачным. Ей стало интересно, сколько брэнди добавила в молоко Нянюшка. Она и себе налила стаканчик чего-то, что вполне могло быть брэнди с добавлением молока.

— Не правда ли, как хорошо и уютно. — помолчав сказала Няни.

— Вы собираетесь поговорить с мной о сексе? — спросила Тиффани.

— Разве кто-нибудь говорил, что такой разговор будет? — с невинным видом спросила Няни.

— У меня такое предчувствие. — ответила Тиффани. — И я знаю откуда появляются дети, миссис Огг.

— Очень на это надеюсь.

— Я также знаю, как они туда попадают. Я живу на ферме и у меня полно старших сестер.

— И то верно. — сказала Няни. — Ну, я вижу ты чертовски хорошо подготовлена к жизни. Мне и рассказать то тебе почти нечего. Да и боги никогда не обращали на меня внимания, насколько я могу судить. Ты польщена?

— Нет! — Тиффани внимательно попросмотрела на улыбку Няни. — Ну, немножко. — признала она.

— Боишься его?

— Да.

— Бедняжка все еще не разобрался, что к чему. Он так хорошо начал с ледяными розами и прочим, а затем ему захотелось показать тебе свои мускулы. Типично. Но ты не должна его бояться. Это он должен робеть перед тобой.

— Почему? Потому что я делаю вид, что я цветочная леди?

— Потому что ты девушка! Смотреть обидно, когда привлекательная девушка не может вертеть мальчишкой, как ей угодно. Он влюблен в тебя по уши. Ты одним словом можешь поставить его на место. Эх, когда я была девушкой, один парень собирался прыгнуть с ланкрского моста, потому что я отвергла его ухаживания!

— И он спрыгнул? Чем все кончилось?

— Я приняла его ухаживания. Он так красиво смотрелся там на мосту, что я подумала, какая привлекательная у него задница, если я хоть что-то в них понимаю. — Няни села в кресло. — Или вот бедный старый Грибо. Он кому угодно даст сдачи. Но кошечка Эсме надавала ему по носу и он теперь даже в комнату не рискует войти, не проверив предварительно, что ее там нет. Тебе стоит посмотреть как он выглядывает из-за двери. У него такая несчастная сморщенная физиономия. Разумеется, он мог бы растерзать ее одним махом, но не смеет, потому что она правильно поставила себя с ним.

— Не хотите ли вы сказать, что мне нужно расцарапать Зимовому лицо?

— Нет, нет, не надо так грубо. Дай ему маленькую надежду. Будь любезна, но непреклонна...

— Он хочет жениться на мне!

— Хорошо.

— Хорошо?

— Это значит, что он мирно настроен. Не говори нет, не говори да. Веди себя как королева. Ему придется научиться выказывать уважать к тебе. Что ты делаешь?

— Записываю. — ответила Тиффани, делая запись в дневнике.

— Тебе не нужно ничего записывать, дорогая. — сказала Няни. — Все уже записано в твоём сердце. На той странице, что ты ещё не успела прочитать. Кстати, я тут вспомнила, что пока тебя не было, пришли письма.

Няни пошарила под диванными подушками и вытащила пару конвертов. — Мой сынок Шон работает почтальоном, он знал о твоём переезде.

Тиффани чуть не вырвала письма из её рук. Целых два письма!

— Он тебе нравится? Этот твой молодой человек из замка? — спросила Няни.

— Это друг, с которым мы переписываемся. — надменно ответила Тиффани.

— Вот так правильно, вот как раз такой взгляд и тон тебе нужны для Зимового! — восхитилась Няни. — Кто он такой, что осмелился заговорить с тобой? Вот как надо!

— Я прочту их у себя в комнате. — сказала Тиффани.

Няни кивнула. — Одна из девушек приготовила нам отличное жаркое. — сказала она (просто примечательно, как Няни никак не могла запомнить имена своих невесток). — Твоя доля в печи. Я пошла в кабачок. Завтра рано вставать!

* * *

Поднявшись к себе, Тиффани прочитала первое письмо.

На невооруженный взгляд казалось, что на Мелу ничего не происходило. Мел остерегался попадать в Историю. Он позволял происходить лишь незначительным событиям. Тиффани читала о них с большим удовольствием.

Второе письмо было почти таким же, как и первое — пока она не дошла до строчек о бале. Он был на балу! На балу в доме лорда Дайвера, живущего по соседству! Он танцевал с его дочерью, которую звали Йодин, потому что лорд Дайвер полагал, что это отличное имя для девочки! Они танцевали три раза! И ели мороженное! Йодин показывала ему свои акварели!!!

Как он мог написать такое?!!!

Глаза Тиффани скользили по обычным новостями о плохой погоде или ноге старого Агги, но она не понимала слов, потому что ее голова пылала.

Кто он такой, чтобы танцевать с другой девушкой?

Ты танцевала с Зимовым, напомнил Третий Помысел.

Хорошо, но что насчет акварелей?

Зимовой показывал тебе снежинки, ответил Третий Помысел.

Но я только старалась быть вежливой!

Может он тоже только старался быть вежливым.

Допустим, но я же знаю этих его тетешек, яростно думала Тиффани. Я им никогда не нравилась, потому что я всего лишь фермерская дочь! А лорд Дайвер очень богат и кроме дочери у него больше детей нет! Тетушки строят планы!

Как он мог взять и написать об этом, Как будто есть мороженное с другой девушкой совершенно нормально! Это так же плохо, как... как что-то отвратительное!

Как, например, разглядывать ее акварели...

Он всего лишь мальчик, которому ты иногда пишешь, сказал ее Третий Помысел.

Да, но...

Да, но... что? — упорствовал Третий Помысел. Он действовал Тиффани на нервы. Уж у твоих-то собственных мозгов должна быть совесть, чтобы встать твою сторону!

«Да, но...» и ничего больше, договорились? — раздраженно подумала она.

Ты ведешь себя не благоразумно.

Да что ты говоришь? Я целый день была благоразумна! Я годами проявляла благоразумность! По-моему, я заслужила право необосновано позлиться хоть пять минут, как ты думаешь?

Внизу на кухне тебя ждет жаркое, ты сегодня только завтракала, — сказал Третий Помысел. — Съешь что-нибудь и тебе полегчает.

Как можно есть, когда там акварели разглядывают? Как он посмел глядеть на акварели!

Но Третий Помысел был прав, хотя лучше от этого не становилось. Если уж быть рассерженной и несчастной, то по крайней мере на полный желудок. Она спустилась в кухню и нашла жаркое в печи. От него вкусно пахло. Для нашей дорогой старенькой мамочки все самое лучшее.

Тиффани полезла в посудный ящик за ложкой. Ящик не открывался. Она погремела им, потянула и несколько раз чертыхнулась, но он не хотел

выходить.

— О, да, продолжай в том же духе. — раздался голос позади нее. — Вот увидишь, это поможет. Нет, не надо быть разумной и просовывать руку, чтобы убрать застрявшую вещь. Ни в коем случае. Стучать и ругаться, вот как надо!

Тиффани повернулась.

Около кухонного стола стояла худая утомленная женщина, завернутая в что-то вроде простыни. Она курила сигарету. Тиффани никогда раньше не видела женщин, курящих сигареты, тем более сигареты, горящие сильным красным пламенем и разбрасывающие искры.

— Кто вы и что вы делаете в кухне миссис Огг? — резко спросила Тиффани.

Женщина удивилась.

— Ты можешь слышать меня? — сказала она. — И видеть?

— Да! — огрызнулась Тиффани. — И знаете ли, здесь место для приготовления пицци!

— По идее, ты не должна меня видеть!

— Тем не менее, я вас вижу!

— Подожди-ка, — сказала женщина и сдвинула брови. — Ты не просто человек, ты...? — Она странно сщурилась на мгновение и продолжила. — О, ты это она. Я права? Новое Лето!

— Не будем обо мне, вы то кто такая? — спросила Тиффани. — И потом, кроме танца ничего больше не было!

— Анойя, Богиня Застрявших в Ящиках Вещей. — ответила женщина. — Рада познакомиться. — Она сделала еще одну затяжку и с кончика сигареты посыпались искры. Часть из них попала на пол, но не причинила никакого вреда.

— Есть богиня и для такого? — удивилась Тиффани.

— Я нахожу потерянные штопоры и то, что закатилось под мебель. — небрежно сказала Анойя. — И что упало за диванные подушки. Они еще хотят, чтобы я расстегивала застрявшие молнии, но я пока что думаю. Но в основном я проявляюсь повсюду, где стучат ящиками и вызывают к богам. — Она пыхнула сигаретой. — Чай у тебя есть?

— Но я ни к кому не взывала!

— Взывала. — сказала Анойя, извергая искры. — Ты ругалась. Рано или поздно, каждое проклятие становится молитвой. — Она помахала рукой, свободной от сигареты, и что-то звякнуло в посудном ящике. — Все в порядке. Это яйцerezка. Она есть у каждого и никто не знает зачем она ему. Кто-нибудь когда-нибудь купил яйцerezку, зная зачем? Сомневаюсь.

Тиффани попытала ящик. Он легко выскочил.

— Как насчет чая? — спросила Анойя, усаживаясь за стол.

Тиффани поставила чайник на огонь. — Вы слышали обо мне? — спросила она.

— О, да. — ответила Анойя. — Довольно много времени прошло с тех пор, как бог в последний раз влюблялся в смертную. Все хотят посмотреть, чем это закончится.

— Влюблялся?

— О, да.

— И значит боги наблюдают за мной?

— Ну конечно же. — ответила Анойя. — У начальства дел особых ведь нет! Но я должна еще и застежками заниматься, как же. А у меня в такую холодину пальцы не разгибаются!

Тиффани поглядела на потолок, затянутый дымом.

— И они все время смотрят на меня? — ошеломлено спросила она.

— Я слышала, что ты привлекла больше внимания, чем война в Клатче, а она была очень популярной. — ответила Анойя, вытягивая руки. — Посмотри как опухли от холода. А этим, конечно же, и дела нет.

— Даже когда я... моюсь? — спросила Тиффани.

Богиня неприятно рассмеялась. — Да. И еще они видят в темноте. Лучше не думать об этом.

Тиффани снова поглядела на потолок. А она так надеялась искупаться сегодня вечером.

— Я постараюсь не думать. — мрачно сказала она и добавила. — Трудно... быть богиней?

— Есть свои приятные стороны. — ответила Анойя. Она стояла, свободной рукой поддерживая за локоть руку с сигаретой, горячей и искрящейся прямо перед ее лицом. Затем она резко затянулась и выдохнула облако дыма, присоединившегося к смогу под потолком. Искры сыпались дождем. — Ящиками я не так давно начала заниматься. А до этого я была богиней вулкана.

— В самом деле? — спросила Тиффани. — Вот бы ни за что не догадалась.

— О, да. Хорошее занятие, не считая визгов. — ответила Анойя и горько добавила. — Ха! Бог бурь всегда гасил мою лаву дождем. Вот таковы мужчины. Они гасят вашу лаву.

— И рассматривают акварели. — вставила Тиффани.

Анойя прищурилась. — Чьи-то чужие акварели?

— Да!

— Мужчины! Все они одинаковы. — сказала Анойя. — Вот мой совет, укажи мистеру Зимовому на дверь. Он всего лишь стихия, в конце то концов.

Тиффани поглядела на дверь.

— Дай ему под зад, дорогая, отправь собирать вещи и смени замки. Пусть будет лето круглый год, как в жарких странах. Пусть везде растет виноград, а? Кокосы на каждом дереве! Хех, когда я занималась вулканом, то просто жить не могла без манго. Поставь крест на снеге, туманах и слякоти. Кстати, штуковина уже у тебя?

— Штуковина? — спросила озадаченная Тиффани.

— Думаю, она скоро появится. — сказала Анойя. — Я слышала, что с ней может потребоваться сноровка... Упс, я слышу погромоухивание, надо лететь. Не беспокойся, я не скажу ему, где ты...

Она исчезла. И дым вместе с ней.

Не зная, чем еще заняться, Тиффани положила в тарелку тушеного мяса с овощами и поела. И так... теперь она могла видеть богов? И они знали о ней? И каждому хочется дать ей совет.

Не стоит привлекать внимание тех, кто над нами, говорил ее отец.

Но все это производило впечатление. Влюбился в нее, а? И всем рассказывает? Но он всего лишь стихия, не настоящий бог вовсе. Все, что он умеет, это перемещать ветер и воду!

Даже так... хех. Кое за кем бегают стихия! О, да! Что скажете? Если кое-кто был настолько глуп, чтобы танцевать с девицами, рисующими акварели, чтобы привести порядочных мужчин к краху, тогда она может позволить себе высокомерие с тем, кто почти бог. Ей следует об этом написать, правда сейчас она ему писать не будет. Ха!

* * *

За несколько миль отсюда старая Матушка Черночепчик, варящая собственное мыло из животного жира и растительной золы, собиралась прокипятить белье. Как вдруг кто-то выхватил из ее рук кусок мыла. И вода в бадье замерзла.

Она была ведьмой и потому сразу же сказала: — Что за странный вор тут у нас появился!

И Зимовой ответил: — Поташа, чтобы сделать человека!

Глава восьмая

Рог Изобилия

Когда Няни Огг ушла спать, Тиффани искупалась, как она давно собиралась. Это было не так то просто сделать. Во-первых, надо было притащить жестяную ванну, висящую на задней стенке уборной, что находилась в самом дальнем конце сада, и воодрузить на почетное место около очага, а ночь была темная и морозная. Затем, надо было нагреть чайники в камине и на черной кухонной плите, и чтобы набрать в ванну воды дюймов на шесть, надо было изрядно повозиться. А потом, после купания, надо вычерпать всю воду и задвинуть ванну в угол, чтобы утром отнести ее обратно. И коли приходится все это делать, то ты постарайся отскрести мочалкой каждый дюйм.

Тиффани сделала еще кое-что: написала на куске картона «НЕ СМОТРЕТЬ!!!» и прикрепила его к лампе, свисающей с потолка посреди комнаты, так, чтобы его можно было прочитать сверху. Она не была уверена, что это поможет избавиться от любопытствующих богов, но написав, почувствовала себя спокойнее.

Эту ночь она спала без сновидений. Утром все оказалось замечено порошей и два внука Няни Огг уже лепили на лужайке снеговика. Немного погодя они прибежали и попросили морковку для носа и угольки для глаз.

Няни взяла ее с собой в дальнюю деревушку Ломоть, жители которой всегда были рады приходу новых людей. Няни Огг сновала по дорожкам, вырытым с снега, творя свое скромное ведовство, от коттеджа к коттеджу и выпила столько чая, что в нем можно было утопить и слона. Казалось, что она только собирает сплетни, но стоило только ухватить суть и можно было услышать, как свершается магия. Няни Огг меняла образ мыслей у людей, хоть и не надолго. Она уходила, а люди оставались, считая себя немного лучшими, чем они были на самом деле. Няни Огг говорила, что дает им к чему стремиться.

Потом была еще одна ночь без сновидений, но Тиффани внезапно проснулась в полшестого... с необычным ощущением.

Она оттерла иней с оконного стекла и увидела снеговика, залитого лунным светом.

Почему мы их лепим? — подумала она. Стоит только выпасть снегу,

как мы начинаем лепить снежных человечков... Мы оживляем их, вставляя им угли вместо глаз и морковку вместо носа. Я смотрю, дети повязали ему шарф. Вот чего только снеговика не хватало, так это шарфа, чтобы не замерзнуть.

Она спустилась в тихую кухню и принялась скрести стол, чтобы занять руки. Ей всегда так лучше думалось.

Что-то изменилось и это что-то произошло с ней. Она переживала о том, что он еще сделает или подумает, словно она была опавшим листом во власти ветра. Она содрогалась от страха, что его голос зазвучит у нее в голове, где он не имеет никакого права быть.

Но теперь она больше не переживала. Страхи закончились.

Это он должен переживать из-за нее.

Да, она сделала ошибку. Да, она была виновата. Но она не позволит себя запугивать. Нельзя позволять мальчишкам лить дождь на твою лаву и пожирать глазами чужие акварели.

Ищите историю, как говорит Маутшка Ветровоск. Она верит, что мир изобилует призраками историй. Если позволить, они начнут управлять вами. Но если изучить их, если понять... их можно использовать, их можно изменять.

Мисс Тенета знала об историях все. Она плела их как паутину, чтобы получить власть. И ей это удавалось, потому что людям хотелось верить в ее истории. Няни Огг тоже складывала историю. Пухленькая, жизнерадостная Няни Огг, всегда готовая перехватить стаканчик (и еще стаканчик, премного благодарю), всеобщая любимая бабуля... но ее маленькие блестящие глазки проникали в вас и читали ваши секреты.

Даже у Бабушки Болит была своя история. Она жила в старой пастушьей хижине, высоко в холмах, и слушала ветер, веящий над торфяниками. Она была загадочной, одинокой — и истории всплывали и собирались вокруг нее, истории о том, что она до сих пор помогает найти заблудившихся ягнят, даже после смерти, истории о ней, приглядывающей за своим народом...

Люди хотят, чтобы мир был историей, потому что истории звучат убедительно и они понятны. Люди хотят, чтобы мир был понимаем.

Что же, ее история не будет историей о маленькой девочке, которую обижают. Нет в этом никакого смысла.

Вот только... он не был по настоящему плохим. Боги в Мифологии, они вроде раскусили, что значит быть человеком — и даже переусердствовали временами — но как могла метель или буря понять такое? Он был опасен и страшен — но его нельзя было не жалеть...

Кто-то забарабанил в заднюю дверь коттеджа Няни Огг. За дверью стояла высокая фигура в черном.

— Ошибся домом. — сказала Тиффани. — Здесь никто даже чуточку не болен.

Рука подняла черный капюшон и из его глубин раздался шепот. — Это я, Аннаграмма. Она дома?

— Миссис Огг еще не встала. — ответила Тиффани.

— Вот и хорошо. Можно войти?

За кухонным столом, за чашкой согревающего чая, Аннаграмма выдала все. Дела в лесном коттедже шли не очень хорошо.

— Ко мне приходили двое мужчин, спрашивали про какую-то дурацкую корову, которую они оба считают своею. — сказала она.

— Это должно быть Джо Брумсокет и Шифти Адамс. Я о них писала. — ответила Тиффани. — Как кто из напьется, так начинает спорить об этой корове.

— И что мне с ними делать?

— Кивай головой и улыбайся. Мисс Тенета говорила, что надо подождать, пока корова не издохнет или кто-то из них не умрет. По другому никак.

— Еще приходила женщина с больным поросенком!

— Что ты сделала?

— Я сказала ей, что не занимаюсь свиньями! Но она разрыдалась и мне пришлось дать ему Универсальную Панацею Бангла.

— Ты дала ее поросенку? — спросила потрясенная Тиффани.

— А что, поросычья ведьма использует магию, так почему бы и мне... — начала защищаться Аннаграмма.

— Она знает, что надо давать! — сказала Тиффани.

— Он был в полном порядке, когда я сняла его с дерева! И нечего ей было поднимать шум! Я уверена, что щетина скоро отрастет! Со временем!

— Это случайно не пятнистый поросенок был, нет? А у женщины косоглазие? — спросила Тиффани.

— Вроде бы! Какое это имеет значение?

— Миссис Корчевщица очень привязана к своему поросенку. — с упреком сказала Тиффани. — Она каждую неделю носит его к ведьме. Обычно, у него бывает расстройство желудка. Она его перекармливает.

— Вот как? В таком случае, в следующий раз я ей дверь не открою. — решительно сказала Аннаграмма.

— Нет,пусти ее. На самом деле она приходит потому, что одинока и ей хочется поболтать.

— У меня есть дела и поважнее, чем выслушивать старушечью болтовню. — возмутилась Аннаграмма.

Тиффани посмотрела на нее. Что еще можно сделать, кроме того, чтобы стучать Аннаграмму головой об стол, пока у той мозги не заработают?

— Слушай очень внимательно. — сказала она. — Я про нее, а не про себя. Ты не потратишь свое время с большей пользой, чем выслушивая старушек, жаждущих поболтать. Ведьмам все всё рассказывают. Так что слушай каждого, много не говори и размышляй о том, что они говорят, как они это говорят, следи за их глазами... Это как головоломка, но только ты видишь все части сразу. Так ты узнаешь о чем они хотят рассказать и о чем умалчивают, узнаешь даже то, что они полагают никому не известным. Вот почему мы обходим дома. Вот почему ты будешь обходить дома, пока не станешь частью их жизни.

— И все это только для того, чтобы получить власть над толпой фермеров и крестьян?

Тиффани повернулась и пнула стул с такой силой, что сломала ему ножку. Аннаграмма быстро попятилась.

— Почему ты это сделала?

— Ты умная — догадайся!

— Ох, я забыла... Твой отец пастух...

— Отлично! Ты вспомнила! — Тиффани помедлила. Уверенность начала овладевать ею, с позволения Третьего Помысла. Внезапно она узнала про Аннаграмму все.

— А твой отец? — спросила она.

— Что? — Аннаграмма инстинктивно выпрямилась. — О, он владелец нескольких ферм...

— Лгунья!

— Ну его можно назвать фермером... — поправилась Аннаграмма, начиная нервничать.

— Лгунья!

Аннаграмма отступила. — Как ты смеешь разговаривать со мной так, как будто...

— Как ты смеешь лгать мне!

В наступившей тишине Тиффани ясно слышала все звуки — тихое потрескивание дров в печке, шуршание мыши в подвале, свое собственное дыхание, ревушее, как море в узком проходе...

— Он батрачит на фреме, понятно? — быстро проговорила Аннаграмма и ужаснулась собственным словам. — У нас нет земли, у нас

даже коттеджа нет. Вот правда, если тебе так хочется. Счастлива?

— Нет. Но спасибо тебе. — сказала Тиффани.

— Ты собираешься всем рассказать?

— Нет. Это не имеет никакого значения. Матушка Ветровоск хочет, чтобы ты все напортила, понимаешь? Она ничего не имеет против тебя... — Тиффани запнулась. — Ну, не больше, чем против всех. Она только хочет, чтобы люди увидели, что ведовство миссис Иервиг не годится. Как это на нее похоже! Она ни слова не сказала против тебя, она только позволила тебе получить именно то, что ты хотела, и все пошло прахом. Ты хотела коттедж. И ты все портишь.

— Мне только нужен денек-другой, чтобы во всем разобраться...

— С какой стати? Ты ведьма, живущая в коттедже. Ты должна все это уметь! Зачем было братья, если не умеешь?

Предполагается, что ты все это умеешь, пастушка! Зачем было братья, если нет?

— Так ты не соираешься мне помочь? — Аннаграмма глянула на Тиффани и затем выражение ее лица немного смягчилось, что было так непохоже на нее, и она спросила. — С тобой все в порядке?

Ты должна все это уметь, пастушка! Зачем было братья, если не умеешь?

— Так ты не хочешь мне помочь? — Аннаграмма глянула на Тиффани и затем лицо ее немного смягчилось, что было так непохоже на нее, и она спросила. — Что с тобой?

Тиффани моргнула. Так ужасно услышать, свой собственный голос, эхом отозвавшийся с другой стороны рассудка.

— У меня нет времени. — беспомощно ответила она. — Может быть другие смогут... выручить?

— Я не хочу, чтобы они узнали! — паника исказила лицо Аннаграммы.

Она умеет колдовать, подумала Тиффани. Вот ведовство ей не удастся. Один вред от нее. Она только навердит. Она навредит людям.

Тиффани сдалась. — Хорошо, я попробую выделить немного времени. В Тир Нанни Огг не так много работы. И я должна объяснить остальным. Они должны знать. Возможно, они согласятся помочь. Ты быстро учишься — ты сможешь схватить основные понятия где-то за неделю.

Тиффани наблюдала за Аннаграммой. Она еще и раздумывала, стоит ли ей соглашаться! Если утопающей Аннаграмме кинут веревку, она начнет жаловаться, что цвет у веревки не тот...

— Ну, если они придут только чтобы помочь мне... — ответила Аннаграмма, оживляясь.

То, как девушка умудрялась в своих мыслях переиначить действительность, могло даже вызвать восхищение. Еще одна история, подумала Тиффани; в этом вся Аннаграмма.

— Да, мы будем помогать тебе. — вздохнула она.

— А может мы даже скажем всем, что девочки приходят ко мне учиться? — с надеждой спросила Аннаграмма.

Говорят, что прежде чем выйти из себя, надо сосчитать до десяти. С Аннаграммой вам потребуются куда как большие числа, например, миллион.

— Нет. — ответила Тиффани. — Сомневаюсь, что мы так поступим. Это ты будешь учиться.

Аннаграмма открыла рот, чтобы возразить, но увидев выражение лица Тиффани, решила не начинать.

— Ээ, да. — сказала она. — Конечно. Э... Спасибо.

Этого Тиффани не ожидала.

— Они, помогут, скорее всего. — сказала Тиффани. — Нехорошо, если кто-то из нас потерпит неудачу.

К ее изумлению, девушка расплакалась. — Это все потому, что я не считала их своими друзьями на самом деле...

* * *

— Не нравится мне она. — сказала Петулия, стоя по колено в копощащихся поросятах. — Она обзывает меня поросячей ведьмой.

— Ну ты и есть поросячья ведьма. — ответила Тиффани. Она стояла снаружи загона. Большой хлев был набит поросятами. Запах был также невыносим, как и шум. Шел снег, мелкий как пыль.

— Да, но в ее словах на первом месте поросячья, а не ведьма. — сказала Петулия. — Каждый раз, когда она открывает рот, я чувствую, что сделала что-то не так. — Она помахала рукой перед поросенком и пробормотала несколько слов. Поросенок скрестил глаза и открыл рот, получив большую порцию зеленой жидкости из бутылки.

— Мы не можем бросить ее на произвол судьбы. — сказала Тиффани. — Могут пострадать люди.

— Что же, нашей вины в том не будет. — ответила Петулия, давая лекарство другому поросенку. Затем она сложила ладони рупором и крикнула, перекрывая шум, мужчине, в другом конце хлева. — Фред, с этой партией все!

Петулия выбралась из свинарника и Тиффани увидела, что она подоткнула платье за пояс, а под него надела тяжелые кожаные штаны.

— Что-то они расшумелись сегодня утром. — сказала Петулия. — Разыгрались.

— Разыгрались? — спросила Тиффани. — Ох... да.

— Слышишь, как кабаны вопят в загонах? — сказала Петулия. — Весну почуяли.

— Да еще и Страшдества не было!

— Страшдество послезавтра. Да и как бы то ни было, весна спит под снегом, как говорит мой отец. — ответила Петулия, споласкивая руки в ведре.

И никаких ммм, подумал Третий Помысел Тиффани. Петулия никогда не мекает, когда занята работой. Она уверена в себе, когда работает. Тогда она крепко стоит на ногах. Стоит во главе.

— Если мы увидим что-нибудь дурное и ничего не предпримем, это будет наша вина. — сказала Тиффани.

— Ох, опять ты про Аннаграмму. — ответила Петулия. Она пожала плечами. — Ну, я могу зайти к ней где-то через неделю после Страшдества и показать кое-какие приемы. Это тебя порадует?

— Я уверена, она будет благодарна.

— Я уверена, что нет. Ты других спрашивала?

— Нет. Я подумала, если другие узнают, что ты согласилась, то возможно, они тоже присоединятся. — ответила Тиффани.

— Ха! Ну что же, мы по крайней мере сможем сказать, что пытались сделать хоть что-то. Ты знаешь, я привыкла считать Аннаграмму умной, потому что она знает так много слов и колдует всякие блестящие заклинания. Но покажи ей больного поросенка и толку от нее ноль!

Тиффани рассказала ей про поросенка миссис Корчевщицы и Петулия была возмущена.

— Нельзя такого допускать. — сказала она. — На дерево? Может быть, я заскочу к ней завтра пополудни. — Она помялась. — Ты знаешь, что Матушка Ветровоск будет этим недовольна? Мы ведь не хотим оказаться между ней и миссис Иервиг?

— Разве мы не собираемся совершить правильный поступок? — спросила Тиффани. — Да и к тому же, что такого ужасного она нам сделает?

Петулия коротко рассмеялась, совсем не весело. — Ну, — сказала она — Во-первых, она может...

— Она не станет этого делать.

— Хотела бы я быть так же уверена, как и ты. — ответила Петулия. — Ну ладно, договорились. Ради поросенка миссис Корчевщицы.

* * *

Тиффани летела над верхушками деревьев, высокие ветви хлестали ее по ботинкам. Снег сверкал и переливался на слабом зимнем солнце, как сахарная глазурь на пирожных.

Утро прошло в делах. Ковен не был особо заинтересован в помощи Аннаграмме. Ковен сам давно не собирался. Зима выдалась хлопотная.

— Мы только слонялись вокруг Аннаграммы, а та отдавала нам приказания. — сказала Димити Хаббаб, размалывая минералы и осторожно кидая по одной частичке в крохотный тигель, нагреваемый в пламени свечи. — Я слишком занята, чтобы возиться с магией. От магии никогда не было никакой пользы. Знаешь, в чем ее беда? Она думает, что можно быть ведьмой, накупив всяких штучек.

— Ей только надо научиться, как вести дела с людьми. — ответила Тиффани.

В этот момент тигель взорвался.

— Ну, мы можем смело сказать, это вам не обычное лекарство для зубов. — проговорила Димити, выбирая осколки тигля из волос. — Ладно, выделю ей свободный денек, если уж Петулия согласилась. Но вряд ли оно пойдет ей на пользу.

Когда Тиффани вошла, Люси Варбек полностью одетая лежала в ванне с водой. Голова ее была под водой, но увидев всматривающуюся Тиффани, она подняла дощечку с надписью — Я НЕ ТОНУ!

Мисс Тик как-то заметила, что из Люси получится хорошая ведьмознатка, и поэтому она начала тренироваться.

— Не понимаю, почему мы должны помогать Аннаграмме. — сказала она, пока Тиффани помогала ей вытираться. — Она любит унижать людей своим сарказмом. И вообще, тебе то что за дело? Она тебя недолюбливает.

— Я думала, что мы всегда ладили... более или менее. — сказала Тиффани.

— Неужели? Ты способна сделать такое, о чем она даже мечтать не смеет! Например, стать невидимой... Ты это делаешь с такой легкостью! Но ты ходишь вместе со всеми на собрания, ведешь себя, как все остальные, помогаешь убираться после собрания и это сводит ее с ума!

— Слушай, я не понимаю, о чем ты.

Люси взяла сухое полотенце. — Она не может перенести мысль, что кто-то лучше ее и не кукарекает об этом.

— Зачем бы я стала это делать? — спросила озадаченная Тиффани.

— Потому что будь она тобой, она так бы и поступила. — ответила Люси, старательно закрепляя вилку и нож в уложенных на голове волосах.

[8] — Она считает, что ты смеешься над ней. И подумать только, теперь она зависит от тебя. Ты с таким же успехом могла бы втыкать булавки ей в нос.

Но Петулия дала согласие, поэтому Люси и все остальные тоже присоединились. Петулия прославилась после победы пару лет назад на Ведьминских Пробах со своей знаменитой Поросячей Прodelкой. Над ней посмеивались — Аннаграмма, конечно же, а все остальные неловко улыбались — но она упорно развивала свои способности и люди стали говорить, что в обращении с животными она превзошла даже Матушку Ветровоск. Ее начали уважать. Мало кто разбирается в делах ведьм, но того, кто может поднять на ноги больную корову... да, такого человека нельзя не уважать. И поэтому после Страшдества для всего ковена наступит время, Полностью Посвященное Аннаграмме.

Когда Тиффани возвращалась в Тир Нанни Огг, голова у нее шла кругом. Она никогда не думала, что кто-то может ей завидовать. Ну допустим, она выучила пару фокусов, но их и любой мог сделать. Надо всего лишь отключить себя.

Она сидела на песке за Дверью, она взглянула в глаза псам со стальными клыками... нет, это не то, что ей хотелось бы помнить. И в довершении всего, Зимовой.

Все были уверены, что он не сможет найти ее без лошадки. Она слышала его голос у себя в голове и могла отвечать ему, но это была какая то разновидность магии и к картам никакого отношения не имело.

Сейчас он затих. Быть может, делает айсберги.

Она приземлила метлу на открытом пригорке среди деревьев. Коттеджей отсюда было не видеть.

Тиффани слезла с метлы, но на всякий случай держала ее в руках.

На небе появились звезды. Зимовой любил ясные ночи. Они были холоднее.

И пришли слова. Это были ее слова, сказанные ее голосом, и она понимала их значение, но у них был какой-то отголосок.

— Зимовой! Я приказываю тебе!

Пока она удивилась возвышенному звучанию своих слов, раздался ответ.

Кто приказывает Зимних Дел Мастеру?

— Я, Госпожа Лето! — Ну, подумала она, меня можно назвать заместителем.

Почему же ты прячешься от меня?

— Я боюсь твоего льда. Меня страшит твой холод. Я спасаюсь от твоих снегов. Я прячусь от твоих бурь. — Ага, верно, вот так разговаривают боги.

— Будь со мной в моем ледяном мире!

— Как ты смеешь указывать мне! Не смей мне указывать!

Но ты сама решила остаться в моей зиме... — неуверенно ответил Зимовой.

— Я иду, где хочу! Я сама выбираю свои дороги! Мне не нужно разрешения от мужчин! Ты будешь почитать меня в своей зиме или придется расплачиваться! — А это уже как я говорю, подумала Тиффани, довольная, что вставила словечко от себя.

Последовала долгая тишина, заполненная неуверенностью и озадаченностью. Затем Зимовой ответил: Чем я могу услужить тебе, моя госпожа?

— Перестань делать айсберги, похожие на меня. Я не хочу быть лицом, о которое разбиваются корабли.

А изморозь на окнах? Могу я подарить тебе иней? И снежинки?

— Никакого инея. Не надо писать мое имя на окнах. Это только беду навлечет.

Позволь мне чествовать тебя снежинками?

— Эээ... — Тиффани запнулась. Она была уверена, что богиням не стоит говорить «Эээ». — Снежики... подойдут. — ответила она. В конце концов, подумала она, на них мое имя не написано. Люди все равно ничего не замечают, а если кто и заметит, то не догадается, что это я.

Снежинки будут, моя госпожа, будут до тех пор, пока мы не станцуем снова. А мы станцуем непременно, потому что я делаю из себя человека!

Голос Зимового... пропал.

Тиффани осталась одна среди деревьев.

Не считая того, что... не совсем одна.

— Я знаю, ты все еще здесь. — сказала она, пары дыхания клубились на морозе. — Ты здесь, ведь так? Я чувствую тебя. Ты не мои помыслы. Ты не мое воображение. Зимовой ушел. Ты можешь говорить моим ртом. Кто ты?

Порыв ветра стряхнул снег с ближайших деревьев. На головой замигали звезды. Все остальное застыло в неподвижности.

— Ты здесь. — сказала Тиффани. — Ты вкладываешь мысли в мою

голову. Ты даже заставила мой собственный голос заговорить со мной. Но этого больше не повторится. Теперь, когда я узнала это ощущение, я смогу не впускать тебя. Если тебе есть что сказать мне, скажи сейчас. Когда я уйду отсюда, я закрою свой ум от тебя. Я не позволю...

Как тебе нравится быть такой беспомощной, пастушка?

— Ты Лето, да? — спросила Тиффани.

Ты как та маленькая девочка, что надевает материнские одежды. Маленькие ножки в больших туфлях, платье волочится по грязи. Целый мир обледенеет из-за какого-то глупого ребенка...

Тиффани что-то такое сделала, что она и сама бы не смогла описать, но голос затих вдали, как пролетевшее мимо насекомое.

Ей было холодно и одиноко. Все, что она могла сделать, это продолжать жить. Можно кричать, плакать, топтать ногами, но толку от этого — только согреться. Можно заявлять, что так нечестно и это будет чистой правдой, но вселенную это мало волнует, поскольку значение слова «честно» ей не ведомо. Когда ты ведьма, у тебя только одна проблема. Ты все решаешь сама. Всегда все решаешь сама.

* * *

Пришло Страшдество, со снегопадами и подарками. Из дома ей ничего не прислали, хотя кое-каким каретам удалось пробиться в горы. Она сказала себе, что на то есть уважительные причины и постаралась поверить этому.

Сегодня был самый короткий день в году, и он был удобно подобран в пару с самой длинной ночью. Зима была в самом разгаре и Тиффани никак не ожидала подарка, прибывшего на следующий день.

Шел густой снег, но вечером небо прояснилось и сильно похолодало.

Что-то просвистело с закатного небо прямо в сад Няни Огг, подняв фонтан земли и оставив большую воронку.

— Так, капусте пришел конец. — сказала Нянюшка, выглядывая в окно.

Они вышли в сад. Из воронки валил пар и в воздухе сильно пахло капустой.

Тиффани вгляделась в клубы пара. Ей мешали земля и капустные побеги, но она смогла рассмотреть что-то круглое.

Она соскользнула в воронку, прямо в грязь и пар, поближе к загадочной штуке, которая уже немного остыла. Тиффани начала очищать

ее от мусора и у нее появилось неприятное ощущение, что она знает, что это такое.

Это была та самая «штуковина», о которой говорила Анойя. Она выглядела довольно загадочно. И лишь полностью высободив ее из грязи, Тиффани поняла, что уже видела ее раньше.

— Ну что там внизу, все в порядке? Я не вижу тебя из-за пара! — крикнула Няни Огг. На шум падения прибежали соседи и сейчас они взволнованно переговаривались.

Тиффани быстро оттерла землю и давленную капусту с штуковины и ответила. — Боюсь, что эта штука может взорваться. Скажите всем, чтобы разошлись по домам! И подайте мне руку, пожалуйста?

Наверху раздались какие то крики и убегающий топот. Появилась рука Няни Огг, разгоняющая пар, и ухватившись за нее, Тиффани выбралась из воронки.

— Стоит ли нам спрятаться под кухонным столом? — сказала Няни, пока Тиффани счищала землю и капусту с платья. Затем Няни подмигнула. — Только собирается ли она взорваться?

Из-за дома вышел Шон, сын Нянюшки, с ведрами воды и остановился в разочаровании, увидев, что они не понадобятся.

— Мам, чего это было?

Нянюшка повернулась к Тиффани, которая ответила. — Эээ... огромный камень упал с неба.

— Не могут огромные камни в небе висеть, мисс! — сказал Шон.

— Подозреваю, что именно поэтому он и упал, сынок. — живо ответила Няни. — Если ты хочешь помочь, построжи здесь и проследи, чтобы никто близко не подходил.

— Что мне надо делать, если эта штука взорвется, мама?

— Пойди и скажи мне, хорошо? — предложила Нянюшка.

Она поспешила с Тиффани в коттедж, закрыла за собой дверь и сказала. — Какие же мы с тобой врушки, Тифф. Ну, что там у нас?

— Вряд ли она взорвется. — ответила Тиффани. — И если все-таки взорвется, то в самом худшем случае, нас завалит цветной капустой. По моему, это Корнукопия.

Снаружи послышались голоса и дверь распахнулась.

— Мир этому дому, — сказала Матушка Ветровоск, стряхивая снег с ботинок. — Твой парнишка говорит, что заходить нельзя, но по-моему, он ошибается. Торопилась, как могла. Что случилось?

— Корнукопии на нас свалились, — ответила Няни Огг, — чем бы они там не были.

Был поздний вечер. Им пришлось подождать до темноты, прежде чем вытаскивать Корнукопию из воронки. Она был намного легче, чем Тифани ожидала; вернее сказать, у нее был вид очень и очень тяжелого предмета, решившего по каким-то своим причинам временно стать легким.

Корнукопия лежала на кухонном столе, очищенная от земли и капусты. Тиффани подумала, что в ней есть что-то живое. Она была теплая на ощупь и, как будто слегка вздрагивала под пальцами.

— Согласно Чаффничу, — сказала она, держа открытую Мифологию на коленях, — Бог Слепой Ио создал Корнукопию из рога волшебной козы Альмегии, чтобы накормить детей Богини Бисономии, которая была затем превращена в дождь из устриц, Эпидитием, Богом Картофелеобразных Предметов, после того, как она оскорбила Резонату, Богиню Горностаев, кинув крота на ее тень.

— Всегда говорила, что они слишком увлекались такими делами в былые времена. — сказала Матушка Ветровоск.

Ведьмы разглядывали штуковину. Она и правда походила на козий рог, но очень и очень большой.

— Как она работает? — спросила Няни Огг. Она засунула голову внутрь и закричала — Привет! — Приветы вернулись многократным эхом, как будто они прошли намного большее расстояние, чем можно было ожидать.

— По мне, так похоже на большую морскую раковину. — вынесла свой вердикт Матушка Ветровоск. Кошечка Ты расхаживала вокруг штуковины, изящно пофыркивая на нее. (Тиффани заметила, что Грибо прятался за кастрюлями на верхней полке).

— Вряд ли это кому известно. — ответила Тиффани. — Но его еще называют Рог Изобилия.

— Рог? А подудеть а него можно? — спросила Няни.

— Сомневаюсь. — ответила Тиффани. — В нем содержится... всякое.

— Что всякое? — спросила Матушка Ветровоск.

— Технически... все, — ответила Тиффани. — все, что растет.

Она показала им картинку в книге. Из широкого горла Рога Изобилия вываливались всевозможные фрукты, овощи и зерновые.

— Я погляжу, одни фрукты, — заметила Нянюшка. — Морковки что-то не видать, хотя она, скорее всего, вся в остром конце. Там ей как раз впору.

— Очень типично. — сказала Матушка. — Нарисовал впереди, что поярче. Много чести для обычной картошки. — Она обвиняюще ткнула пальцем в страницу. — А что скажете про херувимов? Они у нас тут не появятся впридачу, а? Терпеть не могу шныряющих в воздухе младенцев.

— Они часто встречаются на старых картинах. — сказала Няни Огг. — Их рисовали, чтобы показать, что это Искусство, а не сомнительные картинки с полуголыми женщинами.

— Ну меня то они не одурачат. — ответила Матушка Ветровоск.

— Давай, Тифф, включи его. — сказала Няни, обходя стол вокруг.

— Я не знаю как! — ответила Тиффани. — Инструкции при нем не было!

Тут Матушка закричала: — Ну-ка назад, Ты! — но было уже слишком поздно.

Белая кошечка лишь махнула хвостиком и скрылась в роге.

Они стучали по рогу. Они переворачивали его вниз горлом и трясли. Они кричали в него. Они поставили перед ним блюдце с молоком. Но котенок не возвращался. Затем Няни Огг осторожно потыкала в рог шваброй, которая, никого этим не удивив, вошла в Корнукопию ровно настолько, насколько позволяли внешние размеры рога.

— Выйдет сама, когда проголодается. — утешительно сказала Няни.

— Не выйдет, если найдет внутри еду. — ответила Матушка, всматриваясь в темноту.

— Не думаю, что она сможет найти еду для кошек. — проговорила Тиффани, пристально изучая картинку. — Хотя, там может быть молоко.

— Эй Ты! Немедленно вылезай оттуда! — скомандовала Матушка голосом, предназначенным для сотрясения гор.

Послышалось отдаленное мяу.

— Может она там застряла? — предположила Няни. — Я что хочу сказать, рог похож на спираль, которая сужается к концу. А коты назад пятиться не очень-то умеют.

Тиффани заметила выражение лица у Матушки и вздохнула.

— Фиглы? — сказала она, обращаясь к комнате в целом. — Я знаю, вы здесь. Появитесь, пожалуйста.

Из-за каждого украшения в комнате вылезли фиглы... Тиффани похлопала по Рогу Изобилия.

— Можете вытащить из него белого котенка? — спросила она.

— И только то? Айе, нае проблемо. — ответил Роб Всякограб. — Я то надеялся на что-то скрутное!

Нак Мак Фиглы рысью устремились в Рог Изобилия. Их голоса

замерли вдали. Ведьмы остались ждать.

Они подождали еще.

И еще.

— Фиглы! — крикнула Тиффани в рог. Ей показалось, что она расслышала отдаленное «Кривенс!»

— Если он зерно дает, то они могли найти пиво. — сказала Тиффани. — А это значит, что они вернутся только когда пиво закончится!

— Кошки не могут жить на пиве! — отрезала Матушка Ветровоск.

— Ну, я сыта по горло ожиданиями. — сказала Няни. — Смотрите, на другом конце тоже есть отверстие. Сейчас я в него подую!

И она взялась за рог. Она надула щеки. Ее лицо покраснело, глаза вылезли из орбит и стало ясно, что если рог сейчас же не пропустит воздух, то она... — в этот момент Корнукопия сдалась.

Что-то загромыхало в ее недрах, звук становился все громче и громче...

— Ничего не вижу. — сказала Матушка Ветровоск, заглядывая в широкое горло рога.

Тиффани еле успела оттащить ее в сторону, как из Корнукопии стремглав вылетела Ты, с распущенным хвостом и прижатыми к голове ушами. Она пронеслась по столу, прыгнула Матушке на платье, вскарабкалась на плечо, развернулась и с вызовом зашипела.

С криком «Криииивенс!» из рога повалили фиглы.

— Все за диван! — закричала Няни. — Бегом!

Звук гремел, как раскаты грома. Все громче, громче и...

... все стихло.

В наступившей тишине из-за дивана осторожно показались три остроконечных шляпы. Из-за всевозможных укрытий выглянули маленькие синие лица.

Послышался звук, похожий на плевок, из Рога Изобилия выкатилась что-то маленькое и всыхоше и упало на пол. Это был очень сильно усохший ананас.

Матушка Ветровоск стряхнула пыль со своего платья.

— Тебе не помешало бы научиться им пользоваться. — сказала она Тиффани.

— Как?

— Ничего в голову не приходит?

— Нет!

— Выкручивайся, как знаешь, мадам, и имей в виду, эта штука опасна!

Тиффани осторожно подняла Корнукопию и ей снова показалось, что

эта вещь на самом деле очень тяжелая, но с успехом притворяется легкой.

— Может надо сказать какие-нибудь волшебные слова? — предположила Няни Огг. — Или на что-то нажать...

Тиффани повертела рог и на свету что-то блеснуло.

— Пойдите, кажется здесь какие-то слова. — сказала она. Она прочитала: «РБНФБ РПХ ЕРЙИХМЕЙУ, ЧБСЙЖЩ ЕРЙ ЕНБ ПНПМБ»

Все, что пожелаешь, я дам в соответствии с названием, — пробормотали воспоминания доктора Суетона.

Следующая строка гласила: «МЕГБЛЩНЩ УХУФЕЛЛПМБЙ»

Я расту, я уменьшаюсь, — перевел доктор Суетон.

— Кажется, я знаю, что надо делать. — сказала Тиффани и в память ушедшей мисс Тенеты провозгласила: — Сэндвич с ветчиной!

Ничего не произошло.

Затем доктор Суетон лениво перевел и Тиффани сказала: «ёнб уЪнфпхйфт жбмрън ме мпхуфЪсдб».

С чмокающим звуком, из недр Рога Изобилия вылетел сэндвич с ветчиной и был ловко подхвачен Нянюшкой, которая тут же откусила кусочек.

— Очень даже ничего! — объявила она. — Сделай еще несколько!

— «Дюе мпх рпллЪ уЪнфпхйфт жбмрън». - сказала Тиффани и тут же раздлася звук, как будто кто-то встревожил пещеру, полную летучих мышей.

— Стой! — закричала она, но это не помогло. Затем доктор Суетон прошептал слова и она громко произнесла — «Mhn мпх zdineiz ресйууфесб уЪнфпхйфт»!

Сэндвичей было... много, целая гора до самого потолка. Нянюшку всю завалило, только кончик шляпы виднелся и слышались приглушенные звуки.

Высунулась рука и Няни Огг, задумчиво пережевывая сэндвич, расчистила себе путь через завалы хлеба и нарезанной свинины.

— Без горчицы, как я посмотрю. Хммм. Что же, у каждого сегодня будет отличный ужин. — заметила она. — А еще, мне придется наварить прорву супа. Но знаешь что, больше не пробуй эту штуку здесь, хорошо?

— Не нравится мне это! — отрезала Матушка Ветровоск. — Откуда все это взялось, а? Волшебная еда не может насытить по настоящему!

— Это не волшебная еда, а божественная. — ответила Няни Огг. — Как манна небесная, что-то вроде того. Я так полагаю, она сделана из тверди небесной.

На самом деле, это всего лишь метафора безграничного плодородия

природы, — прошептал доктор Суетон в голове у Тиффани.

— И когда это с небес манна сыпалась. — фыркнула Матушка.

— Это произошло много лет тому назад за границей. — продолжала Няни, поворачиваясь к Тиффани. — На твоём месте, дорогуша, я бы унесла рог завтра в лес и там проверила, что он ещё может сделать. Хотя, если не возражаешь, немного свежего винограда не помешало бы.

— Гита Огг, ты не можешь использовать Божественный Рог Изобилия как... как кладовую для продуктов! — сказала Матушка. — Хватит с нас хлопот с ногами!

— Но так оно и есть, — с невинным видом ответила Няни Огг, — он и есть кладовая. Вся еда, заключённая в нём, ждёт весны, чтобы вырасти.

Тиффани очень осторожно положила рог на место. В Корнукопии было что-то живое. Она не была уверена, что это только волшебной устройство. Казалось, что Корнукопия прислушивается.

Как только рог прикоснулся к поверхности стола, он тут же стал уменьшаться, пока не уменьшился до размеров небольшой вазочки.

— Прощения просим? — сказал Роб Всякограб. — А пиво в нём есть?

— Пиво? — бездумно повторила Тиффани.

Что-то закапало. Все глаза повернулись к рогу. Он был до краёв заполнен коричневой жидкостью.

Тут все посмотрели на Матушка Ветровоск, которая лишь пожала плечами.

— Нечего на меня смотреть. — кисло сказала она. — Вы все равно его выпьете!

Няни Огг поспешила за кружками, а Тиффани подумала — он живой. Он учится. Он выучил мой язык...

* * *

Тиффани проснулась около полуночи оттого, что на её груди стоял цыпленок. Она столкнула его и пошарила по полу в поисках тапочек, но нашла только цыплят. Она зажгла свечу и увидела у себя на кровати ещё с полдюжины цыплят. Весь пол был покрыт цыплятами. И лестница. И все комнаты на первом этаже. В кухне цыплята выливались в сточную трубу.

Они почти не шумели, только время от времени квохтали, как квохтят обескураженные куры, что более менее является их постоянным состоянием.

Цыплята топтались на полу, стараясь потесниться. Чик. И все потому,

что каждые восемь секунд Корнукопия осторожно выстреливала цыпленком. Чик.

Пока Тиффани таращилась на цыплят, еще один приземлился на горке ветчинных сэндвичей. Чик.

Ты с озадаченным видом сидела на вершине Корнукопии. Чик. И в большом кресле посреди комнаты негромко похрапывала Матушка Ветровоск, окруженная зачарованными курами. Чик. Не считая храпения и квохтания, картина была довольно умиротворяющей. Чик.

Тиффани рассматривала котенка. Она трется о ноги, когда голодна, так? Чик. И мяукает? Чик. А Корнукопия способна понимать разные языки, так? Чик. Она прошептала: — «Не надо больше цыплят», — и через несколько секунд поступление цыплят прекратилось. Чик.

Но и оставлять все, как есть, нельзя. Она потрясла Матушку за плечо и когда та проснулась, сказала — Хорошая новость, сэндвичей с вечтиной почти не осталось... Эээ...

Чик.

Глава девятая

Зеленые побеги

Утром заметно похолодало. Холод был таким пронизывающим, что даже пламя в костре замерзло.

Тиффани приземлила метлу среди деревьев неподалеку от коттеджа Няни Огг. Хотя снег в лесу был не таким глубоким, как на полянах, она проваливалась по колени и холод придавал ему хрупкость, от которой он скрипел под ногами, как черствая буханка.

Теоретически, она ушла в лес, чтобы освоиться с Кронукопией, но на самом деле, она просто унесла ее от греха подальше. Няни Огг не слишком расстроилась из-за цыплят. В конце концов, ей достались пять сотен кур, которые, кудахча, толпились вокруг нее в сарае. Но вот полы были перепачканы, все было измазано птичьим пометом, даже перила, и, как отметила Матушка (шепотом), что если кто-нибудь скажет «акулы»?

Тиффани сидела на пеньке под заснеженными деревьями с Рогом Изобилия на коленях. Когда-то лес был приятным. Сейчас же он вызывал ненависть. Темные стволы деревьев на фоне снега, полосатый черно-белый мир, решетка, перегораживающая свет. Тиффани так сильно не хватало открытого горизонта.

Забавно... Рог Изобилия всегда был теплым, даже здесь, в лесу, и он, казалось, заранее знал, какой размер ему следует принять.

«Я расту, я сжимаюсь...» — подумала Тиффани. А я чувствую себя такой незначительной.

Что будет дальше? Что происходит сейчас? Она продолжала надеяться, что могущество... снизойдет на нее, как свалился Рог Изобилия. Но этого не происходило.

Под снегом теплилась жизнь. Она чувствовала ее кончиками пальцев. Где-то там внизу, вне пределов досягаемости, спало настоящее Лето. Тиффани раскопала снег Корнукопией, добравшись до слоя опавшей листвы. Под листвой таилась жизнь, прятались белая паутина грибницы и бледные новые корни. Полуспящий червь медленно пополз и закопался под тонкий, как кружево, остов листа. Рядом лежал желудь.

Лес не был безмолвным. Он затаил дыхание. Он ждал ее, а она не знала, что делать.

Я не Госпожа Лето, напомнила она себе. Я никогда не буду ею. Я

влезла в ее платье, но я никогда не стану ею. Может быть я смогу прорастить несколько цветочков, но я никогда не буду ею. Они идет по миру и в спящих деревьях начинают струиться океаны сока и миллионы тонн травы вырастают за секунду. Могу ли я это сделать? Нет. Я глупый ребенок с парой-тройкой фокусов, вот и все. Я всего лишь Тиффани Болит, и я до боли хочу вернуться домой.

Чувствуя вину перед червем, Тиффани подышала на почву, чтобы согреть ее и укрыла ее листвой. Только она это сделала, как раздался тихий сочный звук, словно лягушка шлепнула, и желудь раскрылся. Прямо на глазах появился белый стебелек и вырос на целых полдюйма.

Она торопливо сделала ямку в почве, затолкала в нее желудь и заровняла землю.

Кто-то наблюдал за ней. Она выпрямилась и быстро повернулась. Никого не было видно, но это ничего не значило.

— Я знаю, ты здесь! — сказала она, оглядываясь по сторонам. — Кем бы ты ни был!

Ее голос эхом отразился от черных деревьев. Даже ей самой он показался писклявым и испуганным.

Она обнаружила, что поднимает Корнукопию наизготовку.

— Покажись, — потребовала она дрожащим голосом. — или я...

...Что? подумала она про себя. Закидаю тебя фруктами?

С ближайшего дерева с глухим стуком обрушился снег. Тиффани подпрыгнула и почувствовала себя еще более неловко. Вот она уже вздрагивает из-за падающего снега! Ведьма не должна бояться даже самого мрачного леса, сказала ей однажды Матушка Ветровоск, потому что она должна верить всей своей душой, что самое страшное в лесу — это она сама.

Она подняла Рог Изобилия и нерешительно произнесла — Земляника...

Что-то, чмокнув, вылетело из Корнукопии и оставило красный след на дереве, стоящим в двадцать футов от нее. Тиффани даже проверить не стала, рог всегда выполнял то, о чем его просили.

Вот про себя она и такого сказать не могла.

В довершении ко всему, сегодня была ее очередь идти к Аннаграмме. Тиффани глубоко вздохнула. Надо полагать, это тоже было ошибкой.

Тиффани села на метлу и медленно скрылась за деревьями.

Через одну-две минуты, из под земли показался зеленый росток, вырос дюймов на шесть и выкинул два зеленых листика.

Послышались шаги. Они были не такими скрипящими, какими обычно

бывают шаги по снежному насту.

Потом послышался хруст, как будто кто-то опустился на колени.

Пара худых, но могущественных рук осторожно сгребла снег и листья и слепила вокруг побега стенку, защищающего его от ветра, как укрытие.

Маленький белый котенок попытался просунуть нос, но его мягко отодвинули в сторону.

Затем Матушка Ветровоск ушла в лес, не оставляя за собой следов. Никогда не учи других всему, что знаешь сама.

* * *

Шли дни. Аннаграмма училась, но это стоило больших усилий. Тяжело учить того, кто не может признать, что есть что-то, ей неизвестное. Поэтому учеба шла таким образом:

— Ты ведь знаешь, как приготовить корень плацебо?

— Конечно. Все это знают.

И ответ — «Вот и хорошо, покажи мне как», не годился, потому что, она немного повозилась бы и заявила, что у нее болит голова.

Нет, отвечать надо было так: — Вот и хорошо, посмотри, правильно ли я все делаю. — И затем приготовить его по всем правилам. А также добавить что-то вроде: — Матушка Ветровоск говорит, что вместо корня плацебо можно взять все, что угодно, но настоящий корень лучше, если ты сможешь его заполучить. Сироп из него просто изумительно помогает от всяких легких недомоганий, но тебе это и так известно.

И Аннаграмма отвечала. — Конечно известно.

Через неделю ударили такие морозы, что старые деревья в лесах раскололись. Старики говорили, что давно такого не было. Соки в деревьях замерзали и разрывали древесину.

Аннаграмма была самодовольна, как канарейка в комнате с зеркалами, и моментально впадала в панику, сталкиваясь с тем, чего она не знала. Но она схватывала все на лету и умело привторялась, что знает куда больше, чем на самом деле, неоценимый талант для ведьмы. Как то-раз Тиффани заметила лежащий на столе открытый каталог Боффо, некоторые товары в нем были обведены карандашом. Она не стала задавать вопросов. Ей было некогда.

Еще через неделю замерзла вода в колодцах.

Тиффани несколько раз сопровождала Аннаграмму по окрестным деревьям и убедилась, что та справится, в конечном счете. Аннаграмма

обладала врожденным Боффо. Она была высока и надменна и всегда вела себя так, как будто знала все, даже если не имела об этом ни малейшего понятия. С такими способностями нельзя не преуспеть. И люди ее слушались.

Они были вынуждены слушаться. Дороги завалило снегом и между коттеджами прорыли туннели, залитые холодным голубым светом. Все перевозилось на метлах. В том числе и старики. Их забирали вместе с постелями и костылями, и перевозили на новое место. Люди собирались вместе чтобы согреться, и коротали дни, напоминая себе, что какие бы холода нынче не стояли, им не сравниться с морозами в дни их молодости.

Прошло какое-то время и они перестали так говорить.

Иногда наступала оттепель, ненадолго, и затем морозы возвращались. Крыши домов украсились гирляндами сосулек. В очередную оттепель они врезались в землю, как кинжалы.

Тиффани не спала; не ложилась в кровать, во всяком случае. Никто из ведьм не ложился. Снег затвердел, как камень, и по нему можно было ездить, но ведьм было недостаточно и часов в сутках — тоже. Петулия как-то заснула на метле и через две мили очнулась на дереве. Тиффани, заснув, соскользнула с метлы и проснулась в сугробе.

В туннели вошли волки. Они ослабели от голода и отчаяния. Матушка Ветровоск изгнала их и никогда никому не рассказала, как она это сделала.

Холод наносил удар за ударом, день за днем, ночь за ночью. Снег был усыпан черными точками, это были мертвые птицы, замерзшие на лету. Выжившие птицы проникли в туннели и заполнили их своим щебетанием, а люди подкармливали их объедками в благодарность за ложную надежду на весну, что они дарили...

... Потому что пищи хватало. О, да, пищи хватало. Рог Изобилия работал день и ночь.

А Тиффани думала, я должна сказать снежинкам — хватит...

* * *

В старой заброшенной лачуге, в прогнивших досках торчал гвоздь. Если бы у Зимового были пальцы, они бы задрожали.

Это последнее из того, что ему было нужно! Как многому пришлось научиться! Как трудно ему было, как трудно! Кто бы мог подумать, что люди состоят из таких материалов как мел, сажа, газы, яды и металлы? Ржавый гвоздь покрылся слоем льда, который стал нарастать и вытолкнул

гвоздь из доски.

Гвоздь медленно вращался в воздухе и в вое ледяного ветра, обдувающего макушки деревьев, прозвучал голос Зимового: **ЖЕЛЕЗА, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ЧЕЛОВЕКА!**

Где-то высоко в горах снежный покров взорвался. Он вспучился, как будто под ним резвились дельфины, и стал менять форму, принимая то один, то другой образ...

Затем, также внезапно, как и взметнулся, снег улегся. В морозном воздухе, сверкая на солнце, высился всадник на белоснежном коне. Если бы величайшего скульптора в мире попросили слепить снеговика, он бы вылепил вот такого.

Но это еще был не конец. Конь и всадник плавно меняли форму, становясь все более и более живыми. Проявились детали. Появились цвета, все блеклые, ни одной яркой.

Наконец печальное зимнее солнце осветило человека и коня.

Зимовой протянул руку и согнул пальцы. В конце концов, цвет, это всего лишь вопрос отражения; пальцы приобрели телесную окраску.

Зимовой попробовал разговаривать. Он издавал самые разнообразные звуки, от рева бури до шуршания прибоя на галечном берегу. Где-то среди них затесались звуки, которые казались правильными. Он повторил их, растягивая и перемешивая, превращая их в речь, играя с ними, пока они не зазвучали по настоящему.

Он произнес: — Трынбрынгхз? Грркхзыбывф? Висвуп? Нананана... Ни... На... А... А! Вот она, речь! — Зимовой откинул голову и запел увертюру из оперы «Зима в Убервальде» композитора Воты Дойнова. Он подслушал ее как-то раз, рея бурей над крышей оперного театра, и был изумлен, обрадуясь, что люди — какие-то бурдюки на ножках, наполненные грязной водой, смогли настолько тонко понять зиму.

— СНОВА ПОХЛОДАЛО! — пропел он в студенное небо.

Зимовой скакал через сосновый лес и пел оперу. Единственной допущенной им ошибкой было исполнение партий всех музыкальных инструментов, а не только голосов. Он пел всю оперу целиком и ехал, как странствующий оркестр, одновременно воспроизводя пение, скрипки, стук барабанов и весь остальной оркестр.

Запах деревьев! Ощущение притяжения земли! Чувство цельности! Он мог видеть темноту с другой стороны глазных яблок и сознавать, что это он и есть! Быть... и знать, что ты... человек!

У него никогда раньше не было таких ощущений. Это было так возбуждающе. Столько всего вокруг... чувства набрасывались на него со

всех сторон. Например, земля. Она постоянно притягивала к себе. Даже чтобы просто стоять прямо, надо было все время думать об этом.

А птицы! Зимовой всегда воспринимал их как помехи, мешающие ветру, но сейчас он видел в них таких же живых существ, как и он сам! Они играли с земным притяжением и владели небесами.

Никогда раньше Зимовой не видел, не чувствовал, не слышал. Это невозможно, пока не станешь... обособленным, не окажешься в темноте за глазами яблоками. Никогда раньше он не был обособленным; он всегда был частью вселенной, частью притяжения и давления, звука и света, струящийся и скользящий. Он прорывался штормами через горы, но вплоть до сегодняшнего дня даже не знал, что такое горы.

Темнота за глазами яблоками... Что за совершенство. Она давала тебе чувство... самого себя. Руки с этими уморительными вихляющимися отростками на концах, они давали осязание; дыры по обеим сторонам головы позволяли проникать звукам; дырки на лице — чудесным запахам. Как умно со стороны этих дыр знать, что надо делать! Это так изумительно! У стихии все ощущения воспринимаются одновременно, внутри и снаружи в одном большом... нечто.

Нечто. Полезное слово... нечто. Нечто было чем-то, что Зимовой не смог бы описать. Все было... чем-то, и все было таким возбуждающим.

Как хорошо быть человеком! О, в основном он представлял собой грязный лед, но в конце концов, лед, это более упорядоченная вода.

Да, он — человек. Это так легко. Надо всего лишь организовать себя. Теперь у него были пять чувств, он мог передвигаться среди людей, он мог... искать. Искать так, как это делают люди. Он стал одним из них! Когда он был стихией, он не мог этого сделать, ему было трудно даже отличить человека от других существностей физического мира. Но люди могут разговаривать с другими людьми, используя отверстие для звуков. И он тоже может разговаривать с ними и они ничего не заподозрят!

Теперь, когда он стал человеком, пути назад нет. Он — Зимний Король!

Все, что ему нужно, это королева.

* * *

Тиффани проснулась оттого, что кто-то ее тряс.

— Тиффани!

Она заснула, положив голову на Корнукопию. Где-то рядом слышался

странный стук, как будто что-то сухое капало. Белдно-голубой свет заливал комнату.

Когда она открыла глаза, Матушка Ветровоск вернулась в свое кресло.

— Ты спишь с девяти часов, девочка. — сказала она. — Тебе пора домой.

Тиффани огляделась. — А разве я не дома? — спросила она, чувствуя себя сбитой с толку.

— Нет, это дом Няни Огг. А вот и суп...

Тиффани проснулась. Перед ней стояла расплывающаяся тарелка с супом. Она казалась... знакомой.

— Когда ты в последний раз спала в кровати? — спросила призрачная фигура.

Тиффани зевнула. — Какой сегодня день?

— Вторник. — ответила Матушка Ветровоск.

— Ммм... Какой вторник?

Тиффани проснулась в третий раз, тут ее схватили и вытащили из кровати.

— Ну вот, — послышался голос Матушки Ветровоск. — Больше не засыпай. Ешь суп. Согревайся. Тебе пора домой.

На этот раз желудок Тиффани взял на себя управление рукой с ложкой и Тиффани постепенно согрелась.

Матушка Ветровоск сидела напротив нее с котенком Ты на коленях, наблюдая как Тиффани ест суп.

— Я слишком многого от тебя ожидала, — сказала она. — Понадеялась, что когда день удлинится, твоя сила возрастет. Но ты в этом не виновата.

Стук участился. Тиффани глянула вниз и увидела, что из Рога Изобилия сыпется ячмень. Пока она разглядывала его, зерен стало сыпаться еще больше.

— Ты настроила его на ячмень, прежде чем заснуть. — пояснила Матушка. — Когда ты устаешь, его работа замедляется. Ячмень как раз то, что нужно, иначе куры бы нас заживо сожрали.

— Единственное, что я сделала правильно. — сказала Тиффани.

— Ох, ну не знаю. Аннаграмма Ястребц, кажется, подает надежды. Насколько я слышала, ей очень повезло с друзьями. — Если бы мисс Тенета рискнула сыграть в покер против Матушки Ветровоск, она скорее всего проиграла бы.

Внезапно, перестук ячменных зерен стал громче.

— Послушайте, я... — начала Тиффани.

Матушка фыркнула. — Лично мне никто не обязан давать объяснения. — с достоинством сказала она. — Можешь мне пообещать, что отправишься домой? Сегодня утром к нам прорвалась пара карет и говорят, что внизу на равнинах все не так плохо. Возвращайся в свой Мел. Кроме тебя, у них больше ведьм нет.

Тиффани вздохнула. Ей очень хотелось вернуться домой, больше всего на свете. Но это было бы похоже на бегство.

— Или на стремление куда-то. — ответила Матушка, возвращаясь к своей старой привычке отвечать на то, что не было произнесено вслух.

— Тогда я отправлюсь завтра. — сказала Тиффани.

— Хорошо. — Матушка встала. — Идем. Я тебе что-то покажу.

Тиффани последовала за ней в снежный туннель, что выходил на опушку леса. Снег на поляне был утоптан крестьянами, ходящими в лес за дровами. Стоило зайти чуть подальше и сугробы были уже не такими глубокими, деревья задерживали снег и он лежал на ветвях, отбрасывая холодные синие тени.

— Что мы ищем? — спросила Тиффани.

Матушка Ветровоск показала.

Зеленое пятно на серо-белом фоне. Свежая листва молоденького дуба, все лишь в пару футов высотой. Тиффани, поскрипывая снегом, подошла к нему и дотронулась. Воздух вокруг деревца был теплым.

— Ты знаешь как сделала это? — спросила Матушка.

— Нет!

— Я тоже. Я бы так не смогла. А ты сделала, девочка. Ты — Тиффани Болит.

— Всего одно деревце. — сказала Тиффани.

— Ах, ну и что. Начинать надо с малого, с дубами то.

Они молча постояли, глядя на деревце. Похоже, что зелень отражала снег от себя. Зима украла краски, но дерево сияло.

— Ну что ж, у нас у всех есть дела. — сказала Матушка, разбивая очарование. — Ты, как я полагаю, полетишь в коттедж мисс Тенеты, как обычно. Ничего другого я от тебя не ожидала бы...

* * *

На постоялом дворе, где останавливались почтовые кареты, жизнь кипела даже утром. Карета Первой Почты меняла лошадей после долгого перегона в горах, другая карета, следующая вниз на равнины, ожидала

пассажиров. В воздухе клубились пары дыхания лошадей. Кучера переминались с ноги на ногу. Грузчики загружали мешки и пакеты. Во дворе сутились люди с завтраком, слонялись какие-то косолапые типчики, курили и сплетничали. Минут через пятнадцать двор опустел, но все были слишком заняты, чтобы обратить внимание на еще одного путника.

Позже, каждый из них рассказывал свою собственную историю, споря с другими до крика. Наверное, наиболее точный рассказ принадлежал мисс Димфнии Стут, дочери хозяина гостиницы, которая в то утро помогала отцу накрывать завтрак.

— Он как зашел, я сразу увидела, что-то в нем не так. Он и шел так забавно, поднимая ноги, как лошадь. И весь, как будто, блестел. Ну, кого у нас тут только не бывает и платят нам не за то, чтобы мы отпускали насмешки. На прошлой неделе, забегала к нам компания оборотней, так они были совсем как мы с вами, только нам пришлось им тарлеки на пол поставить... Ах, да, мужчина... Ну, сел он, значит, за стол и заявил: — «Я такой же человек, как и вы!» Вот так прямо и сказал!

— Конечно, никто на это не обратил внимания, но я ему ответила, что очень за него рада и спросила, что подать, сосиски у нас в то утро выдались на славу, а он ответил, что ест только холодное. Так странно, тем более, что все заворчали, как похолодало в комнате, а ведь огонь в большом камине пылал всюду! Ну да ладно... У нас в кладовой как раз завлялись холодные сосиски, чуток с душком, ну вы понимаете о чем я. В общем, отнесла я ему сосиски, он откусил кусочек и заговорил с набитым ртом, вы только подумайте, — «Я ожидал другого. Что мне с этим делать?» Ну я ответила, что надо проглотить, а он говорит — «Проглотить?», я ему — да, глотайте, чтобы пища в желудок попала, а он как скажет, куски аж во все стороны полетели — «О, в эту пустоту!» И он так заколыхался, а потом говорит, — «Я человек, мне удалось съесть человеческие сосиски!». Ну я ему ответила, что зря он так говорит, эти сосиски были свиные, как и все остальные, впрочем.

— А затем он спросил, что ему теперь делать с проглоченным и я ответила, что это не мое дело, говорить ему такое, и что с него два пенни, а он положил на стол золотой и я сделала реверанс, так, на всякий случай, никогда ведь не знаешь...

Потом он сказал — «Я человек, такой же как и вы. Где живут люди с острыми концами на голове, что летают в небе?» По моему он так смешно о них сказал, но ему я ответила, что если он про ведьм, то они почти все живут выше по реке, в лесах за ланкрским мостом, а он добавил — «По имени Тенета?» и я сказала, что вроде она умерла, но с этими ведьмами

никогда нельзя быть уверенным. И после этого он ушел. Да, и еще, он все время улыбался, такой сияющей, но немного пугающей улыбкой. И с одеждой у него было что-то не так, будто она прилипла у нему или что-то в таком роде. Вот вчера у нас были два тролля. Они нашу пищу есть не могут, знаете, ведь они ходячие камни, но мы предложили им шикарный обед из битых чашек и смазочного масла. Так вот этот тип был еще чуднее. А после того как он ушел, в комнате потеплело.

* * *

Ничего другого я от тебя не ожидала бы...

Эти слова согревали Тиффани, летящую над деревьями. Огонь питался гордостью, но в костер пошла и парочка потрескавшихся поленьев злости.

Матушка обо всем знала! Уж не она ли все это и запланировала? Потому что все выглядит в таком выгодном свете, верно? И все ведьмы узнают, что воспитанница миссис Иервиг не справилась, но Тиффани Болит уговорила остальных девочек помочь и держать язык за зубами. Среди ведьм, держание языка за зубами, самый верный способ, чтобы все выплыло наружу. Ведьмы отлично слышат то, что вы им стараетесь не говорить. Итак, Аннаграмма осталась с коттеджем, миссис Иервиг была уязвлена, а Матушка торжествовала. То есть вся беготня, вся работа, были ради того, чтобы Матушка могла торжествовать. Нет, конечно, и ради поросенка миссис Корчевщицы и всех остальных жителей. Что как раз все и усложняло. Ведь когда требуется, ты будешь делать все, что в твоих силах. Основа ведовства — совать свой нос во все дела. Тиффани об этом знала. А Матушка знала, что Тиффани знала. Поэтому Тиффани сновала туда-сюда, как маленькая заводная мышка...

Она это так не оставит!

Пустошь была занесена снегом, вся в глубоких оледенелых сугробах, но она обрадовалась, увидев, что к коттеджу была протоптана дорожка.

Появилось и кое-что новое. Вокруг могилы мисс Тенеты стояли люди и снег вокруг был расчищен.

Ох, нет, подумала Тиффани, делая круг над поляной, пожалуйста, только не говорите, что она полезла за черепами!

Все оказалось даже еще хуже.

Она опознала людей у могилы. Это были местные жители, они посмотрели на Тиффани тем дерзким, настороженным взглядом людей, перепуганных до полусмерти стоящей перед ними маленькой, но возможно

разозленной остроконечной шляпой. И в том, как они старательно избегали смотреть на могилу, было что-то такое надуманное, что моментально привлекло внимание Тиффани к ней. Могила была покрыта клочками бумаги, пришпиленными щепками. Они трепетали на ветру.

Она подняла пару бумажек:

«Мисс Тенета пожалуста присмотри за моим Джо»

«Мисс Тенета, я лысею, помоги пожалуйста»

«Мисс Тенета, извините за беспокойство, прошу вас, найдите нашу Бекки»

Таких записок было много. Она только собралась накинуться на крестьян за то, что они по прежнему продолжают докучать мисс Тенете, как вспомнила пачки Бравого Морехода, что пастухи до сих пор оставляли на торфе, где когда-то стояла старая пастушья хижина. И хотя просьбы пастухов не были записаны на бумажках, они там присутствовали, вея над торфяником.

«Бабушка Болит, что тучки небесные погоняет, прошу тебя, пригляди за моей овечкой».

«Бабушка Болит, вылечи моего сына».

«Бабушка Болит, найди моих ягнят».

Это были молитвы простого люда, не осмеливающегося беспокоить богов. Они доверяли тому, что знали. И не то, что они были правы или заблуждались. Они лишь уповали на свои надежды.

Ну, мисс Тенета, подумала Тиффани, мифом вы стали, как пить дать. Может и до богини дорастете. Но приятного в этом мало, уж поверьте.

— И что Бекки, нашлась? — спросила она, поворачиваясь к людям.

Ей ответил какой-то мужчина, старательно отводя глаза.: — Я полагаю, что мисс Тенета поняла, почему девицу домой не тянет.

Ох, подумала Тиффани, одна из этих причин.

— А что слышно о парнишке? — спросила она.

— А, эта просьба выполнена. — ответила женщина. — Его мать получила вчера письмо, что он попал в ужасное кораблекрушение, но его успели подобрать, что доказывает.

Тиффани не стала спрашивать, что это доказывало. Достаточно и того, что это считалось доказательством.

— Это хорошо. — ответила она.

— Но многие утонули, — продолжала женщина. — Они столкнулись с айсбергом в тумане. По их словам, это была огромная женщина из льда. Представляете?

— По моему, они слишком долго пробыли в море, вот им везде женщины и мерещатся. — ответил мужчина и рассмеялся. Женщина кинула на него Взгляд.

— Он не написал, на кого... — не была ли она похожа на кого-то знакомого? — спросила Тиффани, старательно равнодушным тоном.

— Это зависит от того, куда они смотрели... — весело начал мужчина.

— Прочисть мозги! — ткнула его пальцем в грудь женщина.

— Эээ, нет, мисс. — потупился мужчина, — Он только написал, что ее голова была покрыта... пометом чаек, мисс.

Тиффани постаралась скрыть облегчение. Она оглядела трепещущие клочки бумаги на могиле и перевела взгляд на женщину, пытающуюся спрятать за спиной что-то, что вполне могло оказаться очередной просьбой.

— И вы во все это верите, миссис Картер?

Женщина неожиданно засуетилась. — Ох, нет, мисс, конечно же нет. Но это только... ну вы понимаете...

Тебе так спокойнее, подумала Тиффани. Когда сделано все, что можно было сделать, у вас остается последняя надежда. И кто знает, а вдруг да поможет. Да. Я то понимаю. Это...

Ее рука чесалась. И тут она осознала, что рука чешется уже давно.

— О, да? — прошептала она. — Ты посмел?

— Что с вами, мисс? — спросил мужчина. Тиффани не обратила на него внимания. К ним приближался всадник. За ним, как плащ, тянулся вихрь снега — плотный, как пелена и беззвучный, как проклятие.

Не отрывая от него глаз, Тиффани сунула руку в карман и стиснула крошечный Рог Изобилия. Ха!

Она пошла вперед.

Поравнявшись со старым коттеджем, Зимовой спешил.

Тиффани остановилась в двадцати шагах от него, сердце у нее колотилось.

— Моя госпожа, — сказал Зимовой и поклонился.

Он выглядел... приятнее и взрослее.

— Имей в виду! У меня есть Корнукопия и не побоюсь ее применить! — сказала Тиффани. Но она медлила. Он выглядел почти как

человек, за исключением странной, приклеенной к губам улыбки. — Как ты меня нашел? — спросила она.

— Я научился, ради тебя. — ответил Зимовой. — Я научился, как искать. Я человек!

Нежели? Но рот у него неправильный, сказал Третий помысел. Он внутри бледный, как снег. Это не юноша перед тобой. Он только думает, что он юноша.

Одну тыкву и побольше, настаивал Второй Помысел, к зиме они становятся такими твердыми. Пристрели его!

Но сама Тиффани, та, что снаружи, та, что могла чувствовать кожей дыхание ветра, подумала: Не могу я так поступить! Он ничего плохого не делает, только стоит и разговаривает со мной. Это я во всем виновата!

Он хочет, чтобы зима никогда не кончалась, сказал Третий Помысел. Все умрут, все, кого ты знаешь!

Она была уверена, что Зимовой мог читать ее мысли.

Лето убивает зиму, твердил Третий помысел. Так заведено!

Убивает, но по другому, подумала Тиффани. Я знаю, что все происходит по другому! Не так. Это не та... история. Короля зимы нельзя убивать тыквой!

Зимовой очень внимательно наблюдал за ней. Тысячи снежинок-Тиффани кружились за ним.

— Мы закончим Танец? — спросил он — Я человек, так же как и ты! — он протянул руку.

— Ты знаешь, как быть человеком? — сказала Тиффани.

— Да! Это очень просто! Железа, чтобы сделать гвоздь! — с готовностью ответил Зимовой. Он просиял, как будто ему удался сложный трюк. — И настало время для Танца...

Он шагнул вперед. Тиффани отступила.

Если ты согласишься на танец, предупредил ее Третий Помысел, придет конец всему. Можешь верить в себя и свою звезду, но тем большим штукам, что сверкают в небе за тысячи миль отсюда, им без разницы над чем сверкать, хоть и над вечными снегами.

— Я... не готова. — чуть слышно ответила Тиффани.

— Но время идет. — сказал Зимовой. — Я человек, я об этом знаю. Разве ты не богиня в человеческой форме?

Глаза впились в нее.

Нет, я не богиня, думала она. Я всегда буду только... Тиффани Болит. Зимовой приближался, протягивая руку.

— Время Танцевать, госпожа. Время закончить Танец.

Мысли улетучивались. Глаза Зимового не оставили в голове Тиффани ничего, кроме ослепительной белизны, чистой, как свежесвыпавший снег.

Аааайййййййяяяяяя!

Дверь коттеджа мисс Тенеты распахнулась и... что-то выскочило и заковыляло к ним сквозь сугробы.

Это была ведьма. Ошибки быть не могло. На ней — возможно, это была она, но бывают настолько жуткие создания, что и думать не стоит, как к ним обратиться в письмах — была шляпа с таким длинным и острым концом, что он вился кольцами, как змея. Шляпа была надета поверх свисающих прядей спутанных, засаленных волос, которые обрамляли лицо из ночного кошмара. Оно было зеленого цвета, так же, как и руки с черными когтями.

Тиффани уставилась на нее. Зимовой уставился на нее. Люди уставились на нее.

Жутко завывая, согбенное создание подковыляло поближе, демонстрируя детали — коричневые зубы и бородавки. Бородавок было очень много. Даже на бородавках были свои бородавки.

Аннаграмма заказала все. Часть Тиффани еле удерживалась от смеха, даже в такую минуту, но тут Зимовой схватил ее за руку...

... А ведьма ухватила его за плечо.

— А ну не трожь! Не смей! Я — ведьма, понял!

Голос Аннаграммы всегда резал уши, но когда она выходила из себя, то в нем появлялись такие взвизги, что у вас просто голова лопалась.

— Отпусти ее, тебе говорят! — вопила Аннаграмма. Зимовой был ошеломлен. Нелегко переносить вопли взбешенной Аннаграммы тому, кто не так давно обзавелся ушами.

— Отпусти ее! — взывала она. И швырнула огненный шар.

Она промахнулась. Возможно, так и было задумано.

Люди всегда отрываются от своих занятий, когда мимо пролетает шар раскаленного газа. Вот только люди обычно не тают.

У Зимового отвалилась нога.

Позже, летя домой через пургу, Тиффани гадала, как Зимовой это устроил. Он не только сделал себя из снега, но и заставил снег ходить и говорить. Значит он постоянно думал о своих действиях. Он должен был думать. Людям нет нужды все время помнить о своем теле, потому что тело и само знает свое дело. Но снег не знает даже того, как просто стоять.

Аннаграмма смотрела на него так, будто он ее оскробил.

Зимовой озадачено огляделся вокруг, по его груди пошли трещины и вот он рассыпался на снежинки и превратился в сугроб.

Повалил снег, как будто кто-то выкручивал тучи.

Аннаграмма оттянула конец маски, взглянула на сугроб, а затем на Тиффани.

— Так, — сказала она. — Что сейчас произошло? С ним должно было это случиться?

— Я прилетела повидаться с тобой и... Это Зимовой! — все, что смогла ответить ей Тиффани.

— Ты хочешь сказать... Зимних Дел Мастер? — переспросила Аннаграмма. — А разве он не более, чем сказка? Что ему от тебя надо? — добавила она.

— Он... Я... — заговорила Тиффани, но не знала с чего начать. — Он существует! Мне нужно оказаться как можно дальше от него! — сказала она. — Мне нужно бежать! Слишком долго объяснять!

На какое то жуткое мгновение ей показалось, что Аннаграмма все еще собирается требовать всю историю, но та схватила Тиффани за руку черной резиновой лапой.

— Тогда улетай отсюда немедленно! Ох, нет, у тебя все еще старая метла мисс Тенеты? Она совершенно бесполезна! Возьми мою! — она потащила Тиффани к коттеджу, а снег валил все гуще и гуще.

— Железа, чтобы сделать гвоздь! — сказала Тиффани, стараясь не раскиснуть. Она больше ни о чем другом не могла говорить, внезапно, это стало исключительно важным. — Он думает, что он человек...

— Я разрушила его снеговика и только, дура ты набитая! Он вернется!

— Да, но железа достаточно, знаешь, чтобы...

Зеленая рука хлестнула ее по лицу. но резина смягчила удар.

— Перестань лепетать! Я считала тебя умной! Хотя я не имею никакого представления, что происходит, но если бы меня преследовало такое существо, я бы не стояла тут, что-то лепеча! — Аннаграмма натянула маску Злой Ведьмы Де-Люкс с Болтающейся Козюлькой, поправила козюльку и повернулась к крестьянам, которые словно приросли к месту. — Ну, что уставились? Ведьму что-ли никогда не видели? — закричала она. — Расходитесь по домам! Да, миссис Картер, я загляну к вам завтра с лекарством для малыша!

Они поглядели на ее зеленое лицо, гнилые зубы, грязные волосы и здоровенную козюльку, которая на самом деле была стеклянная, и бросились прочь.

Все еще ошалевшая от пережитого ужаса и облегчения, Тиффани повторяла, мелко дрожа: — Железа, чтобы сделать гвоздь... — Пока Аннаграмма не встряхнула ее. Крупные снежные хлопья мелькали с такой

скоростью, что лица было не разглядеть.

— Тиффани, метла. Садись на метлу. — проговорила Аннаграмма. — Улетай подальше отсюда! Ты меня слышишь? Куда-нибудь в безопасное место!

— Но он... Это несчастное создание думает, что...

— Да, да, это очень важно, понимаю. — ответила Аннаграмма, подталкивая ее к стене коттеджа, где стояла прислоненная метла. Она полузатащила, полу-подсадила Тиффани на метлу и глянула на небо. Снег валил, как из ведра.

— Он возвращается! — рявкнула Аннаграмма и добавила шепотом несколько слов. Метла рванулась и исчезла в меркнущем свете за стеной падающего снега.

Глава десятая

Возвращение домой

Матушка Ветровоск отвела глаза от блюдечка с чернилами, в котором крошечная Тиффани исчезала в метели. На лице у нее была улыбка, но у Матушки Ветровоск это не обязательно означало, что произошло что-то приятное.

— Мы бы запросто его уклали, — сказал Роб Всякограб. — Чего не дозволила?

— Может так, а может он превратил бы вас в ледышки. — ответила Матушка, — Кроме того, перед Нак Мак Фиглами стоит более важная задача. Вы должны сделать две вещи для своей Величей Карги. Одна из них трудная. Вторая — очень трудная.

Услышав это, фиглы воспряли духом. Кухня миссис Огг просто кишела фиглами. Кое-кто даже взобрался на самую Няни Огг и мисс Тик чувствовала себя довольно неуютно в их окружении. В отличии от мисс Тик, фиглам редко выпадало удовольствие искупаться.

— Во-первых, — сказала Матушка, — вам придется спуститься... в Подмирье, за Госпожей Лето.

Многозначительная пауза, казалось, совершенно не беспокоила фиглов.

— Ох, айе, это мы можем, — ответил Роб Всякограб. — Мы можем пройти хоть куда. А шибко трудно, это про что?

— И даже вернуться назад? — спросила Матушка.

— Ох, айе. — твердо повторил Роб. — Обычно нас вышвыривают вон.

— Очень трудная часть, — продолжила Матушка — Найти Героя.

— Энтю не трудно. — ответил Роб. — Мы все тутя герои! — Раздались одобрительные возгласы.

— В самом деле? — сказала Матушка. — Страшно тебе пойти в Подмирье, Роб Всякограб?

— Мне? Нет! — Роб Всякограб оглядел своих собратьев и широко ухмыльнулся.

— Тогда напиши слово «мармелад». — Матушка Ветровоск толкнула карандаш по столу и села в кресло. — Давай, пиши прямо сейчас. И чтобы никто ему не помогал!

Роб сдался. Матушка Ветровоск была Карга из Карг, он это знал. Даже

сказать было страшно, что она могла сотворить с согрешившим фиглом.

Он нервно ухватился за карандаш и поставил заостренный конец на столешницу. Фиглы сгрудились вокруг, но под хмурым взглядом Матушки никто не осмеливался даже подбодрить его.

Роб уставился прямо перед собой, шевеля губами, на лбу выступили капельки пота.

— Мммааа... — сказал он.

— Раз. — откликнулась Матушка.

Роб мигнул. — Эй, это хтось тама считает? — запротестовал он.

— Я, — сказала Матушка. Котенок Ты запрыгнул ей на колени и свернулся клубком.

— Кривенс, хйба ты рекла, что счет будет!

— Не говорила? Правила могут измениться в любую минуту! Два!

Роб вывел более-менее сносную букву «М», помялся и накорябал букву «Р», как раз, когда Матушка произнесла: — Три!

— Там должна идти «А», Роб, — вставил Билли Подбородище. Он дерзко посмотрел на Матушку и добавил. — Я слышал, что правила можно менять в любую минуту, так?

— Конечно. Пять!

Роб написал «А» и в творческом порыве добавил еще одну «М».

— Шесть с половиной, — считала Матушка, невозмутимо поглаживая котенка.

— Чегось? Ах, кривенс, — пробормотал Роб и вытер вспотевшую руку о килт. Затем он снова схватил карандаш и вывел «Л». Одна ножка у нее получилась волнистой, потому что карандаш выскользнул из его рук и грифель сломался.

Он зарычал и вытащил меч.

— Восемь. — сказала Матушка. Роб остревенело затачивал карандаш так, что стружка во все стороны летела.

— Девять. — «А» и «Д» написал раскрасневшийся Роб, выпучив глаза.

— Десять. — Роб, сильно нервничая, но и не без гордости, встал по стойке смирно рядом с выписанным «МРАМЛАД». Фиглы радостно завопили, а те, кто стояли рядом, стали обмахивать его своими килтами.

— Одиннадцать!

— Чегось? Кривенс! — Роб кинулся к слову и вывел маленькую букву «е» в середине.

— Двенадцать!

— Могешь считать сколько те влезет, госпожа. — сказал Роб, отшвыривая карандаш. — но тут весь мармелад, какой есть. — Это вызвало

очередной взрыв одобрения.

— Героическая попытка, мистер Всякограб. — сказала Матушка. — Первое деяние героя — победа над собственными страхами. Но Нак Мак Фиглы сражаются, не зная значения этого слова.

— Айе, верно. — пробормотал Роб. — Нам значение тысячи слов не ведомо!

— Можете сразиться с драконом?

— О, айе, подавай его сюда! — он все еще был в гневе из-за мармелада.

— Подняться на высокоую гору?

— Нае проблемо!

— Прочитать книгу от корки до корки, ради спасения вашей Великучей Карги?

— Ох, айе. — Роб запнулся. Его загнали в угол. Роб облизал губы и сипло спросил: — Сколь тама страничек будет?

— Сотни. — ответила Матушка.

— Со словцами на каждой стороне?

— Разумеется. И буквы мелкие!

Роб пригнулся. Когда его загоняли в угол, он всегда принимал такую стойку — из нее проще начать драку. Фиглы дружно затаили дыхание.

— Я это сделаю! — сурово объявил он, сжимая кулаки.

— Молодец. — сказала Матушка. — конечно, ты сделаешь. И это был бы героический поступок — для тебя. Но спуск в Подмирье за настоящей Госпожой Лето тоже должен быть героическим для кого-то. Вот какова История. В прошлом такое не раз случалось. И как настоящий Герой, он должен будет превозмочь свои страх и ужас, потому что чудовища, с которыми ему придется сразиться, это те, что у него в голове. Пора наступать весне, у а нас все зима со своими снегами. Тебе надо поторопиться. Найди его и укажи ему путь. Путь, Что Ведет Вниз, Роб Всякограб.

— Аей, ведома нам та стезя. — ответил Роб.

— Его зовут Роланд. — продолжала Матушка. — И я считаю, вам следует отправиться не мешкая, пока светло.

* * *

Метла стремительно неслась сквозь пургу. Обычно метла летит туда, куда хочет ведьма, и Тиффани, лежа на метле, пытаюсь не умереть от

холода, и надеялась, что метла отнесет ее домой. Она ничего не могла разглядеть, кроме темноты и летящего навстречу колючего снега, поэтому она лежала, надвинув на лоб шляпу, чтобы ее обтекал ветер. Но даже в таком положении, снежинки бомбардировали ее, как камешки, и пытались сорвать с метлы. Каждые несколько минут она обстукивала себя и метлу, чтобы стряхнуть лед.

Она услышала рев водопада и ощутила внезапно разверзшуюся пропасть, когда метла повернула к равнинам и стремительно понеслась вниз. Тиффани замерзла до полусмерти.

Она не могла сражаться с Зимовым как Аннаграмма. О, она могла это замыслить и пойти в кровать, полная намерений, но когда она его увидела...

... железа, чтобы сделать гвоздь... Слова застряли у нее в голове, и всю дорогу она пыталась вспомнить старую считалку, услышанную ею несколько лет назад от странствующих учителей. Одну их тех песенок, что всем известны:

Железа — чтобы сделать гвоздь,
Побелки — стену побелить,
Серы — извести всех блох,
Воды — щенка в ней утопить.
Яд — корову отравить,
Известь — постирать рубашку,
Золота — фасоль купить,
Серебра — покрыть булавку.
Свинца — чтоб птицу нагрузить,
Фосфора — город осветить.

И так далее, и так далее...

Какая-то ерудна, вроде той, что никак не можешь запомнить, пытаешься выучить, но потом тебе кажется, что знал ее всю жизнь. Девочки прыгали под нее, дети считались, кому водить.

И вот однажды, странствующий учитель, который, как и все другие, учил в обмен на яйца, овощи и стиранные поношенные одежды, обнаружил, что ему больше платят не за полезные знания, а за интересные. Он рассказал про волшебников, которые с помощью изоощренной магии определили из чего состоит человек. В основном из воды, но в ней было немного железа, серы, сажы — буквально всего по чуть-чуть, даже золота,

все как-то состряпанное вместе.

Для Тиффани смысла в этом было не больше, чем в любом другом объяснении. Но в одном она была уверена: если взять все эти вещества и смешать их в большом чане, они никогда не превратятся в человека, хоть кричи на них, хоть нет.

Не создашь картину, вылив краску в ведро. Люди это знают.

Зимовой не был человеком. Зимовой этого не знал...

Он не знал и того, как оканчивается считалка.

Слова снова и снова прокручивались у нее в голове, пока метла, одолженная у Аннаграммы, стремительно летела вперед. В какой-то момент доктор Суетон очнулся от сна и тонким, самодовольным голосом прочитал ей лекцию о Младших Стихиях и о том, что почти все они были выдуманы людьми. Но тем не менее, они содержали в себе много нарративиума, основного компонента историй, который можно обнаружить, лишь наблюдая за тем, как они себя ведут...

Убегаешь, спасаешься бегством. Нравится тебе это, пастушка? Ты украла его у меня. Неужели он все, на что ты уповаешь? Прямо в воздухе раздался голос.

— Меня не волнует, кто ты такая. — пробормотала Тиффани, слишком замершая, чтобы собраться с мыслями. — Убирайся...

Время летело. Воздух на равнинах был теплее и снег не так яростно валил, но холод по прежнему проникал сквозь все слои одежды. Тиффани боролась со сном. Некоторые ведьмы могли спать на метлах, но она даже не рисковала попробовать, в страхе, что ей приснится, будто она падает и проснувшись она обнаружит, что это не сон и падать ей осталось совсем недолго.

Но вот внизу показался островок желтых огней. Это мог быть постоянный двор в Двурубахах, важный навигационный пункт.

Ведьмы никогда не останавливались в гостиницах, если могли этого избежать, потому что в некоторых краях это было опасным и в большинстве из них требовали оплату. Но у миссис Амбридж, владелицы сувенирной лавки, во дворе стоял старый сарай, а она сама была, по словам мисс Тик, ДКВ, то есть Дружелюбна К Ведьмам. На стене сарая, там, где его мог найти только тот, кто специально искал, был начертан знак: ложка, остроконечная шляпа и большая галочка.

Никогда еще кипа соломы не казалась ей такой чудесной и в две минуты Тиффани зарылась в солому. На другом конце сарая две коровы миссис Амбридж наполняли воздух теплом и запахами перебродившей травы.

Сон был мрачен. Ей снилось, как Аннаграмма сняла маску Де Люкс, чтобы обнажить свое лицо, и затем сняла свое лицо, чтобы показать под ним лицо Матушки Ветровоск...

И затем: Стоило ли все это танца, пастушка? Ты забрала мою силу и я ослабела. Теперь мир оледенеет. Стоило ли это танца?

Тиффани села. Она сидела в черном, как смоль, сарае и думала, что видела светящуюся надпись в воздухе, извивающуюся, как змея. Затем она снова провалилась в темноту и ей снились глаза Зимового.

Глава одиннадцатая

И даже бирюзовый

Дин-дон!

Тиффани резко села, раскидывая солому. Но это только ручка звякнула о край железного ведра.

Миссис Амбридж доила коров. Тусклый свет просачивался сквозь щели в стенах. Она поглядела вверх, услышав Тиффани.

— Ах, я так подумала, что кто-то из моих голубушек прилетел ночью. — сказала она. — Будешь завтракать, милая?

— Пожалуйста!

Тиффани помогла пожилой женщине с ее ведрами, сбила масло, потрепала ее старого пса, съела на завтрак жаренный хлеб с бобами и затем...

— У меня тут есть кое-что для тебя. — сказала миссис Амбридж, направляясь к маленькому прилавку, служащему в Двурубахах почтовой конторой. — Так, куда же я его...ага, вот.

Она передала Тиффани связку писем и плоскую посылку, обе стянутые резинкой и испачканные собачьей шерстью. Она еще что-то говорила, но Тиффани почти не слушала. Что-то о возчике, который сломал ногу, бедолага, или это была его лошадь, бедное животное; что буря повалила деревья на дорогу и затем их занесло снегом, так что теперь там даже пешком не пройти; и одно к одному, почта ни на Мел, ни оттуда не доставлялась, да ее и не так уж много было...

Тиффани не обращала внимания на это шумовое сопровождение, потому что все письма были адресованы ей — три от Роланда и одно от ее матери — и посылка тоже. Посылка взглядела так деловито и когда она развернула обертку, в ней оказалась плоская черная коробочка, в которой, в свою очередь, оказались...

Тиффани никогда раньше не видела коробку с акварельными красками. Она и не подозревала, что бывает столько разных оттенков.

— Ах, краски. — сказала миссис Амбридж, заглядывая через ее плечо. — Какая красота. У меня тоже были в детстве. Ах, и даже бирюзовая краска есть. Очень дорогая краска — бирюзовая. Это тебе твой молодой человек прислал? — добавила она, потому что старушки любят обо всем выведывать.

Тиффани откашлялась. В своих письмах она старалась даже не касаться болезненной темы о рисовании. Может он подумал, что ей хочется попробовать.

Краски в ее руках переливались, как пойманная радуга.

— Какое прекрасное утро. — сказала она. — И мне пора домой...

* * *

В ледяной воде, прямо перед ревущим Ланкрским водопадом, было причалено бревно. Матушка Ветровоск и Няни Огг стояли на огромном, обточенном водой камне посреди течения и смотрели на него.

Бревно было усыпано фиглами. Они все были весьма воодушевленными. Впереди их ожидала верная смерть, но она не предусматривала — и это важно — написания разных длинных слов.

— Знаешь, еще никому не удалось выжить в водопаде, чтобы потом рассказывать об этом. — сказала Няни Огг.

— Мистеру Паркинсону удалось. — ответила Матушка. — Помнишь? Три года назад.

— Ах, да. Он выжил, точно, но с тех пор ужасно заикается. — заметила Няни Огг.

— Он записал свои впечатления. — сказала Матушка. — Он назвал их «Мой Упад В Водопад». Довольно интересное чтение.

— Но не рассказывал. — сказала Няни. — Вот о чем я.

— Айе, дребедень, мы легки аки перышко, — сказал Величий Ян. — И ветер, поддувающий под килты, поддерживает нас на поветре.

— Вот на что я бы хотела взглянуть. — сказала Няни Огг.

— Ну, все готовы? — спросил Роб Всякограб. — Вот и чудно! Будьте ласка, миссис Огг, отвяжите бревнышко?

Няни Огг развязала узел и подпихнула бревно ногой. Оно немного отплыло и попало в течение.

— «Из-за острова на стрежень»? — предложил Вулли Валенок.

— Чегось? — сказал Роб Всякограб. Бревно стало набирать скорость.

— Почему бы нам песню не спевать? — спросил Вулли Валенок. Стены ущелья быстро смыкались над ними.

— Лады. — ответил Роб. — Как-никак приятственная море-ходна песенка. И вот что Вулли, держи свой сыр от мя подальше. Не нравится мне, как он на мя узрился.

— У него очей нету, Роб. — кротко ответил Вулли, обнимая Горацио.

— Айе, об чем и реку. — кисло сказал Роб.

— Горацио вовсе не собирался тя есть, Роб. — смиренно продолжал Вулли Валенок. — И ты был ладный да чистый, когда он тя выплюнул.

— И как так получилось, что тебе прозвание сыра ведомо? — поинтересовался Роб. Вода начала пениться вокруг бревна.

— Он сам мне сказал, Роб.

— Айе? — спросил Роб и пожал плечами. — Ох, лады, буду я еще с сыром сварится.

По реке плыли льдины. Няни Огг показала на них Матушке Ветровоск.

— Этот снег сдвинул ледники. — сказала она.

— Я знаю.

— Надеюсь, что историям можно доверять, Эсме.

— Это старинные истории. Они живут своей собственной жизнью. Они жаждут повторения. Спасение Лета из пещеры? Очень древняя история. — сказала Матушка Ветровоск.

— Но Зимовой будет преследовать нашу девчущку.

Матушка проследила взглядом за бревном с фиглами, скрывшимся за поворотом.

— Будет. — ответила она. — И знаешь, мне его почти что жаль.

* * *

Итак, фиглы поплыли домой. В отличии от Билли Подбородища, им всем медведь на ухо наступил, но эта небольшая беда затмевалась другой, намного большей — тем, что они не утруждали себя пением в лад, не попадали в такт и каждый предпочитал свой собственный текст. Вскоре начались мелкие потасовки, обычные спутники фигловских забав, и поэтому бревно устремлялось к водопаду, сопровождаемое эхом от окрестных скал:

— Из-за остррроваххрагарг на стрейойойо остроостротрова на на на стрежаргх... КРРРИвенннннс!

Бревно, нагруженное фиглами, наклонилось и исчезло вместе с песней в водной завесе.

* * *

Тиффани летела над вытянутой китовой спиной Мела. Хотя кит побелел, но снег на плоскогорье был не таким уж и глубоким. Ветра, заносящие равнины снегом, также и выдувают его. Деревьев на плоскогорье не было и стен не хватало, чтобы задерживать снег.

Подлетая к дому, она взгляделась в защищенные от ветра поля в низинах. Загоны для ягнят уже были установлены. Снега многовато для этого времени года — и чья в том вина? — но у маток свое собственное расписание, что есть снег, что нет. Пастухи знают, какой жестокой может быть погода во время окота, зима никогда не сдастся без борьбы.

Тиффани приземлилась во дворе фермы и сказала несколько слов одолженной метле. Метла взмыла в воздух и устремилась назад, в горы. Если знать нужные слова, метла всегда найдет дорогу домой.

Вся семья собралась, было много смеха, чуток слез, обычные восклицания о том, что она растет как на дрожжах и уже мать свою догнала, и тому подобное, что обычно говорится в такие моменты.

Тиффани ничего не успела взять с собой — ни дневник, ни одежду, ничего, кроме крошечного Рога Изобилия, спрятанного у нее в кармане. Это не имело никакого значения. Она не убегала от, она бежала к — и вот она здесь, в ожидании самой себя. Она снова могла чувствовать свою землю под ногами.

Тиффани повесила остроконечную шляпу на дверь и пошла помогать устанавливать загоны.

Хороший выдался денек. Солнечным лучам удавалось просочиться сквозь серую пелену. На фоне белого снега все краски казались такими яркими, как будто само их присутствие придавало им особый блеск. Старая упряжь в конюшне сияла, как серебро; даже коричневый и серый цвета, обычно казавшиеся такими тусклыми, приобрели новую жизнь.

Она достала коробку с красками и пару листов драгоценной бумаги и попробовала изобразить, что видела вокруг себя. Вот еще один вид магии. Перенесите на бумагу свет и тени в том порядке, в котором их оставляет любой предмет, и вы получите сам предмет. До сих пор ей доводилось рисовать лишь цветными мелками. Краски были намного лучше.

День был хороший. День был как раз по ней. Она чувствовала, как возвращаются, как проявляют себя спрятавшиеся до поры, до времени частицы ее самой. Завтра настанут будни, завтра на ферму придут нервничающие люди, чтобы просить ведьму о помощи. Когда боль слишком сильна, никого не волнует, что в последний раз он видел ведьму двух лет отроду, в одной нательной рубашонке.

Завтра... может быть что угодно. Но сегодня зимний день был полон

красок.

Глава двенадцатая

Щука

По плоскогорью распространялись странные слухи. Говорили о лодке старика, что жил в хижине у реки сразу за водопадом. Говорили, что весла в лодке задвигались сами по себе и она уплыла прочь с такой скоростью, что аж выскакивала из воды, как стрекоза, но в ней никого не было. Позже ее нашли привязанной к берегу около Двурубах, там, где вдоль реки проходит почтовый тракт. Затем, карета ночной почты, стоящая перед постоянным двором, уехала без кучера, оставив позади всю почту. Кучер одолжил коня и бросился в погоню. Он нашел карету перед самым Мелом, все дверцы были распахнуты и одной лошади не доставало.

Через пару дней лошадь вернул хорошо одетый юноша, который сказал, что нашел ее одиноко бродящую. Удивительно, но она была накормлена и ухожена.

* * *

Замковые стены были толстыми-претолстыми и лучше про них не скажешь. Ночью в замке стражи не было, потому что они запирали вход в восемь часов и расходились по домам. Пост принимал Старина Роббинс, служивший когда-то стражником, а сейчас ставший ночным сторожом. Но все знали, что часов в девять он засыпал перед камином. У него была старая труба, в которую он должен был трубить в случае нападения, но никто не был уверен, что он и впрямь затрубит.

Роланд спал в Цапельной Башне, потому что в нее вела длинная лестница, по которой его тетушки карабкаться не любили. Стены в Башне тоже были очень-преочень толстыми, что было только к лучшему, поскольку часиков в 11 ему в ухо кто-то оглушительно затрубил.

Он вскочил с кровати, запутался в пуховом одеяле, подскользнулся на коврик, покрывающем ледяной каменный пол, ударился головой о буфет и с третьей, отчаянной попытки умудрился зажечь свечу.

На маленьком столике около кровати лежали здоровенные кузнечные мехи присоединенных к трубе Старины Роббинса. В комнате никого не было, только тени.

— У меня есть меч. — сказал он. — И я умею с ним обращаться!

— Ах, ты и так помер, — раздался голос из под потолка. — Почикан на шматочки у ся в лежанке, пока ты дрых, расхрапывая, как боров. Энто шутка. Никто из нас те вреда не причинит. — В темноте между стропилами послышался торопливый шепот и затем голос продолжил: — Мальца поправка, почти все из нас те вреда не причинят. И не переживай из-за Велича Яна, ему вообще никто шибко не ндравится.

— Кто ты?

— Айе, вот ты опять все не так уразумел. — разговорчиво продолжал голос. — Я тута наверху, тяжело вооруженный, вишь ли, а ты тама внизу в ночнушке, как на ладони, и ты таки полагаешь, что можешь впоросы задавать. Ну да ладно, так те ведомо как на мечях биться?

— Да!

— Значит ты пойдешь биться с монстряками, ради спасения великучи карги? Пойдешь?

— Великучей карги?

— Энто Тиффани для тя.

— Ты про Тиффани Болит? Что с ней случилось?

— Так пойдешь, коли ей нужда будет?

— Да! Конечно! Кто ты такой?

— И ты мечом, значит, владеешь?

— Я прочел Руководство по Фехтованию от корки до корки!

Спустя несколько секунд голос из потолочных теней произнес: — Ага, кажись я узрил слабо место в нашем плане...

* * *

Оружейная замка находилась напротив внутреннего двора. Особыми богатствами она не располагала — там были рыцарские латы, собранные из плохо стыкующихся частей, несколько штук мечей, боевой топор, который никто не мог поднять, и кольчуга, на которую, судя по всему, напала исключительно прожорливая моль. Там также были установлены деревянные манекены на больших пружинах для отработки ударов. Фиглы наблюдали за Роландом, с большим энтузиазмом атакующего один из них.

— Ах ты, пропасть. — уныло сказал Величий Ян, глядя как Роланд прыгает вокруг манекена. — Ежели ему ничего, окромя деревяшки, что удар отражать не станет, не встретится, то мабуть он справится.

— Он старается. — Роб Всякоргаб показал на Роланда, упершегося

ногой в манекен, чтобы вытащить из него меч.

— Ох, айе. — мрачно взглянул Величий Ян.

— Но ты должен признать, движения у него справные. — сказал Роб.

Наконец Роланду удалось вытащить меч из манекена, который качнувшись назад на своей древней пружине, дал ему по голове.

Роланд, слегка щурясь, поглядел вниз на фигов. Он помнил их с тех времен, когда его украли Кроролева Эльфов. Никому, кто встречался с Нак Мак фигами, не удастся их забыть, как бы он не старался. Но воспоминания были расплывчатыми. Большую часть времени он ничего не соображал, либо был без сознания и ему встретилось столько всего странного, что не поймешь, где настоящее, а где нет.

Сейчас ему стало ясно: фиголы были настоящими. Да и кто смог их бы выдумать? Ну допустим, один из них был сыром, который гулял сам по себе, но кто из нас совершенен?

— Что я должен сделать, мистер Всякограб? — спросил он.

Эта часть беседы смущала Роба Всякограба. Такие слова, как «Подмирье», могли дать людям ложные идеи.

— Ты должен спасти... леди. — ответил он. — Не великучу каргу, нет. Другую... леди. Мы тя сведем до места, где она проживает. Это что-то вроде... подземелья. Она тама... вроде как спит. И все, что от тя требуется, вывести ее на поверхность, как бы так.

— О, ты хочешь сказать, вывести, как Орфео, спасший Эвнифонию из Подмирья? — спросил Роланд.

Роб Всякограб лишь вытаращил глаза.

— Это эфебский миф. — продолжал Роланд. — Считается, что он о любви, но на самом деле, это метафора прихода лета. У этой истории есть много версий.

Фиголы по прежнему тарасились на него. У них были очень удручающие взгляды. Фиголы в этом отношении превосходят даже кур.^[9]

— Метафора это такая ложь, помогающая людям правду уразуметь. — пояснил Билли Подбородище, но это мало помогло.

— Он освободил ее, играя прекрасную музыку. — добавил Роланд. — Он был то ли с арфой, то ли с лютней.

— А, это нам прекрасно подходит. — сказал Вулли Валенок. — Мы можем так люто наарфить...

— Это музыкальные инструменты, — сказал Билли Подбородище. Он поглядел на Роланда. — Играете на каком-нибудь, мистер?

— У моих тетюшек есть пианино. — с сомнением ответил Роланд. — Но если с ним что-нибудь случится, мне здорово влетит. Они все стены в

замке разнесут.

— Тогда остаются мечи. — неохотно согласился Роб Всякограб. — Ты когда-нибудь с живым противником сражался, мистер?

— Нет. Я хотел попрактиковаться со стражниками, но тетушки им запретили.

— Но ты меч-то раньше применял в деле?

Роланд был смущен. — Не то, чтобы недавно. Не то, чтобы применял. Э... в общем, нет. Мои тетушки говорят...

— Так как же ты тогда тренировался? — в ужасе спросил Роб.

— У меня в комнате стоит большое зеркало, знаете, и я могу тренироваться... правда могу... — начал было Роланд и остановился, заметив выражения лиц фигов. — Извините. — добавил он. — Наверное я не тот, кто вам нужен...

— Ох, я бы не стал так молвить. — устало произнес Роб Всякограб. — Согласно карге из карг, ты как раз наш парнишка. Те только надо с кем-нибудь потренироваться...

Величий Ян, всегда исполненный подозрений, посмотрел на своего брата и проследил за его взглядом на обветшалые рыцарские латы.

— О, айе? — взревел он. — Да провались оно все пропадом, не собираюсь я быть коленкой!

* * *

Следующий день был тоже хорошим днем, вплоть до того момента, когда он превратился в сплошной кошмар.

Тиффани поднялась рано и разожгла камин. Когда ее мать спустилась в кухню, она очень старательно скребла полы.

— Э... Разве ты не можешь убрать все магией? — спросила мать, которая никак не могла понять, в чем заключается суть ведовства.

— Нет, мам, я не могу. — ответила Тиффани, не отрываясь от своего занятия.

— Но ты ведь можешь помахать рукой и заставить всю грязь улететь?

— Беда в том, что магии не объяснить, что такое грязь. — сказала Тиффани, оттирая пятно. — Я слышала, что одна ведьма в Эскроу ошиблась и в результате лишилась пола, сандалий и чуть не осталась без пальца на ноге.

Миссис Болит сдалась. — Я думала, что тебе достаточно помахать руками над полом. — нервно пробормотала она.

— Это сработает. — ответила Тиффани. — Только у тебя в руках должна быть щетка.

Она закончила мыть пол. Она вычистила под раковиной. Она освободила все полки, вымыла их и поставила все обратно. Она оттерла стол, затем перевернула его и вытерла под столешницей. Она даже вытерла ножки стола, там где они касались пола. Тут миссис Болит вышла из кухни и отправилась по своим делам, поскольку все это явно имело мало отношения к уборке.

Да, мало. Как сказала Матушка Ветровоск, чтобы ходить с гордо поднятой головой, надо крепко ступать обеими ногами по земле. Мытье полов, рубка дров, стирка, изготовление сыра — все эти занятия возвращали тебя с небес на землю, учили настоящему. Ими можно было заниматься почти бездумно, позволяя мыслям в голове выстраиваться по порядку.

Спаслась ли она от Зимового? В безопасности ли она здесь?

Рано или поздно ей снова придется встретиться с ним лицом к лицу — со снеговиком, который считает себя человеком и обладает мощностью лавины. Магия лишь замедлит его на какое то время и разозлит. Никакое обычное оружие не поможет, а необычного у нее особо и не было.

С какой яростью накинулась на него Аннаграмма! Тиффани тоже хотелось быть способной на такую ярость. Ей надо бы вернуться и поблагодарить Аннаграмму. По крайней мере у Аннаграммы все будет в порядке. Все видели, как она превратилась в вопящего зеленокожего монстра. Таких ведьм они уважали. А коли ты получил уважение, то и все остальное приложится.

И с Роландом надо увидаться. Тиффани не знала о чем с ним говорить. Но ничего страшного в этом не было, потому что он тоже не знал, о чем говорить. Они часами могли проводить время вместе, не зная, что сказать друг другу. Сейчас он должно быть в замке. Вычищая под сидением стула, она гадала, чем он занимается.

* * *

В дверь оружейной барабанили. Что с этих тетушек взять. Дверь была четырехслойная, из дуба и железа, но они все равно ломались.

— Мы не собираемся терпеть твое непослушание! — сказала тетя Данута. Изнутри донесся грохот. — Ты что, дерешься там?

— Нет, я сочиняю сонату для флейты! — закричал Роланд. Что-то

тяжелое ударило в дверь.

Тетя Данута взяла себя в руки. Чертами лица она напоминала мисс Тик, но глаза у нее были вечно обиженными и губы жалобно кривились.

— Если ты не будешь нас слушаться, то я скажу твоему отцу... — начала она, но дверь резко распахнулась.

Роланд порезал руку. Его лицо покраснелось, пот стекал по подбородку и он задыхался. Он поднял меч дрожащей рукой. Позади него, на другой стороне сумрачной комнаты, стояли очень потрепанные рыцарские латы. Когда дверь открылась, шлем со скрипом повернулся в сторону тетушек.

— Если вы осмелитесь побеспокоить моего отца, — сказал Роланд тетушкам, вытаращившим глаза на латы. — Я расскажу ему про деньги, что вы взяли из большого сундука в хранилище. И не смейте отпираться!

На какое-то мгновение — даже моргнуть не успеешь — у тети Дануты появился виноватый вид, который моментально исчез. — Да как ты смеешь! Твоя дорогая матушка...

— Мертва! — закричал Роланд и захлопнул дверь.

Забрало шлема поднялось и полдюжины фигов вылезли наружу.

— Кривнес, что за пара змейсов! — сказал Величий Ян.

— Это мои тетушки, — мрачно ответил Роланд. — Кто такие змейсы?

— Таки старые гадюки, что ползают повсюду в поисках кого бы ужалить. — пояснил Билли Подбородище.

— Ах, так вы с ними уже встречались. — глаза Роланда блеснули. — Ну что, еще разок? По-моему я начинаю осваиваться.

Из каждой части доспехов послышался ропот протеста, но Роб Вскякограб всех утихомирил.

— Лады! Дадим парнише еще один шанс! — закричал он. — По местам!

Фиглы полезли в доспехи, лязгая и чертыхаясь, через несколько секнуд латы подтянулись, подобрали меч и, неуклюже топая, двинулись навстречу Роланду. Роланд мог слышать, как внутри доспехов отдаются команды.

Меч взлетел, но Роланд одним быстрым движением отразил его, оступил в сторону и, сделав резкий выпад, с оглушительным звоном разрубил латы пополам.

Верхняя часть лат отлетела к стене. Нижняя часть закачалась, но устояла.

Через несколько секунд из железных штанов показались маленькие синие головы.

— Так и должно было случиться? — спросил Роланд. — Все... целы?

Был проведен быстрый осмотр и половинки фигла не обнаружилось, но многие получили ушибы, а Вулли Валенок потерял свой напузник. Фиглы бродили по оружейной, хлопая себя по ушам. Звон был еще тот.

— Неплохая попытка. — рассеяно сказал Роб Всякограб. — Кажись ты ухватил суть поединка.

— Определенно есть улучшения, да? — с гордым видом сказал Роланд. — Повторим?

— Нет! То есть... нет. — ответил Роб. — На сегодня хватит, лады?

Роланд кинул взгляд на маленькое зарешеченное окошко под потолком. — Мне еще надо повидать отца. — сказал он и сияние на его лице померкло. — Уже сильно за полдень. Если я не вижусь с ним каждый день, он забывает, кто я такой.

Когда паренек ушел, фиглы переглянулись.

— У хлопца жисть тута не так проста. — сказал Роб Всякограб.

— Признай, он делает успехи. — сказал Билли Подбородище.

— Ох, айе, должен признать, он не такой увалень, как я думал, но этот меч слишком тяжел для него и потребуются недели, чтобы натаскать хлопца. — вздохнул Величий Ян. — Скока недель у нас есть, Роб?

Роб Всякограб пожал плечами. — Кто ж то ведает? — ответил он. — Будет он Героем так, как есть. Скоро придется великучей карге с Зимовым встретиться. Она с ним сражаться не может. Про то карга из карг рекла: таку старую историю не переборешь. Она по любому ся проявит.

Он приставил руки ко рту рупором и прокричал — А ну хлопцы, все в курган! Мабуть Героя за один заход не сробишь.

* * *

Младший братишка Тиффани уже достаточно вырос, чтобы требовать от окружающих признания себя большим, а это были опасные требования на оживлено работающей ферме, где ходят лошади с большими копытами и есть купальни для овец и еще сто с лишним мест, где малыша могут не заметить, пока не будет слишком поздно. Но больше всего он любил воду. Если он куда-то пропадал, то найти его можно было на реке, где он ловил рыбу. Он любил реку, которая после того, как однажды из нее выскочило большое зеленозубое чудище, чтобы съесть его, стала немножко непредсказуемой. Но Тиффани врезала чудищу чугунной сковородкой по зубам. Он сам был слишком занят поеданием сладостей и потому, его единственным комментарием впоследствии был — «Тиффи как звизданет

рыбине». Но судя по всему, из него должен получиться отменный рыболов. И сегодня он тоже рыбачил. У него оказался талант на обнаружение монстров. Огромная щука пряталась в глубоких черных омутах, думая свои медленные голодные мысли, как вдруг прямо перед ней сверкнула серебряная блесна Вентворта.

Тиффани пошла искать Вентворта и встретила его, с трудом поднимающегося по дорожке, с огромной рыбиной в руках, чуть ли не в половину его самого.

— Смотри какая большая! — закричал он, едва завидев ее. — Эйб сказал, что видел, как она пряталась под упавшую иву. Он сказал, что они сейчас клюют на что угодно! Она чуть не утянула меня, но я устоял! Она весит не меньше тридцать фунтов!

Примерно двадцать, подумала Тиффани, но тому, кто ее поймал, рыба всегда кажется тяжелее.

— Молодец. Пойдем, а то она заледенеет. — сказала она.

— Можно мне ее на ужин? Знаешь сколько времени мне понадобилось, чтобы загнать ее в садок! В ней не меньше тридцати пяти фунтов! — ответил Вентворт, шатаясь под тяжестью рыбы. Тиффани даже предлагать не стала понести рыбу, он бы обиделся.

— Нет, ее надо почистить и замочить на ночь. И мама уже приготовила на ужин тушеное мясо. Но я завтра пожарю ее для тебя в имбирном соусе.

— Тут на всех хватит. — сияя ответил Вентворт. — потому что в ней по меньшей мере фунтов сорок!

— Запросто хватит. — согласилась Тиффани.

Этим же вечером, после того как все надлежащим образом налюбовались на рыбу, ее взвесили. Она потянула на двадцать три фунта и Тиффани к тому же помогала весам своей рукой.

Затем Тиффани пошла в моечную и почистила рыбу, прекрасная возможность потолковать о вырезании всего, что в пищу не годится, чем, по ее мнению, являлась вся рыба целиком. Она не очень любила щуку, но ведьмы никогда не воротят нос от еды, особенно от бесплатной, и хороший соус может отбить привкус щуки.

Когда она заталкивала внутренности в большой пакет, она заметила блеск серебра. Трудно винить Вентворта, что он так возбудился и забыл извлечь блесну.

Она полезла в пакет и вытащила серебряную лошадку, всю покрытую слизью и чешуей, но вполне опознаваемую.

В такой момент должен был грянуть гром. Но все, что можно было услышать, это Вентворта в соседней комнате, в десятый раз

рассказывающего о героической поимке чудовищной рыбы. В такой момент должен был разразиться порыв ветра. Но пламя свечи лишь едва колыхалось.

Но Зимовой знал, что она прикоснулась к лошадке. Она почувствовала его потрясение.

Тиффани вышла на улицу. Она открыла дверь и с неба упало несколько снежинок, но затем, словно обрадовавшись зрителю, снежинки повалили все сильнее и сильнее — почти беззвучно — пока вся ночь не стала белой. Она протянула руку, чтобы поймать несколько снежинок и поглядела на них пристально. Маленькие ледяные Тиффани растаяли на ладони.

О, да. Он нашел ее.

Она похолодела, но хрустальные колеса мыслей стремительно вращались.

Может ей ускакать верхом?... Нет, в такую ночь, как сейчас, далеко она не уйдет.

Ей надо было оставить себе метлу!

Ей не надо было танцевать.

Ей некуда бежать. Она должна встретиться с ним лицом к лицу и встретиться здесь и остановить его. В горах, в их черных лесах, трудно было представить себе вечную зиму. Здесь это было легче и это было хуже, потому что он принес зиму в ее сердце. Она могла чувствовать, как на сердце становилось холоднее.

Снег был уже в несколько дюймов глубиной, а прошло совсем мало времени. До того как стать ведьмой, она была дочерью пастуха, и она знала — здесь и сейчас есть более срочные дела.

Она вернулась в золотистое тепло и свет кухни и сказала: — Папа, нам надо пойти к овцам.

Глава тринадцатая

Ледяная Корона

Это все было в прошлом. Вернемся в настоящее.

— Ах, кривенс. — простонал Велич Опасен Шип с крыши сарая для телег.

Костер погас. Вьюга улеглась. Велич Опасен Шип услышал, как высоко в небе закричала птица и приготовился. Он поднял руки и закрыл глаза, а ястреб камнем упал на него с белесых небес и подхватил.

Ему нравился этот миг. Откроешь глаза и мир раскачивается под тобой. Голос рядом произнес: — Сматываемся отсюда, хлопец!

Велич Опасен Шип ухватился за тонкую кожаную упряжь, подтянулся и когти ястреба осторожно ослабили свою хватку. Подтягиваясь на руках, он забрался на птицу и схватил за пояс Хаммиша — Летуна.

— Роб молвил, ты уже вполне вырос, чтобы в Подмирье со всеми пойти. — кинул ему Хаммиш через плечо. — А сам за Героем отправился. Вот свезло те, хлопчик!

Птица заложила крутой вираж.

Внизу на земле снег... исчезал. Он не таял, он просто утекал, освобождая загоны с ягнятами, тихо шелестя, как морская волна или глубокий вздох.

Мораг парила над ягнячим полем, на котором собрались озадачено озирающиеся работники.

— Одна овечка вмерла и еще с дюжину мертвых ягнят. — сказал Хаммиш. — Но великучей карги нигде нет! Он забрал ее.

— Куда?

Хаммиш послал Мораг по широкой дуге. Вьюга вокруг фермы улеглась, но на холмах мело всюду.

Внезапно снег сформировался в фигуру.

— Вон туда. — показал Хаммиш.

* * *

Я жива. В этом я совершенно уверена.

Да.

Вокруг меня холод, но мне не холодно, что и не объяснить никому другому.

И я не могу двигаться. Совсем.

Вокруг меня все белое. И у меня в голове тоже.

Кто я?

Я помню имя — Тиффани. Надеюсь, что это я.

Белое со всех сторон. Со мной такое уже было прежде. То ли сон, то ли воспоминания, то ли что-то, чему я не знаю названия.

Что-то белое падает вокруг. И воздвигается, поднимает меня. Это... в глубинах древнего моря, в полном безмолвии образовывается меловая страна.

Вот что означает мое имя.

Земля Под Волной.

Краски вернулись к ней, затопляя ее, как прилив. В основном, это был красный цвет ярости.

Как он посмел!

Убивать ягнят!

Бабушка Болит никогда бы не позволила ему такого. Она не потеряла ни одного ягненка. Она могла вернуть их к жизни.

Не надо было мне покидать Мел, думала Тиффани. Может стоило остаться дома и попробовать научиться всему самой. Но если бы я осталась, стала бы я тем, что есть? Знала бы то, что знаю? Смогла бы я стать такой же сильной, как и моя бабушка, или стала бы хихикать? Что же, пришла пора быть проявить свою силу.

Если смертоносная погода не более, чем слепая природа, то все, что можно сделать — это проклинать ее и все; но когда она начинает разгуливать на двух ногах... то это уже война. Ему придется расплачиваться!

Тиффани попыталась сдвинуться с места и на этот раз белизна поддалась. Она походила на плотный снег, но не была холодной. Она отодвинулась, пропуская Тиффани.

Гладкие, полупрозрачные полы растилались перед ней. Вокруг стояли колонны, вздымающиеся к потолку, что скрывался в тумане. Стены были сделаны из того же материала, что и полы. На вид как лед — она даже могла разглядеть крохотные пузырьки воздуха внутри них — но лишь слегка прохладный на ощупь.

Она стояла в просторном зале. Мебели не было совсем. Такой зал мог бы воздвигнуть король, чтобы хвастаться: — Смотрите, я могу позволить себе не экономить на пространстве!

Тиффани обошла зал, ее шаги отдавались эхом от стен. Нет, даже стула нигде не было. И если бы она нашла хоть один, насколько удобным бы он оказался?

Вскоре она вышла к лестнице, ведущей на верхние этажи (если конечно, она уже не была на крыше). Лестница поднималась в другой зал, в котором была кое-какая мебель. Там стояли диваны, вроде тех, на которых обычно восседают богатые дамы, с утомленным, но очаровательным видом. О, еще там были вазы — довольно большие вазы и статуи тоже, все из того же самого теплого льда.

Статуи изображали атлетов и богов, примерно такими же, как и на картинках в Мифологии Чаффинча, занимающихся своими античными делами — метанием копий и удушением огромных змей голыми руками. Ни на ком не было и клочка одежды, но у всех мужчин были фиговые листочки, которые, как обнаружила Тиффани в исследовательском порыве, были прикреплены намертво.

Она нашла камин. Странная вещь — поленья в камине были тоже из льда, а пламя было синим — и холодным.

На этом этаже были высокие стрельчатые окна, но они начинались очень высоко от пола и не показывали ничего, кроме небес, где бледное солнце призраком скиталось среди облаков.

Очередная лестница, очень грандиозная, вела на следующий уровень, где и ваз, и диванов, и статуй было еще больше. Кто стал бы жить в таком месте, как это? Тот, кому не требуются еда и сон, вот кто. Тот, кому не нужен комфорт.

— Зимовой!

Ее голос несколько раз отразился от стен — Ой... ой... ой... — пока не затих.

Еще одна лестница привела в зал, где наконец, появилось что-то новое. Над постаментом, прямо в воздухе плавала корона, медленно вращаясь и сверкая. Рядом стояла статуя, меньшая ростом, чем все остальные, ее обволакивали мерцающие голубые, зеленые, золотые сполохи.

Сполохи были похожи на Околопупное Сияние, которое иногда полыхало над горами в центре мира в самый разгар зимы. Некоторые люди думали, что оно живое.

Статуя была такого же роста, как Тиффани.

— Зимовой! — ответа не было. Прекрасный дворец, без кухни, без кровати... Ему не нужны ни еда, ни сон. Так для кого этот дворец?

Она и так знала ответ: для меня.

Тиффани потянулась к танцующим сполохам и те обволокли ее руку и

перетекли на тело, образовав платье, сверкающее, как снежное поле в лунном свете. Сначала она была возмущена, потом разозлилась. Затем ей захотелось посмотреть на себя в зеркало и это желание вызвало в ней чувство вины. Снова вернулась злость и она решила, что если и найдет случайно зеркало, то заглянет в него только для того, чтобы проверить, насколько сильно она разозлилась.

Недолгие поиски привели ее к зеркалу, бывшему ничем иным, как стеной льда такого темно-зеленого цвета, что он казался почти черным.

Вид у нее был разгневанный. И необычайно и красиво сверкающий. Золотые проблески в зеленом и синем, точно как в небе в зимние ночи.

— Зимовой!

Он должен наблюдать за ней. Он может быть где угодно.

— Я здесь! Ты это знаешь!

— Да, знаю. — сказал Зимовой позади нее.

Тиффани повернулась и дала ему пощечину. И еще одну другой рукой.

Такое ощущение, что она ударила по камню. Он очень быстро учился.

— Это за ягнят. — сказала она, пытаясь вернуть руку к жизни. — Как ты посмел!

Он еще больше походил на человека. И одежда — или она была настоящая, или ему удалось добиться, чтобы она выглядела как настоящая. И он был вполне... привлекательным. Не холодным, а... невозмутимым.

Он всего лишь снеговик, запротестовал ее Второй помысел. Помни об этом. Он всего лишь снеговик, который догадался вставить угольки вместо глаз и морковку, вместо носа.

— Ой. — сказал Зимовой, как будто только сейчас вспомнил, что надо так сказать.

— Отпусти меня! — потребовала Тиффани. — Сейчас же!

Правильно, сказал Второй Помысел. Надо загнать его на верхнюю полку за кастрюли...

— Сейчас, — очень спокойно сказал Зимовой, — Я топлю корабли за тысячи миль отсюда. Я замораживаю воду в трубах в занесенном снегом городе. Я охлаждаю до смерти путника, сбившегося с дороги в буране. Я проникаю под двери. Ласкаю шерсть медведя, спящего глубоко в пещере, и струюсь в крови рыб подо льдом.

— Меня это не волнует! — ответила Тиффани. — Я не хочу быть здесь! И ты тоже не должен быть здесь!

— Идем со мной, дитя. — сказал Зимовой. — Я не причиню тебе вреда. Здесь ты в безопасности.

— С чего? — спросила Тиффани, и затем, поскольку частое общение с

мисс Тик не может не повлиять на стиль вашего разговора, она поправилась: — От чего?

— От смерти. — ответил Зимовой. — Здесь ты не умрешь.

* * *

В стене меловой ямы фигов был прорыт туннель футов в пять высотой и столько же — длиной.

Роланд де Чаффлей (это не его вина) стоял около входа в туннель. Его предки — рыцари, захватили Мел, убив королей, считающих себя хозяевами земли. Меч — и голова с плеч. Так можно было заполучить землю в старые, добрые времена. Затем правила изменились, чтобы стать землевладельцем требовался уже не меч, а лист бумаги. Но предки Роланда все еще цеплялись за свое оружие на тот случай, если люди посчитают сделку с бумагами нечестной — еще одно доказательство того, что всем не угодишь.

Он всегда мечтал научиться фехтовать и был шокирован, обнаружив, что меч такой тяжелый. С воображаемым мечом он прекрасно справлялся. Он сражался перед зеркалом со своим отражением и почти всегда выигрывал. С настоящим мечом номер не проходил. Роланд пытался замахнуться мечом, но в результате меч замахивался Роландом. Кроме того, Роланд не мог обойтись без очков, а очки под шлемом штука довольно заковыристая, особенно, когда кто-то стучает по нему мечом.

Он надел шлем и взял в руки меч, который был — хотя он не хотел этого признавать — слишком тяжел для него. На нем также была кольчуга, ужасно затрудняющая ходьбу. Фиглы сделали все возможное, чтобы подогнать ее по размеру, но она свисала до колен, забавно шлепая его при каждом движении.

Какой из меня герой, думал Роланд. У меня есть меч, который я могу поднять лишь двумя руками, и щит, также слишком тяжелый для меня, у меня есть конь, убранный занавесками, которого пришлось оставить дома (тетушки с ума сойдут, когда заглянут в гостинную), но под всем этим я ребенок, которому скоро потребуется найти туалет...

Но она спасла меня от Королевы Эльфов. Если бы не она, я все еще был бы глупым ребенком вместо... ммм... юноши, уповающего, что он не так уж глуп.

Нак Мак Фиглы толпой ворвались к нему в комнату, пробившись через бурю, что разразилась ночью. Они сказали, что пришло время стать Героем

для Тиффани. Что же, он станет. В этом он был уверен. Правда, обстановка была не совсем та, которую он ожидал.

— Что-то не похоже на вход в Подмирье. — сказал он.

— Да кажна пещера это вход в него. — ответил Роб Всякограб, устроившийся на шлеме Роланда. — Тока не всем ведомо, как прокрастись туды. Лады, Величий Ян, ты первый...

Величий Ян важно направился в меловый туннель. Он отвел руки назад, согнув локти. Он наклонился назад, вытянув ногу для равновесия. Он помахал ногой, наклонился вперед и... исчез, лишь коснувшись ногой земли.

Роб Всякограб постучал Роланда по шлему кулаком.

— Ну что, Герой, — закричал он. — Твой черед!

* * *

Выхода из дворца не было. Тиффани даже не знала, был ли здесь вход.

— Если бы ты была Госпожой Лето, мы бы станцевали. — сказал Зимовой. — Но я теперь знаю, что ты не она, хотя так похожа на нее. Однако, я стал человеком ради тебя и мне нужна спутница.

В смятенном уме Тиффани проплыли образы: проросший желудь, плодородные ноги, Корнукопия. Я богиня для пары половиц, желудя и горстки семян, подумала она. Железо от гвоздя не сделает снеговика человеком, а несколько дубовых листиков не сделают из меня богиню.

— Пойдем. — сказал Зимовой. — Я покажу тебе мой мир. Наш мир.

* * *

Роланд открыл глаза, но все, что он мог видеть, это были тени. Не тени, оставляемые предметами — просто тени, плавающие в воздухе, как паутина.

— Я ждал, что здесь будет... горячее. — сказал он, пытаясь скрыть облегчение. Вокруг него, прямо из воздуха выскакивали фиглы.

— А, это ты с пеклом попутал. Верно, они там поджариваются. А Подмирье боле угрюмое местечко. Сюды попадают те, кто заблудился.

— Что? Если в темную ночь ты свернешь не туда...

— Да нет же! Это ежели мертвякам после смерти некуда пойти или они провалились в зазор между мирами и не ведают, как отсель выбраться.

Кое-кто из них даже не ведают, куда они, бедолаги, попали. Здесь такого выше крыши. А веселья в Подмирье маловато. Вот это местечко называется Забвение, потому что дверь в него с трудом заметишь. Кажись, с тех пор, что мы были тут в последний раз, он стал еще заброшеннее. — Роб повысил голос. — Ну-ка похлопаем мальцу Величому Опасну Шипу, что в первый раз с нами в Подмирье!

Раздались приглушенные приветствия и Велич Опасен Шип помахал в ответ мечом.

Роланд пробирался сквозь слегка сопротивляющиеся тени. Даже воздух здесь был серым. Временами вдали слышались стоны или кашель... вдруг слышались приближающиеся шаркающие шаги.

Он вытащил меч и всмотрелся в сумрак.

Тени раздвинулись и мимо проковыляла древняя старуха в оборванных, изношенных одеждах, волоча за собой большую картонную коробку. Коробка неуклюже подпрыгивала на кочках. Старуха даже не взглянула на Роланда.

Он опустил меч.

— Я думал, здесь будут чудовища. — сказал он, когда старуха исчезла в мраке.

— Айе. — хмуро ответил Роб Всякограб. — Будут. Думай о чем-нибудь простом и неизменном.

— О чем-нибудь неизменном?

— Я не шуткую! О здоровенной горе или о молотке! Делай что хочешь, только не желай, не переживай и не надейся!

Роланд закрыл глаза, но тут же дотронулся до век.

— Я вижу! С закрытыми глазами!

— Айе! И с закрытыми очами ты узришь поболее, чем с открытыми. Ну-ка, оглядись по сторонам, коли посмеешь!

Роланд, не открывая глаз, сделал несколько шагов вперед и огляделся по сторонам. На первый взгляд все осталось таким же. Может только стало еще более мрачным. И затем он заметил это... Оранжевые вспышки в темноте, мигающие линии.

— Что это такое? — спросил он.

— Не ведаем мы как они сами себя прозывают. Мы же зовем их марами. — ответил Роб.

— Вспышки света?

— Ага, та была дюже далеко. — сказал Роб. — Но коли хочешь взглянуть на них поближе, то одна из них как раз позади тя...

Роланд резко повернулся.

— Ты сделал клас-сическую ошибку — словоохотливо продолжал Роб. — Очи то не разувай.

Роланд закрыл глаза. Мара стояла прямо за ним дюймов в шести от него.

Он не вздрогнул. Он не закричал. Он знал, что на него смотрят сотни фиглов.

Сначала он подумал: это скелет. Свет мигнул и теперь мара выглядела как птица, высокая птица вроде цапли. Затем она превратилась в силуэт, нарисованный линиями, как это изображают дети. Снова и снова она проявлялась в темноте тонкими светящимися линиями.

Вот у нее проявился рот и она наклонилась вперед, показывая сотни игольчатых зубов. Затем она исчезла.

Фиглы зашептались.

— Айе, молодчина. — сказал Роб Всякограб. — Глянул ему в пасть и даже шагу назад не шагнул.

— Мистер Всякограб, я слишком испугался, чтобы побежать. — пробормотал Роланд.

Роб Всякограб сплз к самому уху парня.

— Айе, — прошептал он. — А то нам это не ведемо! Знашь сколько парней стало героями лишь потому, что слишком испугались, чтобы дать деру! Но ты даже портков не обмочил и это уже хорошо! Дале по дороге мар будет все больше и больше. Не пускай их внутрь главы своей! Гони их прочь!

— Почему? Что они...? Нет, не говори мне! — быстро сказал Роланд.

Он шел через тени, открывая и закрывая глаза, чтобы ничего не упустить. Старуха ушла, но сумрак начал заполняться людьми. Многие из них просто стояли или сидели. Были и такие, что безмолвно бродили среди теней. Он миновал мужчину в старинном одеянии, уставившегося на свою руку так, будто никогда раньше ее не видел.

Им встретила женщина, укачивающая воображаемого ребенка и тихим, дестким голосом выпевающая какой-то бессмысленный набор слов. Она улыбнулась Роланду странной, безумной улыбкой. Прямо позади нее стояла мара.

— Ну хорошо. — мрачно сказал Роланд. — Можешь рассказать мне, что они делают.

— Они воспоминания едят. — ответил Роб Всякограб. — Думы твои для них существуют наяву. Все, что желаешь и на что уповаешь — то для них харчи! Паразиты они, вот кто. Вот что случается, когда за такими местами нет пригляда!

— И как мне их убить?

— О, как злостно ты щас сказанул. Послушайте ка Величеге Героя! Не утруждайся ими, хлопец. Они на тя не нападут, а у нас есть здесь работенка.

— Ненавижу это место!

— Ага, в пекле малек поживее будет. — сказал Роб Всякограб. — Притормози-ка — мы вышли к реке.

Через Подмирье текла река. Она была черная и маслянистая и сочно плескалась о берега.

— Я слышал об этой реке. — сказал Роланд. — Здесь должен быть перевозчик, верно?

— ДА.

И внезапно он оказался перед ними — в длинной лодке с низкими бортами. Первозчик был конечно же в черном и капюшон был глубоко надвинут, чтобы полностью скрыть лицо, что, явно, было только к лучшему.

— Здорово, приятель. — бодро поприветствовал его Роб Всякограб. — Как делишки?

— О НЕТ, ТОЛЬКО НЕ ВЫ ОПЯТЬ, — сказала темная фигура голосом, который скорее можно было почувствовать, чем услышать. — Я ДУМАЛ, ВАМ СЮДА ВХОД ЗАПРЕЩЕН.

— Да всего лишь мелкое непоразумение. — ответил Роб, съезжая по роландовым доспехам. — Но ты должен нас пропустить, потому как мы уже мертвы.

Фигура вытянула руку. Рукав черный балахон открылся и на Роланда указало то, что на его взгляд было костью.

— НО ОН ОБЯЗАН ЗАПЛАТИТЬ, — обвиняюще сказал перевозчик голосом могил и кладбищ.

— Только когда окажусь на другой стороне. — твердо ответил Роланд.

— Ох, да ладно те! — сказал Вулли Валенок перевозчику. — Не зришь что ли — энто Герой! Если нельзя доверять Герою, то кому же доверять?

Одеяние так долго рассматривало Роланда, что казалось прошла сотня лет.

— О, НУ ТОГДА ЛАДНО.

Фиглы начали карабкаться на борт гниющей лодки со своим обычным энтузиазмом и криками — «Кривенс!» «Когда выпивку дадут?» и «Вот мы и в Стиксе!», а Роланд забирался с осторожностью, подозрительно поглядывая на перевозчика.

Фигура налегла на большое весло и они отправились в путь, сначала

со скрипом, а потом — как это не было прискорбно и к вящему отвращению перевозчика — с песней. В какой то степени песней, потому что пели ее невпопад и игнорируя тональность.

— Из-за острова трова из-за на острова...

— ПОЧЕМУ БЫ ВАМ НЕ ЗАТКНУТЬСЯ?

— На простор речной простор...

— БУДЬТЕ ТАК ЛЮБЕЗНЫ!

— И-за острова на простор речной простор...

— Мистер Всякограб? — спросил Роланд, когда лодка толчками заскользила вдаль.

— Айе?

— Почему рядом со мной сидит голубой сыр, завернутый в обрывок тартана?

— А, энто Горацио. — ответил Роб Всякограб. — Побрательник Вулли Валенка. Он те не мешает?

— Нет. Но он пытается петь!

— Айе, голубые сыры любят малек похмыкать.

— Мнямням мням мнямням... — пел Горацио.

Лодка стукнулась в дальний берег реки и перевозчик быстро вышел на берег.

Роб Всякограб вскарабкался по дырявой кольчуге Роладна и зашептал: — Когда я дам те сигнал, драпай!

— Но я могу заплатить лодочнику. У меня есть деньги. — ответил Роланд, хлопая себя по карману.

— Чегось? — сказал фигл таким тоном, как будто это была какая-то странная и опасная идея.

— У меня есть деньги, — повторил Роланд. — Переправа через Реку Мертвых стоит два пенса. Это старая традиция. Два пенса кладут на глаза мертвым, чтобы они заплатили лодочнику.

И Роланд кинул две монетки в костяную ладонь перевозчика.

— Экий ты разумник. — сказал Роб, — А четыре пенса ты захватить не догадалася?

— В книге говорилось, что мертвым полагается два пенса. — ответил Роланд.

— Айе, мабудь им полагается. — согласился Роб, — Только мертвяков назад никто не дожидается!

Роланд поглядел назад через темную реку. На другом берегу оранжевого сияния стало намного больше.

— Мистер Всякограб, я был пленником Королевы Эльфов.

— Айте, мне то ведомо.

— В нашем мире прошел целый год, но в том мире всего лишь несколько дней... но эти недели тянулись, как столетия. Они были такими... однообразными. Через какое-то время я почти все забыл. Свое имя, тепло солнечных лучей, даже вкус настоящей пищи.

— Айте, нам то ведомо. Мы тя вызволять помогали. Спасибо ты нам так и не молвил, но ты почти все время в отключке был, вот мы и не обижаемся.

— Тогда позвольте мне поблагодарить вас сейчас, мистер Всякограб.

— Да не стоит. Обращайтесь еще. Рады были помочь.

— У Королевы есть питомцы, что кормят вас мечтами, пока вы не умрете от голода. Я ненавижу все, что пытается отнять у вас ваше я. И я хочу убить их, мистер Всякограб. Я хочу убить их всех. Когда у вас отнимают память, у вас отнимают вас самих. Все, чем вы являетесь.

— Какие прекрасные у ты устремления, — сказал Роб, — Но вишь ли, у нас тут мальчика работенка есть. Эх, кривенс, вот что случается, когда за местом не присматривают и мары всем заправлять починают.

На тропинке лежала большая куча костей. Кости явно принадлежали животному, а сгнившие ошейники и куски заржавелых цепей подсказывали какому.

— Три большие собаки? — спросил Роланд.

— Одна дюже здоровая собака с тремя главами, — ответил Роб Всякограб. — Очень популярна в Подмирье энта порода. Может вырвать глотку. Сразу в трех местах! — кровожадно добавил он. — Но поклади перед ним три собачьих сухарика и бедна щеночка будет целый день сидеть над ними и скулить — он пнул кости. — Айте, были времена, когда такие местечки были полны жизни. Глянь-ка, что еще они натворили.

Перед ними на тропинке стояло нечто, что вполне могло быть демоном. У него было отвратительное лицо и столько клыков, что кое-какие из них наверняка были лишь данью моде. Еще у него были крылья, неспособные поднять его в воздух. Демон где-то нашел осколок зеркала и каждые несколько секунд кидал в него беглый взгляд и вздрагивал.

— Мистер Всякограб, — сказал Роланд. — Есть здесь что-нибудь, что я смогу убить этим мечом?

— Ах нет. Убить не сможешь, — ответил Роб Всякограб. — Уж не мару. Энто ведь не магичный меч, вишь ли.

— Тогда зачем же я тащу его с собой?

— Потому как ты Герой. Кто-нить слыхивал о Герое без меча?

Роланд выхватил меч из ножен. Он был тяжелым и совсем не походил

на стремительно взлетающее серебряное лезвие, что он так часто воображал перед зеркалом. Он скорее походил на железную дубинку с заостренными краями.

Роланд ухватил его двумя руками и с трудом закинул его в середину медленно текущей, темной реки.

Не успело лезвие коснуться поверхности, как из воды поднялась бледная рука и поймала его. Рука пару раз махнула мечом и затем исчезла с ним под водой.

— Так и должно было быть? — спросил Роланд.

— Что ты меч запульнешь? — воскликнул Роб. — Нет! Не должен ты был справный меч запульять в водицу!

— Нет, я про руку. — сказал Роланд. — Она вдруг...

— А, они временами появляются. — Роб Всякограб махнул рукой, как будто подводные хвататели мечей были повседневным явлением. — Но у ты теперь оружия нету!

— Но вы сами сказали, что меч не опасен для мары!

— Айе, но это как поглядать, вишь ли! — сказал Роб и заспешил вперед.

— Но ведь без меча я буду еще более геройским героем, верно? — спросил Роланд. Остальные фишлы рысцой следовали за ним.

— Текни-чески, айе. — неохотно ответил Роб Всякограб, — Но мабудь и более мертвым.

— К тому же, у меня есть План. — сказал Роланд.

— У ты есть План? — спросил Роб.

— Да, то есть айе.

— Накорябанный на бумажке?

— Я только подумал... — Роланд остановился. Зыбкие тени расступились и перед ними оказалась большая пещера.

В центре пещеры находилась большая каменная плита, окруженная тусклым желтым свечением.

— Вот мы и пришли. — сказал Роб Всякограб. — Хорошо прогулялись, айе?

Роланд моргнул. Сотни мар кучковались вокруг плиты, но держались на некотором расстоянии, не спеша подходить поближе.

— Я вижу... там кто-то лежит. — сказал он.

— Это сама Лето. — ответил Роб. — С ней ухо остро надо держать.

— Востро?

— Ну... осторожно. — услужливо объяснил Роб. — С богинями может быть чуток мудрено. Они дюже метафорические создания.

— А не могли бы мы просто... схватить ее и побежать? — предложил Роланд.

— Ох, айе, к этому все и идет, — сказал Роб. — Но сначала, мистер, ты должен ее поцеловать. У ты с этим как, все в порядке?

Роланд немного напрягся, но ответил. — Да... эээ, нормально.

— Дамочки обычно этого и ждут. — продолжал Роб.

— И затем мы кинемся бежать? — с надеждой спросил Роланд.

— Айе, потому как именно тут-то мары и попытаются нас остановить. Не нравится им, когда люди бегут отседова. Ну давай же, хлопец.

У меня есть План, думал Роланд, приближаясь к плите. И я буду усиленно думать о нем, а не о том, что я иду через толпу контурных чудовищ, которых можно увидеть лишь с закрытыми глазами, и не о том, что мои глаза уже слезятся. Все, что я воображаю для них является явью, так?

Я сейчас моргну, я сейчас моргну, я сейчас...

... моргну. Они появились перед ним лишь на мгновение, но ему не сразу удалось унять дрожь. Мары были повсюду и каждая ощеренная зубами пасть смотрела на него. Не должно быть такого, чтобы зубы могли смотреть на тебя.

Он рванулся вперед и взглянул на фигуру, лежащую в желтом свечении. Его глаза слезились от усилий, которые он прилагал, чтобы не моргнуть. Это была женщина, она ровно дышала во сне и она выглядела как Тиффани Болит.

* * *

С вершины ледяного дворца Тиффани открывался вид на многие мили вокруг и везде, куда ни погляди, лежал снег. Только на Мелу зеленело. Мел был зеленым островом посреди снега.

— Видишь, я всему научился. — сказал Зимовой. — Мел твой. Поэтому там наступит лето и ты будешь счастлива. Ты станешь моей невестой и я буду счастлив. И всё будет хорошо. Счастье, это когда все по правилам. Теперь я человек и я в этом разбираюсь.

Не вопи, не кричи, сказал Третий Помысел. Но и не молчи, как убитая.

— О... я вижу. — ответила она. — И во всем остальном мире будет зима?

— Нет, в некоторые широты моему морозу не добраться. — ответил Зимовой. — Но в горах, на равнинах вплоть до круглого моря... да.

— Миллионы людей умрут!

— Но только один раз. Вот в чем вся прелесть. И смертей больше не будет.

И Тиффани увидела этот мир воочию, как на Страшденственной открытке: птиц, примерзших к своим веточкам; лошадей и коров, неподвижно стоящих в полях; обледенелую траву, острую, как кинжалы; мертвые трубы каминов. Мир, сверкающий, как мишура, мир без смерти, потому что умирать больше нечему.

Она осторожно кивнула. — Очень... здоровый подход, — сказала она. — Но как досадно, что ничего не будет двигаться.

— С этим просто. Снеговики. — ответил Зимовой. — Я могу сделать из них людей!

— Железа, чтобы сделать гвоздь? — сказала Тиффани.

— Да! Это все очень просто. Я даже съел сосиску! И я могу думать! Я никогда раньше не думал. Я был частью. Теперь я отделился. Только когда ты отделился, ты знаешь, кто ты такой.

— Ты сделал для меня розы изо льда. — сказала Тиффани.

— Да! Я уже начал превращаться в человека!

Но розы растаяли на рассвете, добавила про себя Тиффани, и кинула взгляд на бледно-желтое солнце. Его силы хватало лишь на то, чтобы Зимовой посверкивал в его лучах. Он размышляет, как человек, подумала она, вглядываясь в странную улыбку. Он размышляет как человек, никогда не встречавший другого человека. Он хихикает. Он настолько безумен, что никогда не осознает степень своего безумия.

Он просто не имеет ни малейшего понятия, что означает слово «человек», он не понимает какой ужас он запланировал, он просто... не понимает. И он так счастлив, что почти мил...

* * *

Роб Всякограб постучал по шлему Роланда.

— Не тяни, хлопец. — поторопил он его.

Роланд не сводил глаз со светящейся фигуры. — Она не может быть Тиффани!

— Ага, она же богиня, она может выглядеть как ей вздумается. — сказал Роб Всякограб. — Всего лишь чмокни в щечку и лады? Не увлекайся, у нас времени в обрез. Швидко целуй и гэтьски.

Что-то похлопало Роланда по коленке. Это был голубой сыр.

— Не бойсь — он только подбодрить ты желает. — сказал чокнутый фигл, которого, как уяснил себе Роланд, звали Вулли Валенок.

Роланд решительно вошел в потрескивающее свечение, потому что никакой мужчина не согласится показаться трусом перед сыром.

— Я немного... смущаюсь. — сказал он.

— Кривенс, ну давай же!

Роланд наклонился и поцеловал девушку в щеку.

Спящая открыла глаза и он быстро шагнул назад.

— Это не Тиффани Болит! — сказал он и моргнул. Мары обступили его со всех сторон.

— Зараз хватить ее за руку и деру, — сказал Роб Всякограб. — Мары озлобятся, как узрят, что мы удираем. — Он жизнерадостно постучал по шлему и добавил. — Но это не страшно, да? Ведь у ты есть План!

— Надеюсь, что я все правильно понял. — сказал Роланд. — Тетушки говорят, что у меня ум за разум заходит.

— Приятно слышать. — ответил Роб Всякограб. — Значит ему есть куда заходить! А теперя хапай дамочку и деру!

Роланд взял девушку за руку и осторожно потянул с плиты, стараясь избегать ее взгляда. Она что-то сказала на непонятном языке, но в конце фразы явно слышался вопросительный знак.

— Я пришел, чтобы спасти вас. — ответил Роланд. Она взглянула на него золотистыми глазами змеи.

— Пастушка в беде, — сказала она голосом, преисполненным неприятных отголосков и шипений. — Как грустно, как грустно.

— Нам лучше бежать, — выдавил он. — Кем бы ты там ни была...

Не-Тиффани улыбнулась ему. Это была очень неуютная улыбка, с привкусом неестественности. Они побежали. Армия фиглов трусцой устремилась из пещеры вслед за ними.

— Как вы сопротивляетесь марам? — задыхаясь спросил Роланд у Роба.

— А, мы им не шибко по вкусу пришлись, — сказал Роб Всякограб, вбегая в тени. — Мабудь потому, что мы в основном о выпивке размышляем — они с того пьянеют. Не останавливайся!

И в этот момент мары напали на них, хотя это было неподходящим словом. Атака мар была скорее похожа на столкновение со стеной шепота. Никто их не хватал, клыков тоже не было. Было такое чувство, как будто тысячи крошечных существ, вроде креветок или мошек, пытаются тебя остановить.

Но перевозчик поджидал их. Он поднял руку, когда Роланд, шатаясь,

подбежал к лодке.

— С ТЕБЯ ШЕСТЬ ПЕНСОВ. - сказал он.

— Шесть? — переспросил Роланд.

— Да он тут и пары часов не пробыл, а проезд вздорожал до шести пенсов! — воскликнул Вулли Валенок.

— ОДИН БИЛЕТ ТУДА И ОБРАТНО, ОДИН БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ. - сказал перевозчик.

— У меня нет столько денег! — закричал Роланд. У него появилось ощущение легкого напряжения в голове. Мыслям приходилось проталкиваться, чтобы добраться до рта.

— Предоставь это мне. — сказал Роб Всякограб. Он поглядел на своих собратьев и постучал по шлему Роланда, призывая к тишине.

— Лады, хлопцы. — объявил он. — Мы остаемся!

— ЧТО? — сказал перевозчик. — О НЕТ, ВЫ УЙДЕТЕ! Я НЕ СОБИРАЮСЬ СНОВА ТЕРПЕТЬ ВАС! МЫ ДО СИХ ПОР НАХОДИМ БУТЫЛКИ С ПРОШЛОГО РАЗА! НЕМЕДЛЕННО САДИТЕСЬ В ЛОДКУ!

— Кривенс, не можем мы этого сделать, приятель. — ответил Роб Всякограб. — Вишь ли, на нас узы возложены помогать этому хлопцу. Коли он не пойдет, то и мы не пойдём!

— НИКТО НЕ ДОЛЖЕН ХОТЕТЬ ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ! — резко сказал перевозчик.

— Ничего, мы встряхнем это местечко. — ухмыляясь ответил Роб Всякограб.

Перевозчик побарабанил пальцами по шесту. Раздался стук, как будто кинули кости.

— ОХ, НУ ХОРОШО. НО — И Я ПРЕДУПРЕЖДАЮ — НИКАКИХ ПЕСЕН!

Роланд затащил девушку на борт. Мары сторонились лодки, но когда перевозчик оттолкнулся от берега, Величий Ян пнул Роланда в ботинок и показал вверх. Светящиеся оранжевые контуры, сотни контуров, переползали на другой берег по потолку пещеры. На том берегу их было уже сущее столпотворение.

— Как поживает твой План, мистер Герой? — тихо спросил Роб Всякограб, спускаясь по шлему.

— Я жду подходящего момента. — заносчиво ответил Роланд. Он повернулся к Не-Тиффани. — Я пришел забрать вас отсюда. — сказал он, стараясь не глядеть ей в глаза.

— Ты? — сказала Не-Тиффани, как будто изумившись этой мысли.

— Мы. — поправил себя Роланд. — Все под...

Лодка врезалась в берег с глухим стуком. Мары на берегу стояли плотно, как кукурузные стебли на поле.

— Драпаем. — сказал Величий Ян.

Роланд потащил Не-Тиффани по тропинке, но остановился через несколько шагов. Он моргнул. Вся тропинка впереди была изгибающейся оранжевой массой. Роланд чувствовал легкое давление на него, не сильнее ветерка. Но мары проникли к нему в голову, холодные, колкие. Его план был глупым. План не сработает. Ничего у него не получится. У него никогда ничего не получается. Он своенравен, безрассуден и непослушен, как говорят... его... тетушки.

Позади него Вулли Валенок жизнерадостно воскликнул, — И пусть твои тетки гордятся тобой!

Роланд полуобернулся, неожиданно разозлившись. — Мои тетушки? Позволь мне рассказать тебе о своих тетушках...

— Нет времени, хлопец! — закричал Роб Всякограб. — Двигай дальше!

Роланд огляделся по сторонам, его голова пылала.

Наши воспоминания для них явь, думал он. Я это так не оставлю!

Он посмотрел на Не-Тиффани и сказал. — Не бойтесь. — Затем он вытянул левую руку и прошептал чуть слышно: — Я помню... меч...

Роланд закрыл глаза и увидел меч — такой легкий, что он едва мог почувствовать его вес. Линия в воздухе, состоящая из остроты. Тысячи врагов были убиты этим мечом перед зеркалом. Он никогда не был слишком тяжелым, он двигался, как продолжение его руки. И вот этот меч здесь. Оружие, рубящее все, что цепляется к тебе, лжет и ворует.

— Мабудь и можно сробить Героя за один заход. — задумчиво сказал Роб Всякограб, наблюдая как мары появлялись, прорисовывая себя линиями, и тут же умирали. Он повернулся к Вулли Валенку. — Вулли Валенок? — сказал он. — Напомни-ка, сказывал ли я, что изредка ты шибко справные вещи речешь?

Вулли Валенок был озадачен. — Коли ты об этом упомянул, Роб, то и я упомяну, никогда ты так не сказывал, никогда.

— Аие? — сказал Роб. — Ну ежели сказывал бы, то мог бы сказать прямо сейчас.

Вулли Валенок обеспокоился. — Энто хорошо, аие? Я что-то справное изрек?

— Аие, изрек, Вулли Валенок. В первый раз. Я тобой горжусь. — ответил Роб.

Лицо Вулли Валенка расплылось в огромной улыбке. — Кривенс! Эй,

хлопцы! Я изрек...

— Только не увлекайся. — добавил Роб.

Роланд разрывал мар, как паутину. Появлялись новые чудовища, еще и еще, но серебряное лезвие находило каждого, прорубая дорогу. Они отступали, пробуя новые формы, отшатываясь от пожара ярости в его голове. Меч пел. Мары обвивались вокруг лезвия, взвизгивали и испепелялись в ничто...

... Кто-то стучал по его шлему. Кто-то делал это уже в течении какого-то времени.

— А? — спросил Роланд и открыл глаза.

— Всех перевел. — сказал Роб Всякограб. Тяжело дыша, Роланд огляделся. Хоть закрывай глаза, хоть нет, оранжевых черточек в пещере больше не было. Не-Тиффани наблюдала за ним со странной улыбкой.

— Либо мы валим отсюда, — сказал Роб. — Либо ты можешь еще пошататься тут и подождать новых.

— А вот и они. — заметил Билли Подбородище. Он указал через реку. Оранжевая масса вливалась в пещеру, их было так много, что между ними не оставалось просвета.

Роланд заколебался, с трудом переводя дыхание.

— Вот что я те скажу. — мягко продолжил Роб Всякограб. — Коли будешь справным хлопчиком и спасешь дамочку, то мы как-нить приведем тя сюда и захватим с собой харчей, чтоб и нам было чем заняться.

Роланд моргнул. — Эээ, конечно. — ответил он. — Ммм... извините. Я не знаю, что сейчас произошло...

— Пора гэтьски! — завопил Величий Ян. Роланд схватил Не-Тиффани за руку.

— И не оглядайся, пока не выберешься, — добавил Роб Всякограб. — Это типа традиция!

* * *

Они стояли на вершине башни. В руках Зимового появилась ледяная корона. Даже в слабом зимнем солнце она сверкала, как тысяча бриллиантов, Это был чистейший лед, без пузырьков, трещин или примесей.

— Я сделал ее для тебя. — сказал Зимовой. — Госпожа Лето никогда не наденет ее. — печально добавил он.

Корона была точно впору и не чувствовалась холодной.

Он сделал шаг назад.

— Свершилось. — сказал Зимовой.

— Я тоже должна сделать кое-что. — сказала Тиффани. — Но сперва я должна кое-что узнать. Ты нашел то, из чего сделан человек?

— Да!

— Как ты узнал, что надо искать?

И Зимовой с гордостью рассказал ей про детей, а Тиффани старательно дышала, заставляя себя расслабиться. Его логика была очень... логичной. В конце концов, если морковь и два уголька могут превратить кучу снега в снеговика, то набор солей, газов и металлов, определенно должен сотворить из него человека. Это имело... смысл. По крайней мере, для Зимового.

— Но видишь ли, нужно знать всю песню. — сказала Тиффани. — Эти строчки в основном про то, из чего состоит человек. Но не о том, что такое человек.

— Кое-что я найти не смог. — ответил Зимовой. — Это какой-то вздор. Ничего материального!

— Да, — печально кивнула Тиффани. — Последние три строчки, в которых и заключена вся суть. Мне, право, очень жаль.

— Но я их найду. — сказал Зимовой. — Я найду!

— Надеюсь, что когда-нибудь найдешь, — ответила Тиффани. — Скажи, ты когда-нибудь слышал о Боффо?

— Что такое Боффо? Этого не было в песне! — сказал Зимовой в замешательстве.

— О, с помощью Боффо люди изменяют мир, одурачивая самих себя. — ответила Тиффани. — Это просто изумительно. Боффо учит, что все обладает лишь тем могуществом, что мы сами закладываем в него. Можно магически создавать предметы, но человека из предметов магически не создать. Это всего лишь гвоздь внутри тебя, а не сердце. Всего лишь гвоздь.

Время пришло и я знаю, что делать, подумала она. Я знаю, как должна закончиться История. Я должна закончить ее правильно.

Тиффани притянула Зимового к себе и увидела изумление на его лице. Она почувствовала легкость, как будто ее ноги не касались пола. Мир... упростился. Он превратился в туннель, ведущий в будущее. Она ничего не видела, кроме холодного лица Зимового, ничего не слышала, кроме своего дыхания, ничего не чувствовала, кроме тепла солнца на своих волосах. Это солнце не было яростным огненным шаром лета, но все равно оно было намного больше, чем любой костер.

Куда поведет меня, туда я пойду, сказала она про себя, позволяя теплу вливаться в нее. Я выбираю. Я свой выбор делаю.

И мне придется встать на цыпочки, добавила она.

Гром по мою правую руку. Молния по левую.

Огонь надо мной...

— Прошу тебя, — сказала она. — Забери с собой зиму. Возвращайся в свои горы. Прошу тебя.

Стужа передо мной...

— Нет. Я есть Зима. Я не могу быть ничем другим.

— Тогда ты не можешь быть человеком. — сказала Тиффани. — Вот последние три строчки: «Силы, чтоб дом возвести. Время — ребенка зачать. Любви, чтоб сердце разбить.»

Равновесие... чувство равновесия быстро охватило ее, наполняя воодушевлением.

Центр качающейся доски не двигается. Он не идет вверх, не идет вниз. Он находится в равновесии.

Равновесие... Губы у него были как голубой лед. Позже она будет плакать по Зимовому, который так хотел быть человеком.

Равновесие... старая кельда как-то раз сказала ей: — У тебя внутри есть частичка, что не никогда не растает.

Время таять.

Она закрыла глаза и поцеловала Зимового...

... И притянула к себе солнце.

Стужа к огню.

* * *

Вспышка ослепительно белого света, отбросив тени длиной в сотню миль, расплавила крышу ледяного дворца. Столбы пара, простроченные молниями, с ревом вознеслись в небо и раскрылись зонтиком, затмив солнце. Затем пар превратился в теплый мелкий дождик, который тихо капал и оставлял в снегу маленькие дырочки.

В голове у Тиффани, где всегда было полно мыслей, не осталось ни одной в запасе. Она лежала под теплым дождем на ледяной плите и слушала как дворец рушится вокруг нее.

Когда сделано все, что надо было сделать, не остается ничего другого, кроме как свернуться клубком и ждать, когда затихнет гром.

Что-то еще присутствовало в воздухе, какой-то золотой проблеск,

исчезнувший, когда она попыталась рассмотреть его и затем снова мелькнувший в уголке глаза.

Дворец таял, как водопад. Плита, на которой она лежала, полужаскользя, полу-поплыла вниз по лестнице, превратившейся в реку. Огромные колонны рухнули, но растаяли в падении и поэтому обрушились вниз водяными струями.

Прощай сверкающая корона, подумала Тиффани не без сожаления. Прощай платье, сотворенное из танцующего света, и прощайте ледяные розы и снежинки. Как жаль. Как жаль.

Плита растаяла и теперь она лежала на траве. Воды было столько, что ей надо было выбирать — вставать или тонуть. Она с трудом встала на колени и подожала немного, пока не смогла подняться и устоять на ногах.

— У тебя есть кое-что мое, дитя. — раздался голос позади нее.

Тиффани обернулась и золотой свет принял форму человека. Позади нее стояла она сама, только глаза были... странными, как у змеи. Но рев солнечного пламени все еще звучал у нее в ушах и поэтому ее это не слишком удивило.

Тиффани медленно достала Корнукопию из кармана и передала ей.

— Ты ведь госпожа Лето? — спросила она.

— А ты пастушка, которая стала бы мною? — в словах слышалось шипение.

— Я не хотела! — быстро сказала Тиффани. — Почему ты выглядишь как я?

Госпожа Лето присела прямо на траву. Так странно смотреть на саму себя. Тиффани заметила, что сзади на шее у нее была маленькая родинка.

— Это называется резонанс. — сказала Лето. — Ты знаешь, что это такое?

— Это означает «совпадение колебаний». - ответила Тиффани.

— Как пастушка может это знать?

— У меня есть словарь. — сказала Тиффани. — И я, между прочим, ведьма.

— Ну что ж, в то время как ты подхватывала кое-какие понятия у меня, я тоже научилась кое-чему у тебя, умная пастушья ведьма. — сказала Госпожа Лето. Тиффани она начала напоминать Аннаграмму. И это было облегчением. Она не была ни мудра и ни мила... еще одна могущественная, но не пугающе умная особа и, честно говоря, она немного действовала на нервы.

— Какова ты на самом деле? — спросила Тиффани.

— Как жар раскаленной дороги, как аромат яблок.

Прекрасный ответ, подумала Тиффани, но не очень полезный, как таковой.

Тиффани села рядом с богиней. — Я попала в беду? — спросила она.

— Из-за того, что ты сделала с Зимовым? Нет. Он умирает каждый год, так же как и я. Мы умираем, мы спим, мы просыпаемся. Да и к тому же... ты была развлечением.

— О? Я была развлечением, вот как? — сказала Тиффани, прищуриваясь.

— Что ты хочешь? — спросила Госпожа Лето. Да, подумала Тиффани, точно как Аннаграмма. Намеков совершенно не понимает.

— Хочу? — ответила Тиффани. — Ничего. Только лето, пожалуйста.

Госпожа Лето была озадачена. — Но люди всегда что-то хотят от богов.

— Но ведьмы не берут плату. Зеленая трава и голубое небо, этого достаточно.

— Что? Ты и так их получишь! — голос Госпожи Лето звучал одновременно удивленным и раздраженным, и Тиффани немного язвительно порадовалась этому.

— Вот и хорошо. — ответила она.

— Ты спасла мир от Зимового!

— Я спасла его от глупой девочки, мисс Лето. Я исправила то, что сама же испортила.

— Одну маленькую ошибку? Ты будешь глупой девочкой, если не примешь награду.

— Я буду благоразумной молодой женщиной, если откажусь. — сказала Тиффани и ей понравилось, как она это сказала.

— Зима закончилась. Я это знаю. Я довела дело до конца. Куда повело меня, туда я и пошла. Я выбрала свой путь. Я сделала выбор, когда пошла танцевать с Зимовым.

Госпожа Лето встала. — Поразительно. — сказала она. — И странно. Теперь мы попросимся, но сначала я должна сделать кое-что еще. Встань, молодая женщина.

Тиффани поднялась на ноги и когда она взглянула в лицо Госпожи Лето, золотистые глаза превратились в провалы и втянули ее в себя.

И затем лето наполнило ее. Хотя все продолжалось лишь в течении нескольких секунд, для нее время растянулось дольше.

Она раскачивала стебли кукурузы в полях, наливала яблоки зрелостью, побуждала лосося выпрыгивать из потоков — ощущения нахлынули разом и слились в одно величественное, сверкающее, золотисто-желтое чувство

лета...

... которое стало раскаляться. Солнце заалело в палящих небесах. Тиффани плыла сквозь воздух, горячий, как кипящее масло, в обжигающее спокойствие самого сердца пустыни, где погибают даже верблюды. Здесь не было ничего живого. Ничто не двигалось, кроме пепла.

Она опустилась на дно высохшей реки с выбеленными скелетиками животных по берегам. Грязи здесь не было, в этом жаровом шкафу земли не было даже капельки влаги. Вместо воды в реке текли камни — каемчатые, как кошачий глаз, агаты; одиночные кристаллы гранатов; громовые агаты с разноцветными кольцами — бурые, оранжевые, бежевые, белые камни; камни с черными прожилками — все они были отполированы жаром.

— Здесь сердце лета. — прошипела Госпожа Лето. — Бойся меня так же, как и Зимних Дел Мастера. Мы не вы, хотя вы и дали нам образы и имена. Мы — огонь и лед в равновесии. Не вставай между нами снова...

Что-то зашевелилось. Они лезли из расщелин в камнях, как будто камни ожили: бронзовые и красные, коричневые и желтые, черные и белые, с пестрыми и неумолимо сверкающими чешуйками. Змеи пробовали на вкус раскаленный воздух раздвоенными языками и торжествующе шипели.

Образы исчезли. Мир вернулся.

Вода утекала. Никогда не затихающий ветер раздергал туман и пар в длинные ленты облаков, но непокоренное солнце пробивалось сквозь них. И, как это всегда случается и случается слишком быстро, странное и чудесное стало воспоминанием, а воспоминание стало фантазией. Завтра и она пропадет.

Тиффани шла по траве там, где стоял дворец. Еще оставались пара кусков льда, но через час и они растают. Еще клубились облака, но и их унесет ветер.

Нормальный мир со своими незатейливыми маленькими песенками проталкивался в нее. Она вышла на сцену после окончания представления и кто бы сказал сейчас, что оно вообще было?

Что-то шипело в траве. Тиффани наклонилась и подняла кусочек металла. Он был еще теплым от нестерпимого жара, оплавившего его, но легко можно было понять, что это гвоздь.

Нет, я не приму дар, который бы помог дарителю почувствовать себя лучше, подумала Тиффани. С какой стати? Я найду свои собственные подарки. Я была... «развлечением» для нее, вот и все.

Но он — он делал розы и айсберги для меня и иней на окнах, и так и не смог понять...

Она резко обернулась на звук голосов. Фиглы бежали по склону со

скоростью, позволяющей людям замечать их. И Роланд бежал вместе с ними, немного задыхаясь и пригнувшись к земле из-за слишком большой кольчуги.

Она засмеялась.

* * *

Двумя неделями позже Тиффани вернулась в Ланкр. Роланд довез ее до Двурубах, а остроконечная шляпа помогла ей проделать весь остальной путь. Удача улыбнулась ей. Кучер почтовой кареты до сих пор помнил мисс Тик и, поскольку на крыше было достаточно места, он предпочел не проходить через все это еще один раз. Дороги были подтоплены, вода в канавах бурлила, переполненные реки переливались через мосты.

Первой она навестила Няни Огг, которой рассказала все. Это сэкономило немало времени, потому что рассказав что-то Няни Огг, вы в какой-то степени рассказали это каждому. Когда Нянюшка услышала, что она сделала с Зимовым, она смеялась и смеялась без конца.

Тиффани позаимствовала у Няни метлу и не спеша направилась через лес к коттеджу мисс Тенеты.

Все шло своим путем. На поляне несколько мужчин вскапывали огород, перед входной дверью слонялись деревенские жители. Тиффани приземлилась в лесу и, затолкав метлу в кроличью нору и спрятав под куст шляпу, пошла пешком.

Там, где дорожка выходила к поляне, на березе была прикреплена... кукла, сплетенная из прутьев. Это было что-то новенькое, вызывающее смутное беспокойство. Возможно, беспокойство вызывала сама идея.

Никто не видел как она открыла дверь в моечную и проскользнула в коттедж. Тиффани прислонилась к стене кухни и затихла.

Из соседней комнаты донесся безошибочный голос Аннаграммы в ее типичном Аннаграмматическом состоянии.

— ...только дерево, понятно? Срубите его и поделите дрова. Договорились? А теперь пожмите друг другу руки. Ну же! Я не шучу. Пожмите, как следует или я рассержусь! Вот так. Ну что, сразу стало лучше, а? Покончим со всеми этими глупостями...

Минут десять послушав, как людей бранили, ругали и всячески подкалывали, Тиффани выбралась наружу и пошла по тропинке. Ей навстречу торопливо шла женщина, но она остановилась, когда Тиффани спросила ее — Извините, не живет ли где здесь поблизости ведьма?

— Оооо, да. — сказала женщина и уставилась на Тиффани: — Ты ведь не местная, да?

— Не местная. — ответила Тиффани и подумала: я прожила здесь несколько месяцев, миссис Картер и виделась с вами почти каждый день. Но на мне всегда была шляпа. Люди всегда разговаривают с шляпой. Без шляпы я замаскирована.

— Здесь живет мисс Ястребц. — сказала миссис Картер с неохотой, как будто выдавая секрет. — Но будь осторожна. — Она наклонилась вперед и понизила голос. — В гневе она превращается в жуткое чудовище! Я сама видела это! Но конечно, с нами она хорошо обращается. — добавила женщина. — И молодые ведьмы приходят учиться у нее.

— Ух ты, она должно быть мастерица.

— Она изумительна. — продолжала миссис Картер. — Она пробыла здесь только пять минут и оказалось, что знает все о нас!

— Изумительно. — произнесла Тиффани. Конечно, можно было предположить, что ей кто-то все рассказал, но это будет не так интересно, правда? И кто бы поверил, что настоящая ведьма будет покупать себе лицо у Боффо?

— И еще у нее есть котел, который булькает зеленым. — с превеликой гордостью добавила миссис Картер. — Аж переливается через края. Вот это настоящая ведьма, ничего не скажешь.

— Похоже на то. — ответила Тиффани. Она еще не встречала ведьм, которые бы использовали котлы для чего-то другого, кроме как приготовления пищи. Но почему-то люди в глубине сердец верили, что котел у ведьмы должен булькать зеленым. И должно быть по этой причине мистер Боффо продавал под номером 61 комплект для Котла, Кипящего Зеленым, всего за 14 \$, каждый дополнительный пакет с зеленкой по 1 \$.

И это оказывало действие. Оно не должно было бы, но люди есть люди. Тиффани подумала, что Аннаграмма вряд ли заинтересована в гостях сейчас, тем более в таком госте, что прочитал каталог Боффо от корки до корки, поэтому она вытащила метлу и направилась в коттедж Матушки Ветровоск.

В саду за домом появился куриный загон. Он был старательно сплетен из гибкого орешника и из него доносились довольные чик.

Матушка Ветровоск вышла через черный ход. Она поглядела на Тиффани так, как будто девочка вернулась с десятиминутной прогулки.

— У меня срочные дела в городе, — сказала она. — Я не против, если ты пройдешься со мной. — в случае Матушки Ветровоск это могло сойти за духовой оркестр и раскрашенный свиток с приглашением. Тиффани

пристроилась рядом и они пошли по дороге.

— Надеюсь, вы в добром здравии, Мистресс Ветровоск? — спросила она, стараясь не отставать.

— Я еще здесь, после очередной зимы, вот и все, что я могу сказать. — ответила Матушка. — А у тебя все хорошо, девочка.

— О, да.

— Мы заметили пар. — сказала Матушка.

Тиффани промолчала. И на этом все? Похоже, что да. От Матушки Ветровоск другого не получишь.

Через какое то время Матушка сказала: — Вернулась навестить своих подружек?

Тиффани сделала глубокий вздох. Она раз десять прокручивала в голове этот разговор: что она скажет, что ответит Матушка, как она закричит и что Матушка закричит в ответ...

— Вы все это запланировали, так ведь? — сказала она. — Если бы вы предложили кого-нибудь из девочек, она может быть и получила бы коттедж, поэтому вы выбрали меня. И вы знали, вы просто знали, что я помогу Аннаграмме. И цель была достигнута. Спорю, что уже каждой ведьме в горах известно, что произошло. И могу поспорить, что миссис Иервиг кипит от негодования. А лучше всего то, что никто не пострадал. Аннаграмма смотрит за владением мисс Тенеты, все местные жители счастливы и вы победили! О, вы можете сказать, что это лишь для того, чтобы я была занята делом и училась важным вещам и чтобы не думала много о Зимовом. Но так или эдак, вы победили!

Матушка Ветровоск спокойно шла по дороге. Затем она сказала: — Смотрю, ты заполучила обратно свою безделушку.

Тиффани чувствовала себя так, как будто перед ней сверкнула молния, но грома не последовало или будто она кинула булыжник в пруд, но не услышала всплеска.

— Что? О. Лошадка. Да! Послушайте, я...

— Что за рыба?

— Э... щука. — ответила Тиффани.

— А? Кому-то они нравятся, но на мой вкус илом пахнут.

Вот и все. Против спокойствия Матушки Ветровоск не попрешь. Можно было браниться, можно было жаловаться, но это ничего бы не изменило. Тиффани утешила себя тем, что по крайней мере, Матушка знала, что она знает. Не так уж и много, но это все, на что она могла рассчитывать.

— Обзавелась еще одной безделкой, кроме лошадки, как я погляжу. —

продолжила Матушка. — Колдовская, а? — Она всегда выделяла начальную К в любом колдовстве, которое не одобряла.

Тиффани глянула на кольцо у себя на пальце. Оно прозаично поблескивало. Кузнец сказал ей, что оно никогда не заржавеет на пальце, потому что на коже есть смазка. Он даже нашел время, чтобы выбить на нем крошечные снежинки.

— Это всего лишь кольцо, сделанное из гвоздя. — сказала она.

— Железа, чтобы сделать кольцо. — произнесла Матушка и Тиффани резко остановилась. Она и в самом деле может читать мысли людей? Что-то в таком духе, не иначе.

— И почему ты решила, что хочешь кольцо? — спросила Матушка.

По всем возможным причинам, которые никогда не смогли бы полностью оформиться в голове Тиффани, она знала почему. Но все, что она смогла придумать для ответа, было: — В то время эта идея показалась мне хорошей.

Тиффани ожидала взрыва.

— Возможно, так оно и было. — мягко ответила Матушка. Она остановилась и показала рукой в сторону — в направлении города и дома Няни Огг — и сказала: — Я огородила его. Его защищают и другие силы, уж поверь, но попадают такие глупые звери, что не сообразят испугаться.

Там стоял молодой дубок, уже в пять футов высотой. Плетень из кольев и ветвей окружал его.

— Быстро растет для дуба. — сказала Матушка. — Я присматриваю за ним. Ну ладно, пошли, я не хочу ничего пропустить. — она быстро двинулась дальше. Сбитая с толку Тиффани побежала за ней вслед.

— Пропустить что? — тяжело дыша спросила она.

— Конечно же танец!

— Не слишком ли рано для него?

— В наших краях самое время. Танец начинается здесь!

Матушка быстро шла по тропинке позади маленьких садиков, пока не вышла на городскую площадь, где собралась большая толпа. На площади были установлены стулья. У людей в толпе был несколько безнадежный вид, как у тех, кто пришел сюда по воле сердца, но так и не понял, что он тут делает. Единственным утешением могли служить горячие сосиски на палочках. И повсюду копошились белые куры. Няни Огг сказала, что они несут отличные яйца и потому просто стыдно их резать.

Матушка прошла вперед. Ей не было нужды толкаться. Люди просто сами расступались перед ней в стороны, сами того не замечая.

Они прибыли как раз во время. По дороге от моста бежали дети,

предваряя появление танцоров. Танцоры, неспеша направляясь к площади, выглядели как самые обычные, ничем не приметные мужчины — Тиффани часто встречала таких в кузницах и в повозках на дорогах. Одежда танцоров была белой, вернее сказать, когда-то была белой. И у них был такой же смущенный вид как и у зрителей, говорящий, что они здесь лишь забавы ради и не следует принимать все происходящее всерьез. Они даже махали толпе. Тиффани огляделась и увидела мисс Тик, Няни и даже миссис Иервиг... почти всех знакомых ведьм. О, и Аннаграмма тоже была здесь, но без своих маленьких приспособлений от Боффо и с очень гордым видом...

Как не похоже на прошлую осень, подумала она. Тогда все происходило в темноте, было тихо, торжественно и скрытно — все не так как сейчас. Кто тогда таился в тених, наблюдая за танцем?

Кто наблюдает за танцем сейчас? Кто здесь прячется в свете?

Барабанщик и аккордеонист протолкались через толпу, вслед за хозяином кабачка, который нес на подносе восемь пинт пива (потому что ни один взрослый человек не согласится танцевать перед своими друзьями в шляпе с ленточками и штанах с колокольчиками, без отчетливой перспективы обильной выпивки).

Когда шум немного затих, барабанщик несколько раз ударил в барабан, а аккордеонист взял долгий аккорд — сигнал, что танец Морриса вот-вот начнется и кто не успел, тот сам виноват.

И вот оркестрик, состоящий из двух человек, заиграл музыку. Мужчины, стоящие в два ряда по трое напротив друг друга, отсчитали ритм и подпрыгнули... Когда двенадцать подкованных гвоздями ботинок приземлились, высекая искры, Тиффани повернулась к Матушке.

— Научите меня убирать боль. — сказала она, сквозь звуки танца.

Трах!

— Это не просто. — ответила Матушка, не отрывая глаз от танцоров. Ботинки снова приземлились.

— Вы вытаскиваете ее из тела?

Трах!

— Иногда. Или прячу. Или делаю для нее клетку и уношу прочь. Это опасные занятия и можно умереть, если не проявлять должное уважение, барышня. За все надо платить, а прибыли никакой. Ты просишь меня научить, как класть руку в пасть ко льву.

Трах!

— Я должна этому научиться, чтобы помочь барону. Он очень плох. Мне столько всего нужно сделать.

— Ты сделала выбор? — спросила Матушка, наблюдая за танцорами.

— Да!

Трах!

— Это тот самый барон, что не любит ведьм? — спросила Матушка, скользя взглядом по лицам в толпе.

— Но кто любит ведьм, пока ему самому не потребуются их помощь, госпожа Ветровоск? — мягко сказала Тиффани.

Трах!

— Я предъявляю счет, госпожа Ветровоск. — добавила она. В конце-то концов, поцеловав Зимового, можно рискнуть и на такое. И Матушка Ветровоск улыбнулась, как будто Тиффани сказала то, что от нее ожидалось.

— Ха! Счет? — сказала она. — Очень хорошо. Зайди ко мне перед отлетом и мы посмотрим, что дать тебе с собой в дорогу. И я надеюсь, что ты сможешь закрыть двери, что собираешься открыть. А сейчас посмотри на толпу! Иногда, ее можно увидеть!

Тиффани обратила свое внимание на танец. Она не заметила, как откуда-то появился Дурень, который слонялся между зрителями, собирая деньги в свой потрепанный цилиндр. Если было видно, что девушка взвизгнет от поцелуя, он целовал ее. Время от времени, никого не предупреждая, он впрыгивал в танец и кружился между танцорами, всегда оказываясь на свободном месте.

Затем Тиффани увидела. Глаза женщины на другой стороне площади блеснули золотым, всего лишь на мгновение. Заметив один раз, она замечала снова и снова — в глазах мальчика, девочки, мужчины с кружкой пива, проблеск перескакивал с одного лица на другое, чтобы наблюдать за Дурнем...

— Лето пришло! — сказала Тиффани и осознала, что отбивает ритм ногой; она осознала это после того, как тяжеленный ботинок осторожно, но твердо придавил ее ногу к земле. Ты, сидящая рядом, поглядела на нее невинными голубыми глазками, что на долю секунды стали ленивыми золотистыми глазами змеи.

— Так и должно было быть. — ответила Матушка Ветровоск и убрала свою ногу.

— Монетку на счастье, мисс? — раздался голос рядом с ней, сопровождаемый звоном мелочи в шляпе.

Тиффани повернулась и посмотрела в пурпурно-серые глаза. Лицо, с которого они смотрели, было морщинистым, загорелым и ухмылялось. И у него была золотая сережка. — Медяк-другой от прекрасной леди? —

выпрашивал он. — А может серебро или золото?

Иногда, подумала Тиффани, ты просто знаешь, как следует поступить...

— Железо? — сказала она, снимая кольцо с пальца и кидая его в шляпу.

Дурень изящно вытащил его и подбросил в воздух. Глаза Тиффани проследили за кольцом, но каким-то образом оно оказалось не в воздухе, а заблестело на пальце Дурня.

— Железо пойдет. — сказал он и неожиданно поцеловал ее в щеку. Его губы были только чуть чуть холодными.

* * *

Фиглы столпились на галереях, но в кургане стояла непривычная тишина. Момент был очень важный. Честь клана была поставлена на карту.

В центре кургана лежала большая книга с красочными картинками, она была больше, чем Роб Всякограб. Ее немного испачкали грязью, когда тащили в курган. Робу бросили вызов. Все эти годы он считал себя героем и затем карга из карг сказала, что не такой уж он и герой. Что ж, с каргой из карг не поспоришь, но он собирался принять вызов. О, айе, он примет вызов или он не Роб Всякограб.

— Где моя корова? — прочитал Роб. — Это моя корова? Она говорит чик! Энто... энто... цыпленок! Это не моя корова! И затем тут намалеваны парочка курей. Еще одна страница, верно?

— Верно, Роб. — ответил Билли Подбородище.

Собравшиеся фиглы радостно завопили, а Роб обежал вокруг книги, размахивая руками.

— И энта книженция намного сутужне, чем АВБГДЕйка, верно? — сказал он, совершив круг почета. — Та была легкая! Дюже предсказуемый сюжет. Кто бы ее не написал, не больно то он напрягался, на мой погляд.

— Ты про Алфавит? — спросил Билли Подбородище.

— Айе. — Роб Всякограб подпрыгнул пару раз и сделал несколько боксерских выпадов в воздух. — Есть что-нить покруче?

Гоннагль поглядел на стопку потрепанных книг, самыми различными способами собранных фиглами.

— Ну, вот эта под названием «Принципы современного счетоводства». - с сомнением произнес Билли.

— И энто дюже героическая книга для прочтения? — сказал Роб, бегая

на месте.

— Айе. Возможно, но...

Роб Всякоргаб поднял руку, призывая к тишине и поглядел на Дженни, которая стояла, окруженная толпой маленьких фигов. Она улыбалась ему, а его сыновья смотрели на отца в немом изумлении. Придет день, подумал Роб, когда они смогут подойти к самым длинным словам и дать им хорошего пинка. И никакие запятые и эти коварные точки с запятой не остановят их!

Он обязан быть героем.

— Энта книга мне по душе. — сказал Роб Всякограб. — Давайте ее сюда!

И он читал «Принципы современного счетоводства» все утро, но для интереса разбавлял сюжет драконами.

Примечание автора

Танец Морриса...

... по традиции его танцуют первого мая, отмечая начало лета. Происхождение этого танца довольно туманно, потому что его слишком часто исполняли перед кабачками, но в настоящее время он считается английским народным танцем.

В танце участвуют как мужчины, так и женщины, они обычно носят белые одежды с нашитыми колокольчиками. В США его тоже танцуют, несколько лет назад я сам был свидетелем, как в одном книжном магазине в Чикаго исполняли Темного Морриса.

Я выдумал Темного Морриса для другой книги, которая называется «Мрачный Жнец» (по крайней мере, я верю, что выдумал). Группа танцоров Морриса (официально ее называют фланг) облачилась в черное, специально для меня. Они танцевали его в полной тишине, идеально попадая в такт, без музыки и колокольчиков — обычного сопровождения «летнего» танца.

Танец был прекрасным, но у меня по коже забегали мурашки. Не плохо было бы исполнить его дома...

notes

Notes

1

Эээ... Охота На Вѣдьм Для Чайников.

Cat's cradle — детская игра, в которой один из партнеров растягивает на пальцах обеих рук связанную в кольцо нитку, а второй должен снять нитку с его пальцев и надеть на свои, переплестя нитку каким-л. образом так, чтобы получился симметричный узор. (прим. переводчика)

Кевин, Невил и Тревор

Владение: область, на которую распространяется ежедневная забота ведьмы. Это может быть как одна деревня, так и весь мир.

Характеризующий ведьм факт — старые друзья и старые враги часто могут быть одной и той же персоной.

Tir Nani Ogg — игра слов, Tir Nan Og на ирландском означает Страна Юных, так называется Страна Фей. (прим. переводчика).

Икспериментировать: поколдовать и посмотреть, что из этого получится.

У каждой ведьмы есть свой заскок. Чем раньше определишься со своим, тем лучше.

Чик...